
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Школьники села Ясеня (Закарпатская область) Мария Сидоряк и Саша Гордиевич.

Фото Н. Козловского

На первой странице обложки: — Меня сегодня приняли в пионеры, — с гордостью рассказывает своим друзьям московский школьник Гена Блинов.

Фото Г. Зельма

На последней странице обложки: В пионерлагере «Артек» (Крым).

Фото Н. Максимова

ОГОНЁК № 22 (1199) 28 МАЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СПАСИБО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ЗА СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО!

Фото С. Фридлянда и Я. Халипа

ЗА МИР И СЧАСТЬЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ!

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Зимой 1943 года на одной из улиц Ленинграда часто можно было видеть двух детей — мальчика лет семи и девочку лет пяти. Ребята, медленно пробираясь между снежными сугробами, шли к руинам дома, разрушенного бомбой. От дома остались только крыльцо и обрывавшаяся на высоте третьего этажа лестница. Дети поднимались на крыльцо и садились на ступеньку. Девочка держала на коленях старенькую, с облупившимся лицом куклу, а мальчик зябко сжимал руки в зеленых шерстяных варежках.

Раньше дети жили в этом доме. У них был веселый и сильный отец, любящая, ласковая мать. Но отец погиб на фронте, а мать была убита бомбой. Теперь дети жили у родственников. Но каждый день они приходили сюда, к развалинам, которые когда-то были их домом. Они приходили, даже когда был сильный мороз или мелкая снежная крупа больно хлестала по лицу. Дети сидели молча, прижавшись друг к другу; без слез, но с глубокой тоской в глазах. И видеть эти тоскливые детские глаза было во сто крат тяжелее, чем самые страшные, кровоточащие, открытые раны...

Когда на международных конференциях и совещаниях советские представители напоминают о великих жертвах, принесенных нашим народом в войне с гитлеровским фашизмом, находятся за рубежом люди, которые в ответ цинично брюзжат: «Пора уже забыть о том, что было во время войны!».

Но мы говорим: этого нельзя забыть! Мы помним жертвы, принесенные не только нами, но и другими народами. В Майданеке, когда там работала следственная комиссия, среди вещественных доказательств фашистских преступлений были и детские вещи: платье французской девочки, вязаный костюмчик чешского мальчика, сандалии маленького поляка.

Мы говорим о жертвах прошлой войны не потому, что хотим растравить душевные раны матерей, а потому, что хотим спасти мир от новой войны, спасти детей, их жизни, их счастье.

В Советском Союзе дети окружены неустанной отеческой заботой большевистской партии, правительства, товарища Сталина. В самые трудные дни войны сотни тысяч детей были эвакуированы в безопасные районы страны, полностью обеспечены питанием, жилищем, одеждой. Перед нашими детьми широко открыты двери школ, художественных и ремесленных училищ, вузов, театров. Каждый советский школьник, как бы молод он ни был, живет благородными идеями интернационализма, идеями мира и счастья для всех народов. Высокая мораль, чистота и человеколюбие — неоценимый дар, который получили советские дети от великой партии Ленина—Сталина.

Летом прошлого года у нас в стране гостила делегация английских женщин, которая посетила несколько городов. В ленинградском Дворце пионеров английские гости встретились с детьми. Сначала ребята долго молчали. Я думаю, они молчали потому, что им многое хотелось сказать, но они не знали, с чего начать. Они могли бы сказать о том, что здание Дворца пионеров — лучшее здание в Ленинграде и что советское правительство отдало его детям; или о том, что гитлеровцы занесли Дворец пионеров в список военных объектов под № 192 и во время блокады обстреливали его из дальнобойных орудий...

Молчание прервала Виктория Бубнина. Она очень волновалась, эта тринадцатилетняя девочка в красном галстуке: у нее перед глазами снова прошла картина голода и разрушений, гибель матери и отца... Но, собрав все свои душевные силы, девочка сказала: «Когда вы вернетесь домой, спросите от моего имени свое правительство: зачем они снова хотят войны?»

Я не знаю, сумели ли английские делегатки исполнить эту просьбу Вики Бубниной,— как показал опыт делегации Постоянного комитета сторонников мира в английском парламенте не любят выслушивать подобные вопросы. Но миллионы детей и матерей всего мира задают этот вопрос правительствам США и Англии, нынешним поджигателям войны.

Огромные суммы расходуются в США, Англии, Франции, Италии на подготовку новой войны, а миллионы детей в этих странах лишены куска хлеба, жилища, школы. Стоит развернуть любую американскую газету или журнал, чтобы узнать о некоторых сторонах жизни нью-йоркской, вашингтонской, чикагской бедноты: отец убил своих детей, чтобы спасти их от мучительной голодной смерти; голодающая семья отравилась газом; мать подкинула ребенка в подъезде «оффиса»...

Демагоги из лейбористской партии во время избирательной кампании 1945 года оклеили всю Англию плакатами, в которых обещали дать к 1950 году каждой английской семье по дому (заметьте, не просто по комнате, а по целому дому!). Наступил 1950 год. В лондонских ночлежках попрежнему можно увидеть детей всех возрастов — сюда приходят на ночь бездомные семьи. Попрежнему рабочие ютятся в брошенных автобусах и железнодорожных вагонах, в бараках из гофрированного железа. Попрежнему продукты питания нормированы, и как об особом достижении в газетах объявляется, что дети могут получить по два яйца в неделю.

В городе Гран-Круа, во Франции, недавно обрушилась стена ветхой школы; двое детей были убиты. Почему же французское правительство не строит новых школ? Потому что подготовка к новой войне, которую ведет по указке Уолл-стрита правительство Бидо, обходится в 600 миллиардов франков в год, война во Вьетнаме — в 170 миллиардов, содержание полиции для борьбы с бастующими рабочими — в 20 миллиардов франков в год. На эти суммы в течение одного года можно было бы построить тысячи квартир и учебных классов.

За последнее время в Лондоне стало модой проводить всякие «живописные церемонии», с участием представителей колоний. Захлебываясь от восторга, английские газеты описывают «развевающиеся одеяния африканских вождей», «яркие одежды восточных владык»...

Эти «владыки» — лишь разряженные марионетки; подлинными хозяевами колоний попрежнему остаются английские и соперничающие с ними американские империалисты. За «живописными церемониями» хотят скрыть правду о колониях. Правда о колониях и зависимых странах — это десятки тысяч детей 5—6-летнего возраста, работающих на чайных плантациях англичан в Индии; детей, которые целый день на солнцепеке дробят камни для строительства стратегических дорог; правда о колониях и зависимых странах — это дети, умирающие от голода на улицах Калькутты и Бомбея, Батавии и Сингапура, Алжира и Тегерана.

Правда — это пятнадцатилетний крестьянский мальчик Райни Родди, который был приговорен в Индии к смертной казни, и другой индийский мальчик, одиннадцатилетний Дина Линчайя, приговоренный к тюремному заключению на 46 лет. Их обвинили «в намерении насильственно свергнуть существующее правительство». Правда — это торговля малолетними детьми в Австралии, США и Японии.

Мы говорим о нужде, голоде и страданиях детей в капиталистических, колониальных и зависимых странах потому, что глубоко сочувствуем им, и потому, что знаем: эти дети терпят лишения из-за корыстолюбия и бредовых агрессивных планов американских монополистов.

Не так давно американцы прислали в Роттердам пароход с игрушками для голландских детей. Они рассчитывали, что женщины Роттердама расчувствуются от этой «доброты» и не заметят, что вслед за пароходом с игрушками в роттердамский порт пришли пароходы с американскими пушками и танками. Но в Роттердаме еще не убраны развалины от бомбардировок прошлой войны; голландские рабочие не забыли своих убитых детей. И когда американское вооружение пришло в порт, докеры единодушно объявили забастовку, заявив, что они не допустят, чтобы американские империалисты использовали голландскую землю для своей агрессии.

Бастуют докеры Марселя, Антверпена, Генуи, Бизерты, Неаполя, Бреста, многих других западноевропейских и африканских портов. Забастовки прошли в портах Канады, США, Англии. Непреклонно желание простых людей защищать мир, жизнь и счастье своих детей!

Домохозяйка Примм из Хэкни, одного из лондонских рабочих районов, сказала на английском конгрессе сторонников мира, что ее муж четыре года сражался против германского фашизма, а теперь ее дети боятся выходить на улицу, чтобы не быть избитыми английскими фашистами. Лейбористское правительство покрывает молодчиков Мосли, но разгоняет рабочие демонстрации. Однако это не останавливает английских женщин. Когда колонна английских солдат проходила по улицам Лондона, навстречу им вышла большая толпа женщин. Они образовали цепь и остановили солдат, провозглашая лозунги: «Не надо больше войны!», «Мир для наших детей!».

«Мир для наших детей!» — под этим лозунгом проходит сейчас кампания сбора подписей под воззванием Стокгольмской сессии Постоянного комитета сторонников мира. Во всех странах мира матери подписываются под этим воззванием — за себя и за своих детей.

Дети и сами поднимают голос против войны. Когда один из английских лордов — поджигателей войны,— Лейтон, выступил перед школьниками Бирмингама с речью, призывающей к войне, ребята закричали: «Не лучше ли думать о мире, а не о войне?» — и не захотели слушать этого коммивояжера Уолл-стрита. Дети выходят вместе с родителями на демонстрации в защиту мира; они собирают деньги в фонд комитетов борцов за мир.

Во время первомайской демонстрации в Париже воспитанники одного из детских домов, родители которых были расстреляны фашистами во время гитлеровской оккупации, вручили секретарю французской компартии Морису Торезу большую связку экземпляров стокгольмского воззвания, подписанного многими тысячами французских детей.

1 июня демократические организации всего мира будут проводить Международный день детства. Главная задача этого дня — поднять народы на активную, действенную борьбу за мир, за жизнь и счастье детей, за их право на хлеб, на школу, на игры. Защитить права детей можно лишь всенародной борьбой против поджигателей войны. Остановить руку с бомбой, которую занесли над детьми всего мира англо-американские империалисты,— долг каждого сторонника мира, каждой матери, каждого отца.

Завтрак на этой террасе, залитой светом, кажется особенно вкусным.

Пионерская здравница

Фото Н. Максимова

«Артек» — настоящий рай, но рай земной, реальный», — писал в 1933 году страстный борец за счастье человека Анри Барбюс.

Поистине чудесный, райский уголок крымской природы отдала Советская страна своей детворе. Синяя гладь моря, яркое солнце, чистый воздух, богатая, цветущая зелень...

Из далекой суровой Якутии и из знойных республик Средней Азии, с Дальнего Востока и Урала, с Украины и Белоруссии — со всех концов великого Советского Союза приезжают сюда лучшие пионеры, отличники учебы, чтобы набраться новых сил, здоровья. Отдых, теплую дружбу находят здесь и дети из братских зарубежных стран.

Только в послевоенные годы в «Артеке» побывало больше 25 тысяч школьников и пионеров.

Размеренной, но увлекательной жизнью живет прославленная пионерская здравница.

...Утро. Звонко трубит горнист. Лагери просыпаются. Отрядами идут ребята на линейку. Торжественная минута подъема флага — и начинается день артековцев, насыщенный радостью, весельем, смехом, бодрыми песнями, день, полный разнообразных развлечений, игр.

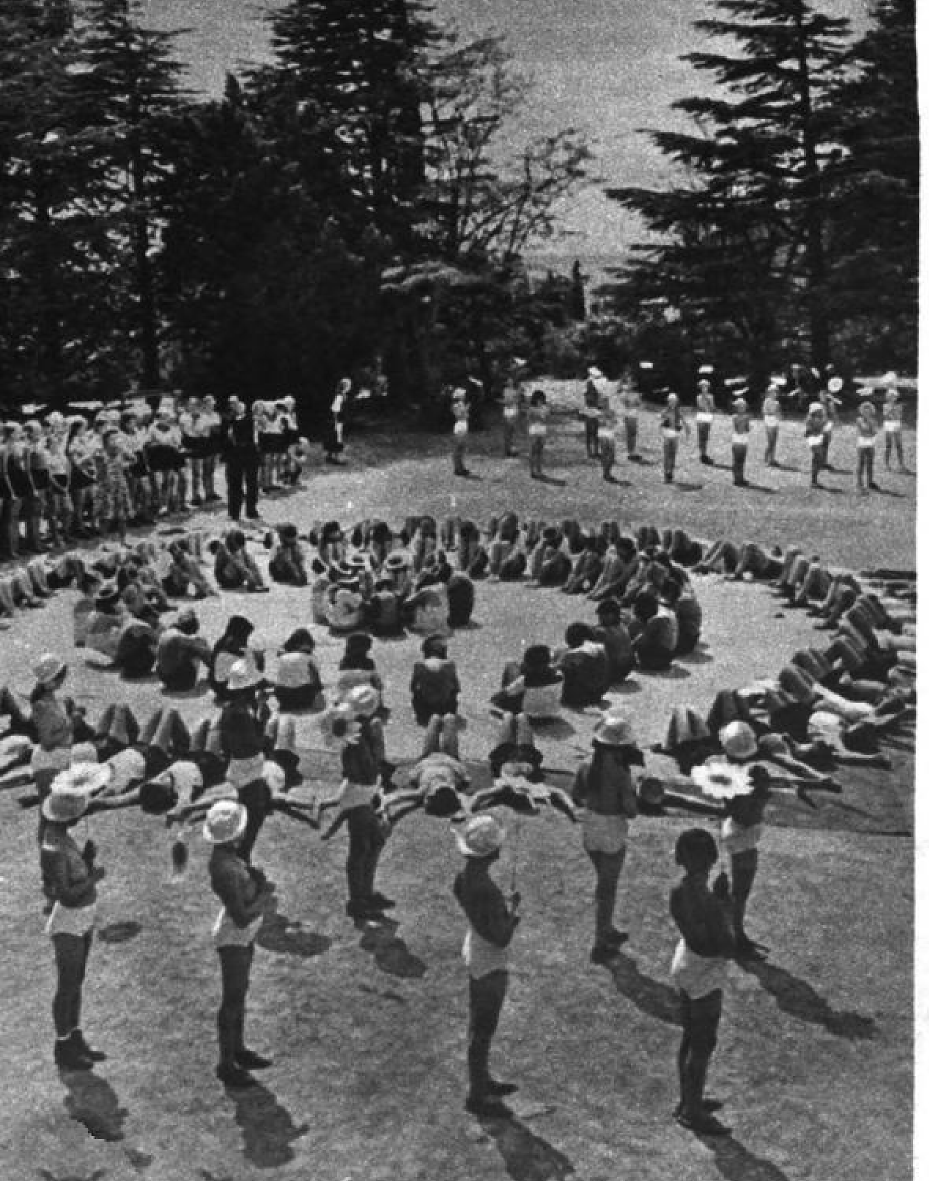
Каждый артековец может заниматься любимым делом, выбирать занятия по своему вкусу.

Юные авиамоделисты строят и испытывают моторные модели гидросамолетов.

Туристы совершают дальние походы, экскурсии. Вот группа юных путешественников с интересом осматривает развалины Генуэзской крепости в Гурзуфе.

Если в меру пользоваться солнцем (а за этим следит медицинский персонал), оно — чудодейственный врач. Ребята загорают, тела их становятся бронзовыми.

Много здесь отличных мест для прогулок. Хорошо погулять по линейке Верхнего лагеря, среди цветов и пальм!

На лагерном костре стали традиционными массовые спортивные выступления. Артековцы тщательно к ним готовятся.

Отлично отдохнув, набравшись свежих сил, покидают пионеры «Артек», храня в своем сердце горячую благодарность партии, правительству, родному товарищу Сталину за счастливое и радостное детство.

РАСТУТ НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

Лев КАССИЛЬ

На уроке в 132-й средней школе города Баку.

Фото Е. Умнова

Первомайскую демонстрацию на Красной площади в 1950 году открыли дети. Им, юным, Москва дала почетное право начать многочасовое, миллионноглавое шествие в честь всесветного праздника весны, труда и мира.

За орденоносным знаменем столицы, которое несли и сопровождали знатнейшие люди великого города, шли пионеры Москвы. Они шли с сияющими, румяными от волнения лицами, подняв высоко вверх цветы. Казалось, сама наша весна, во всем ее благоуханном, молодом цветении, вторглась в эти минуты на площадь перед Кремлем. Шли юные посланцы утра коммунизма. Они увидят его полдень!

Страна наша заботливо и мудро воспитывает своих детей.

Всякий раз, когда бываешь в школе, в детском доме, в пионерском лагере — в солнечном, шумном мире, полном жадных устремлений в будущее, пытливых мыслей, глубоких и чистых чувств,— убеждаешься: растут настоящие люди! Они свободны от предрассудков, не знают нужды, они растут в мире дружбы, вдохновленные великими идеями нашей жизни, уверенные, что все добрые силы мира с ними.

Мне довелось присутствовать на диспуте, который проводили совместно две школы Тимирязевского района Москвы — мужская и женская. Собравшиеся в просторном зале школьники из средних и старших классов обсуждали вопрос: «Каким должен быть настоящий человек?»

Дискуссия длилась несколько часов. Один за другим поднимались на трибуну школьники и школьницы, делились своими мечтами, прямо и решительно высказывали свои суждения. Чувствовалось, что вопрос, о котором шла речь на диспуте, задел всех за живое. Спорили страстно: всех выступавших ребят объединяла одна светлая, благородная цель — стать полезными Родине.

— Настоящим человеком в нашем понимании может быть только патриот! — говорила девочка из 7-го класса.

— Прошу слова! — закричали из зала.

— Пожалуйста, — разрешил председатель.

Встал коренастый паренек с рыжеватым хохолком:

— Считаю, что вопрос смазан. Надо ясно сказать, кого считать настоящим патриотом. Настоящий патриот — это, по-моему, тот, кто борется за счастье всего своего народа. Он хочет, чтобы весь народ был счастливым, а не кучка богачей, всяких там капиталистов, которые кричат, что они за родину, а сами стоят только за свой карман. Вот во Франции, скажем, коммунисты вели борьбу с фашистскими захватчиками, организовали сопротивление... И сейчас они борются против «плана Маршалла», за мир. Вот они и есть настоящие патриоты. Они стоят за свободу своей страны и за то, чтобы народу было жить хорошо, чтобы не было войны...

Когда обсудили вопрос о патриотизме, пошел разговор о счастье.

— Надо нам кое-какие пословицы пересмотреть,— заявила одна девятиклассница, девочка с тяжелой, длинной косой. — Народ живет по-новому, а пословицы старые. Вот говорили: «Правда хорошо, а счастье лучше». Это раньше приходилось людям изворачиваться, достоинством своим жертвовать, чтобы как-нибудь в жизни устроиться получше. А настоящий человек в наше время никогда с этим не примирится. Счастье хорошо, но правда лучше. Вот как мы считаем. Потому что у нас настоящее счастье может быть только тогда, когда оно связано с правдой, то есть, значит, с чистой совестью.

— Разве могли бы мы быть счастливы сами, если вокруг нас люди были бы лишены счастья? Настоящее счастье — это часть общего счастья, счастья Родины. Или вот говорили еще: «Стыд не дым, глаза не выест»... Неверно это. Если тебе стыдно перед людьми, перед обществом, так ты на людей глаза не подымешь. А настоящий человек смотрит смело в глаза всем.

— Тогда еще вопрос! — раздалось из того угла, где сидели самые беспокойные спорщики, шушукавшиеся с рыжеватым пареньком.— Такой вопрос: как же именно должен жить настоящий человек, чтобы иметь право смотреть всем в глаза?

— Он должен быть полезен народу. Прежде всего своим трудом. Мы вот должны успевать в школе, это наш долг перед народом.

— Мало! — продолжал тот же голос.— Мало самому только правильно жить. Надо стараться, чтобы все другие стали настоящими людьми. Если ты сам настоящий человек, то не имеешь права пройти мимо какого-нибудь безобразия или даже непорядка. Настоящий человек считает, что он должен за все на свете отвечать. Так коммунисты и действуют, а коммунисты — это самые настоящие из настоящих!

— А я это не совсем понимаю,— признался застенчивый мальчуган в больших круглых очках.— Как же можно за все на свете отвечать? Сил не хватит. Ну, вот, например, в Америке негров линчуют. Как же я могу за это отвечать?

— Очень просто, можешь! — откликнулся рыжеватый паренек. — Ты не должен оставаться равнодушным к тому, что несправедливо, значит, должен изучить вопрос о положении негров... Книжки должен читать по этому вопросу. И потом надо самому действовать так, чтобы у нас дружба народов еще больше выросла, укрепилась. Наша страна — пример для всех народов мира. Это надо понимать, тогда и будешь чувствовать ответственность. А иначе никогда из тебя настоящего человека не выйдет,— снисходительно заключил он, поглядев на очкастого мальчугана.

— Ну, это еще посмотрим, какой выйдет — настоящий или не настоящий! — обиделся тот.

Вскочил председатель:

— Не ссорьтесь, ребята! Все мы можем стать настоящими людьми, стоит только захотеть! Каждому найдется дело в жизни, свое место под общим солнцем!

С какой взыскательностью оценивали человеческое поведение, жизни, судьбы в тот день с маленькой трибуны школьного зала!

Как бы продолжением этого диспута была весьма примечательная беседа, которая недавно состоялась во время Недели детской книги в одном из районных московских домов пионеров — Фрунзенском. Говорили о том, каким должен быть пионер-ленинец. Ребята приводили примеры из книг, давно или недавно прочитанных. Вспоминали славного пионера Павлика Морозова, отдавшего свою жизнь в борьбе с кулачеством. Говорили о том, что и Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой были в свое время отличными пионерами. Называли героев новых книг, толковали о деятельном сельском пареньке Сане Коншакове из книги Мусатова «Стожары», об ошибке и исправлении Саши Емельянова из повести Прилежаевой «С тобой товарищи».

Пионерка-шестиклассница, взявшая слово в этой беседе, сказала горячо и убежденно:

— Ленин говорил: задача состоит в том,

чтобы учиться. Чтобы стать настоящим человеком-ленинцем, надо много знать, и прежде всего знать, какая у тебя цель впереди. А у нас в СССР цель — построить коммунизм. Вот тот, кто готовится к тому, чтобы помогать всему народу этой цели достичь, кто для этого не пожалеет своих сил, даже жизни, вот тот и есть, по-моему, настоящий пионер-ленинец.

Энергичный мальчуган, поднявшийся на трибуну, как бы подвел итог всему, что говорилось.

— Я считаю,— сказал он,— что юный ленинец — это тот, кто во всем берет пример с товарища Сталина... Потому что ведь так и говорят: Сталин — это Ленин сегодня.

И дружно захлопал в ответ ему весь зал.

Завязалась беседа о подвиге, о труде, о героизме. Как всегда, с жаром обсуждались вопросы дружбы, товарищества, правила поведения человека в коллективе, которые всегда очень занимают наших ребят. Не случайно детские книги, которые завоевали в последнее время особенный успех, уже одними своими названиями говорят о большой, строгой и душевной дружбе: «Всегда вместе», «С тобой товарищи», «Большая семья».

Эти книги о славной дружбе юных и взрослых людей стали сейчас любимыми у нашей детворы наравне с другими произведениями советских писателей, темы которых также вызывают живой отклик в душах маленьких патриотов: «Повесть о настоящем человеке», «Служу Родине», «Честь смолоду», «Молодая гвардия».

Тысячи писем пишут читатели этих книг. Когда перечитываешь письма детей, сквозь строки их снова видишь ясные, пытливые глаза тех, кто непременно хочет стать настоящим человеком и имеет для этого все возможности.

Дети наши, растущие людьми, достойными носить гордое звание Человека, полны горячего интереса ко всему, что происходит в мире. Их волнует борьба лучших сил человечества против поджигателей новой войны. Они просят написать книгу о Поле Робсоне и других деятелях демократии, борющихся за мир во всем мире.

В своем отзыве о книге писательницы Н. Кальмы «Дети Горчичного рая» ученик 7-го класса «Б» 128-й школы Москвы Вадик Парфиненко пишет:

«Герои книги — это народ. И он сейчас борется против поджигателей новой войны, борется против гонки вооружения. А Советский Союз все больше крепнет и крепнет. И ничем его не запугаешь, даже атомной бомбой. Советский Союз стоит и будет стоять за мир, за коммунизм, за свободу».

А Галя Мартыненко, пятиклассница из школы № 1 имени Сталина, так отозвалась на пьесу Сергея Михалкова «Я хочу домой!»:

«Даже хищные звери понимают, что такое «мать». А вот мистеры куки и скотты не хотят отпускать домой советских детей. Мне понравился мальчик Саша, который убежал на Родину... Я горжусь, что родилась в такой стране, в которой дети живут спокойно, счастливо, культурно».

...С цветами, с алыми стягами шли по Красной площади в день Первого мая московские пионеры, посланцы нашей мирной трудовой весны. Появление их в первых рядах шествия, веселые краски пионерской колонны, звонкие здравицы, яркие цветы в детских руках — все это принималось, как властный, проникающий в сердце призыв — зорко беречь мир, в котором священны сон ребенка и забота отца о будущем сына, радость детства и счастье материнства.

Когда колонна ребят поровнялась с мавзолеем, от нее отделились двое самых маленьких пионеров — мальчуган и девчурка. С огромными букетами в руках они взбежали по гранитным ступеням на трибуну мавзолея. И мальчик порывисто протянул свои цветы товарищу Сталину. Это был весенний привет Москвы. Благодарность ребят за светлое детство. Скромный знак той безграничной признательности, которая живет в сердцах миллионов простых людей в Советской стране и на всем земном шаре. Выражение сердечной ласки ребят, отцов и матерей тому, в ком все честные, настоящие люди на свете видят величайшего борца за мир, за братство народов, за счастье детей во всем мире!

Из эстонских поэтов

Ю. ШМУУЛ

Колыбельная песня

В окна бьет штормовая погода,
Ледоход разминает бока.
Вышла из дому, встала у входа
Молодая жена рыбака.

В дом врываются отзвуки бури,
Пену в стекла швыряет волна.
Свекор, брови седые нахмурив,
Смотрит в юность свою из окна,—

Смотрит в море, где юные годы
Первой бури услышали крик.
И внучонка, под шум непогоды,
В колыбели качает старик.

Он склоняется у колыбели
И поет:
— Засыпай без забот,
Для тебя эти ветры запели,
Пляшет море, ломается лед.

Тишина и покой над кроваткой.
Старым сделался дедушка твой.
То ли дело на палубе шаткой
Слушать моря напев штормовой.

Засыпай! Сам себе я напомню
Про суровую юность свою.
Эту комнату бурей наполню
И о счастье твоем запою...

Как мечталось мне в юности, чтобы
Жизнь летела на крыльях любви!
А она, словно волк из чащобы,
Злобно скалила зубы свои.

Ждал я доброго ветра, как парус,
И, надежду упрямо храня,
Все боялся, что так и состарюсь,
Не увидев счастливого дня.

Гибралтаром, из шумного порта,
Я ушел в незнакомый простор,
И не вспомнить мне, сколько вдоль борта
Городов промелькнуло с тех пор.

Помню серое горе слепое,
Нищий сумрак портовых ночей,
Мир, прижатый тяжелой стопою
Покупающих власть богачей.

Десяти государственным флагам
Я служил, принимая штурвал,
Но под ними сильней с каждым шагом
О родимой земле тосковал.

К ней тоскующим сердцем тянулся
И, по-прежнему, гол, как сокол,
Я на родину нищим вернулся,
С чем ушел — с тем обратно пришел.

Но навстречу мне ветры летели,
Из России свободу неся.
Спи, малыш! О твоей колыбели
Нежно думает родина вся.

Подрастешь и разделишь со всеми
Долгожданной поры торжество.
Ты родился в прекрасное время,—
Будь, мой мальчик, достоин его!..

Берег выгнутый, словно подкова,
Пылью брызг обдавала волна.
И напевом органа морского
Наплывала на землю весна.

Вечер на берегу

Предвечерний сумрак в росах
Сходит на берег соседний.
В облаках простоволосых
Луч запутался последний.

Ветерок соленый, свежий
Ищет ложе для ночлега,
Об откосы побережий
Спотыкается с разбега.

Предвечерняя прохлада
Распласталась на просторе,
И рыбацкая бригада
Лодки сталкивает в море,

Поворачивает круто
К месту нового улова.
Щеки паруса надуты
Ветром Балтики суровой.

Перевел А. МЕЖИРОВ

Ильми КОЛЛА

Люди из армии

Видят все в упорном деле
Ум и выучку бойца
В председателе артели
И в сноровке кузнеца.
  Председатель четко, быстро
  Все доводит до конца.
  С наковальни брызжут искры
  Под ударом кузнеца.
Руки в саже. Фартук новый
Черным слоем кроет гарь.
Он весь день кует подковы,
Чинит разный инвентарь.
  Завернет по старой дружбе
  Председатель к кузнецу
  Поработать, вспомнить службу,
  Как положено бойцу.

* * *

У тебя тиски, дружище,
Словно Курские тиски.
В жарком горне пламя свищет,
Мелкий пот покрыл виски.
  Только ветер воет глухо,
  Искры воздух чертят вкось.
  Юри молот вскинул,
                    Юхан
  Поворачивает ось.

Не легка, видать, работа,
Оба мокрые от пота.
Пот блестит на лицах ярко,
Пот стекает на плечо.
«В Пеэумярди было жарко!»
«В Курамаа горячо!»

* * *

«Завтра новая атака,
И дела не так плохи,
Все готово, но, однако,
Притупились лемехи.
  Скоро сеять. Поле сухо.
  Надо все сейчас учесть»,—
  Так приказывает Юхан;
  Отвечает Юри:
                    «Есть!»
«Собирать отличный будем
Урожай с родной земли».
Знают все,
          что эти люди
К нам из армии пришли.

Перевел Михаил ДУДИН

Там, где хозяин — НАРОД

Дети счастливы там, где народ является хозяином своей судьбы.

В странах народной демократии дети окружены заботой государства. Для них строятся новые школы и детские сады, ясли и санатории. По примеру нашей Советской страны лучшие дворцы и парки отданы маленьким гражданам.

Посетив ясли в Албании или санаторий для юных поляков на живописном берегу Вислы, побывав в корейской школе, в пионерском лагере под Будапештом или на сборе сентябрят в болгарской деревне, — всюду вы увидите жизнерадостные, улыбающиеся лица, услышите звонкие детские голоса.

Трудно поверить, что это подлинное счастье расцвело там, где еще недавно уделом детей трудящихся были трущобы, где туберкулез и другие болезни уносили тысячи маленьких жизней.

В детских глазах, искрящихся сейчас радостью и довольством, в годы войны застывал ужас и страх. Сколько горя пережили малыши Варшавы, Будапешта и многих других городов и сел стран народной демократии, растоптанных германским фашизмом и преданных собственными буржуазными правителями!

В этих странах, ныне успешно строящих социалистическое общество, первые и лучшие плоды трудов отдаются детям — надежде народов, освобожденных от капиталистического рабства.

Великий пример Советского Союза, где забота о здоровье, о счастье детей стала важнейшим государственным делом, помогает странам народной демократии успешно растить и воспитывать молодое поколение строителей социализма. За их счастье, за счастье детей всех народов, всех стран и континентов борются во главе с Советским Союзом сторонники мира.

ВЕНГРИЯ

По улицам Будапешта маршируют колонны юных пионеров. Они несут транспарант, на котором горит слово «беке», близкое всему трудящемуся человечеству слово «мир».

РУМЫНИЯ

Парки города Яссы принадлежат детям. Сотни трудящихся любуются мальчиками и девочками, исполняющими национальные румынские танцы...

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Встав на путь демократического развития, трудящиеся Северной Кореи ликвидируют неграмотность. В республике введено обязательное всеобщее обучение.

На этом снимке вы видите школьниц Пхеньянской начальной школы.

АЛБАНИЯ

Сельскохозяйственные кооперативы народной Албании создают ясли для детей крестьян. Тысячи маленьких албанцев воспитываются в яслях и детских садах под руководством опытных педагогов.

БОЛГАРИЯ

Дети народной Болгарии приобщаются к физической культуре, к спорту. Сентябрята накапливают силы в летних лагерях, закаляют себя в походах. Хорошо после прогулки танцевать под звуки аккордеона!

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Этот молодой гражданин Чехословацкой республики может многим похвастаться: у него хороший вес, прекрасный аппетит. Охрану здоровья детей в Чехословацкой республике осуществляют детские консультации и поликлиники, оборудованные по последнему слову медицинской науки.

МОНГОЛИЯ

В прошлом страна сплошной неграмотности, народная Монголия широко развернула строительство школ, детских библиотек, техникумов. Дети имеют все нужное для учебы, для овладения знаниями. Они вырастут передовыми, культурными строителями своего свободного государства.

ПОЛЬША

В светлом, полном со́лнца и радости дворце воспитываются дети работниц варшавского тракторостроительного завода «Урсус». Пока мать работает, ребенок отдыхает и развлекается на свежем воздухе.

КИТАЙ

В новом, народном Китае для детей открыт путь к счастью. Посмотрите, с какой любовью бойцы Народно-освободительной армии встречают своего маленького гостя. За его будущее, за будущее миллионов китайских детей воевала и победила славная армия китайского народа.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Перед детьми рабочих Берлина, Дрездена, Лейпцига и других городов демократической Германии открылись двери детских клубов и дворцов культуры, где каждый ребенок развивает свои способности и таланты.

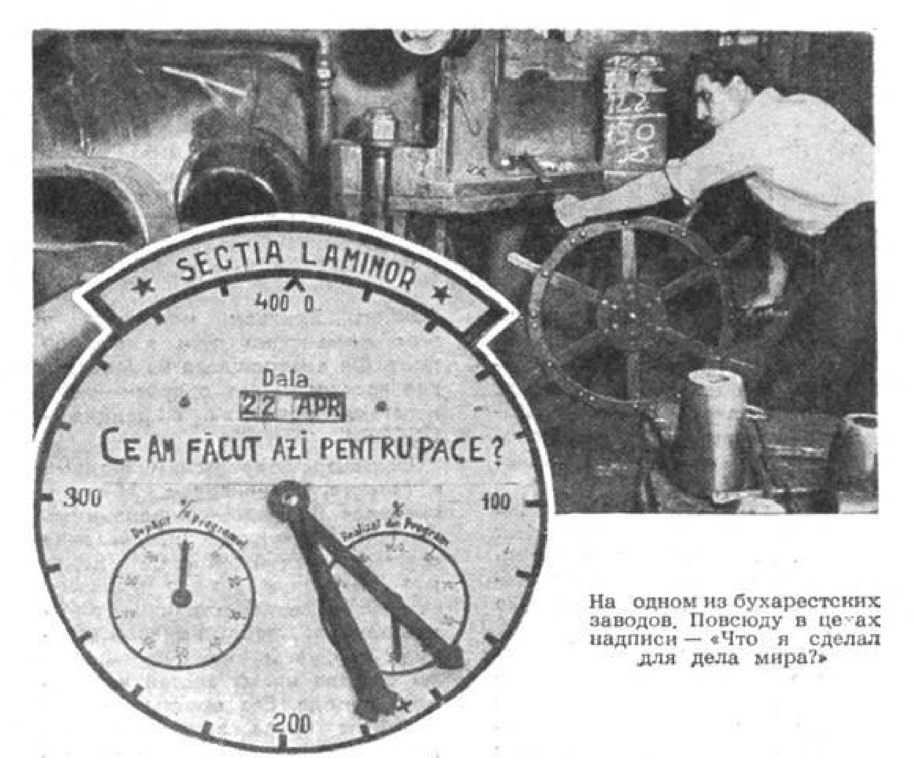
Таня Коннова отвечает урок.
Фото О. Кнорринга.

Вова и Света (детские ясли № 21. Москва).
Фото Дм. Бальтерманца.

ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ ПОДПИСЕЙ

Петре **ДРАГОШ**

Писатель, член Постоянного комитета в защиту мира Румынской Народной Республики

На одном из бухарестских заводов. Повсюду в цехах надписи — «Что я сделал для дела мира?»

Это было в Париже, прошлой весной. На улицах бледненькие большеглазые девочки протягивали прохожим увлажненные росой фиалки. Реакционное правительство Франции отказало тогда в визах некоторым делегациям на конгресс борцов за мир. И все же великий конгресс состоялся. В день его открытия Фредерик Жолио-Кюри сказал: «Правда путешествует без виз».

С тех пор прошел год.

Реакционные правительства не в состоянии задержать рост армии борцов за мир. Человечество организуется, народы подписывают Стокгольмское воззвание. Воля сотен миллионов людей подымается, как могучая стена, против кровавых планов уоллстритовских людоедов. Воззвание подписывают польские горняки и садоводы Болгарии, английские металлисты и мужественные докеры Франции, итальянские машиностроители и батраки, подписывают ученые и писатели, студенты, домашние хозяйки, инвалиды войны, подписывают люди всех цветов кожи, разных вероисповеданий и политических взглядов.

Подписываемся под воззванием и мы, румыны. В нашей стране, освобожденной доблестными советскими воинами, борьба за мир стала делом всего народа. На наших фабриках и заводах, где красная черта производственных показателей поднимается все выше и выше, не прекращаются летучие митинги в защиту мира.

В районе Бухареста — Пантелимон — ходят по домам сборщики подписей. Повсюду перед ними широко раскрываются двери. Одна за другой ложатся на листок с воззванием подписи, выведенные черными, синими карандашами, чернилами всех цветов. Есть здесь и буквы, нацарапанные еще неумелой мозолистой рукой, есть энергичные росчерки, кое-где — просто отпечатки пальцев. Листы заполняются десятками, сотнями, тысячами.

Люди моей страны подписывают воззвание. Подписывают с твердой решимостью во взгляде, с волнением и душевной теплотой, о чем писатели напишут книги. Около восьми миллионов подписей румынского народа собрано под Стокгольмским воззванием.

На днях я услышал такие слова: «Сколько бы подписей ни было — разве можно против бомб бороться листами бумаги?» Слова эти напомнили мне о болезни, называющейся близорукостью. Это не та близорукость, которая исправляется толстыми стеклами очков, а нечто более опасное. Это политическая беспечность и благодушие. Человек, сказавший эти слова, не видит в подписанных листах того, что уже вынуждены, ужасаясь, видеть в них хозяева Белого дома: подписи эти тяжестью Гималайских гор обрушиваются на происки поджигателей новой войны.

Да, эти подписи обладают гигантским весом. Подпись румынского горняка Георгия Райза с рудника Хержа весит на 5 тонн больше задания — это его ежедневное превышение нормы. Солиден вес и подписей сталеваров нашей Хунедоары: они ввели в строй новую мартеновскую печь за 8 дней до срока. Империалисты имеют основание с опаской коситься на подпись токаря завода «Тимпурь ной» («Новое время») Георгия Линте. Он режет металл в шесть раз быстрее, чем до сих пор, научившись этому от советского комсомольца. Завтра Георгий будет резать в десять, а послезавтра — в пятнадцать раз быстрее.

Поджигателям войны есть основание задуматься и над мужеством рабочего Александра Костаке, который бросился навстречу огню и, рискуя своей жизнью, спас нефтяную скважину на промысле Байкой. А разве мало говорит атомщикам машинист землечерпалки Аурела Сандру, который поднимает экскаватором за раз 3 тонны грунта из завтрашнего русла канала Дунай — Черное море!

Люди моей страны подписываются за мир своими делами. Люди моей родины строят, вдохновляемые неоценимой помощью Советского Союза. Они строят социализм, следовательно, защищают мир. Ибо социализм означает мир, мир — социализм.

«Голос Америки» охрип от многословия. Но кто много говорит, тот иной раз «теряет нить» собственного разговора. На днях голос американских толстосумов был вынужден упомянуть о выпуске четырехтысячного по счету трактора на румынском заводе «Совромтрактор». Захлопотавшиеся пропагандисты доллара забыли, что и двух лет не прошло с тех пор, как они заявляли: «Попытка коммунистического правительства Румынии предпринять производство тракторов в стране может закончиться только полнейшим провалом».

Собаки лают, караван идет своей дорогой, говорит восточная пословица. Стремительное продвижение вперед нашего социалистического каравана сводит с ума церберов краденых миллиардов. Они не прочь бы схватить нас за горло, но к трактору № 4000 прибавляются номера 4001, 4010, 4100.

Наши тракторы бороздят страну от края до края. Никогда еще в истории моей родины не было засеяно столько пшеницы, как этой весной. Мир требует пшеницы. Пшеница требует мира.

Ион Буду, парень из села Фрацилешты-Яломица, основал первую бригаду отличного качества — по примеру Ивана Шацкого, тракториста Ростовской области. У нас будет много отборной пшеницы. Мы, люди лагеря мира, станем еще сильнее.

Растут хлеба. Нивы коллективного хозяйства села Фрацешты-Влашка уже волнуются. «Вияца ноуа» («Новая жизнь») — таково имя этого коллективного хозяйства. Растет и любовь окрестных крестьян к новому виду труда, которому мы учимся у советских колхозников. Крестьяне внимательно смотрят на хлеба коллективных хозяйств и решают: «В будущем году и мы так сеять будем». Растут люди. Колосятся хлеба. Растут силы мира.

Я убежден, что в Соединенных Штатах Америки ни один честный человек не хочет войны. И я знаю, что в Америке много честных людей. Они всеми силами борются против войны, вопреки жестокому террору атомщиков. В моей стране каждый человек борется за мир свободно. Борется текстильщица Мария Чинка, работающая на 34 станках, борется Георгий Симерия, стоя у огнедышащей печи. Каждый — со своим орудием, своим рабочим инструментом.

Недавно я видел интересные цифры, напечатанные в два столбца. В первом была проставлена сумма покупок населения Бухареста в продовольственных магазинах за первый квартал прошлого года: 1 миллиард 852 миллиона лей. А во втором столбце стояла цифра за тот же квартал текущего года: 3 миллиарда 876 миллионов. В два раза больше купили трудящиеся молока, сахара, масла, овощей!

Растет и цветет моя родина. Шире льются реки стали и нефти. У нас больше обуви, больше одежды, больше веселья. У нас есть книги, врачи, дома отдыха. Но жизни наших детей и книгам, нашему отдыху и нашему веселью, хлебу и сверкающим потокам стали — всему этому грозит опасность. На складах в Иллинойсе громоздят бомбы. Фабриканты смерти не работают без коммивояжеров: шайка подобных выродков раскинула сети и в нашей стране. Бывшие помещики, бывшие банкиры и много других «бывших» заодно с кулаками, шпионами, вредителями и титовскими бандитами покушаются на то, что мой народ ценою пота, пропитавшего рубахи, ценою мозолей на ладонях завоевал при широкой братской поддержке своих советских товарищей.

Но пусть знают империалистические людоеды, что тщетны их угрозы и усилия. Напрасно шлют они нам полные раздражения дипломатические ноты, напрасно пугают нас истерическим «Голосом Америки». Мы не боимся их! Партия научила нас разоблачать и обезвреживать врага, быть сильными и верить в силы фронта мира. Во главе этого фронта — Сталин, а где Сталин, там победа!

Мы защищаем наши завоевания, жизнь наших детей, их улыбку. Моя страна голосует за мир напряженным, героическим трудом. Это — голосование, с которым я советовал бы считаться пиратам Уолл-стрита.

Сборщик подписей под воззванием Постоянного комитета — желанный гость в домах трудящихся.

ЛА-ПАЛЛИС — ГОРОД БОРЦОВ ЗА МИР

На прошлой неделе американизированные французские газеты опубликовали провокационное сообщение агентства Франс пресс о том, что докеры порта Ла-Паллис якобы изменили своему слову и решили разгружать любые военные корабли.

Темные личности, приезжающие в Ла-Паллис, подло шантажируют докеров. То они грозят запрятать руководителей забастовки в тюрьму, то сулят докерам всяческие блага.

Провокационное сообщение агентства Франс пресс, услужливо перепечатанное французскими газетами, появилось не случайно. 17 мая действительно в порту Ла-Паллис происходило собрание докеров. Перед этим в порт уже приезжали американцы. Они осматривали Ла-Паллис, как будто порт находился не на берегу Бискайского залива, на французской земле, а где-нибудь на побережье Соединенных Штатов.

Докеры Ла-Паллиса собрались в порту, чтобы принять резолюцию, в которой они еще и еще раз «заявляют всем, кто применяет в отношении их гнусные методы шантажа, угрозы голода, спекулируют на их ужасной нищете, что докеры, полные решимости бороться, верные борьбе, которую они ведут на протяжении месяцев, не будут грузить военных материалов, предназначенных для продолжения грязной войны в Индокитае, и не будут разгружать американские военные материалы».

Жены докеров, все безработные города и порта единодушно подтвердили это решение.

— Мы будем продолжать борьбу вместе с нашими мужьями, чего бы это нам ни стоило,— сказала Жанна Вриньон, секретарь Союза французских женщин.

Ее муж, член комитета сторонников мира в Ла-Паллисе, докер Альбер Вриньон находился в этот момент на пути в родной порт. Он возвращался из Москвы, где гостил вместе с другими делегатами общества «Франция — СССР».

Французские докеры, члены делегации общества «Франция — СССР» Альбер Вриньон (слева) и Альбер Рошто в Ленинграде.

Встречаясь с советскими людьми в Москве, Ленинграде, Тбилиси, выступая на пресс-конференциях, Альбер Вриньон рассказывал о героической борьбе докеров Ла-Паллиса. Из его рассказов вставал образ бесстрашных борцов за мир. Альбер Вриньон говорил, волнуясь: каждую минуту он ожидал новых вестей из родного города. Его простые, мужественные слова вызывали гром аплодисментов слушавших его советских людей.

Имя Альбера Вриньона окружено в Ла-Паллисе большим почетом и уважением. Ему сейчас сорок два года. Отец его был кузнецом в городе Ла-Рошель, таком же порту, как и Ла-Паллис, на берегу Бискайского залива, мать всю жизнь гнула спину за швейной машиной. С четырнадцати лет Альбер прошел трудовой путь пастуха, разносчика в магазине, маляра и уж, конечно, познал мучения безработного.

В молодости он исколесил всю Францию и наконец вернулся в Ла-Паллис, где и сейчас работает докером. Впрочем, слово «работает» здесь не совсем уместно. Вот уже много месяцев бастуют докеры Ла-Паллиса. Много дней ни одно судно не заходило в порт.

— Однажды, — рассказывает Альбер Вриньон,— на горизонте показалась точка. Она все росла. Докеры распознали в приближающемся судне грузовой пароход «Фалез». Корабль шел от берегов Англии.

Воспоминания этих недавних дней нахлынули на Вриньона. Его обветренное, загорелое лицо, изрезанное глубокими морщинами, озаряется гневом:

— Мы очень скоро узнали, зачем пришел в Ла-Паллис «Фалез». Он должен был везти военное снаряжение для войны против вьетнамского народа...

Вслед за «Фалезом» в порт пришло еще несколько судов.

В тот же день все докеры Ла-Паллиса, их жены и дети, сотни безработных собрались на пристани. Трибуна была устроена из ящиков с военными материалами. На митинг пришла и делегация моряков с судов, бросивших якорь в Ла-Паллисе.

Один за другим на ящики взбирались ораторы — Раймон Агас, Пьер Годе, Луи Пьимели. Они говорили: «Война в Индокитае — грязная война, в ней заинтересованы англо-американские империалисты, французские богачи-спекулянты. Мы говорим: мир Вьетнаму! Докеры Ла-Паллиса — честные люди, их руки не дотронутся до этих ящиков...»

В порт все приходили грузовики. Гора ящиков с военным снаряжением росла. Но груз лежал нетронутым.

На следующий день администрация порта пыталась принудить докеров начать погрузку. Им грозили лишением трудовых карточек, которые дают право проходить к причалам. И все же ящики лежали неподвижно на пристани.

— Тогда в порт прибыла полиция,— продолжает Альбер Вриньон. — Снова стихийно возник митинг. Я вскочил на импровизированную трибуну и сказал:

«Товарищи! Не надо бояться угрозы лишения трудовых карточек. Администрация не сможет отобрать карточки у всех. Нас много. Если мы будем держаться дружно и будем тверды в своей решимости, — мы победим! Мы посмеемся над угрозами, которыми нас хотят запугать!»

Митинг закончился, и докеры стали расходиться. Начальник порта и главный инженер тут же начали уговаривать отдельных докеров приступить к работе, обещая большую премию. Никто не согласился. Ни один человек! Более того, рабочие заводов Ла-Паллиса прекратили работу в знак солидарности с докерами.

Новые отряды полиции и войск были вызваны в порт. Хмурые, раздраженные солдаты по команде офицеров нехотя начали погрузку судов.

— С тех пор докеры Ла-Паллиса не погрузили и не разгрузили ни одного судна! — говорит Альбер Вриньон.

— Мы ничего не зарабатываем, нам очень тяжело. Но мы останемся верны своему долгу рабочих и французов. Весь трудовой народ Франции с нами, он за мир, против войны. С нами металлисты, железнодорожники, шахтеры, служащие. С нами Франция!..

— С нами Франция! — повторяет Вриньон, и лицо его освещается радостью и надеждой.

— Против нас бросают бандитов из рот республиканской безопасности, которые мы называем ротами «СС». Нас хотят с помощью дубинок заставить работать. Но мы повторяем: мир Вьетнаму! Мир всему миру!

В эти дни Жан Като, Виктор Фор, Андрэ Поршерон и десятки других докеров, друзей Альбера Вриньона, ходят по домам Ла-Паллиса с бюллетенями, воспроизводящими воззвание Стокгольмской сессии.

«Если ты хочешь мира,— подпиши воззвание»,— говорят они.

И тысячи жителей Ла-Паллиса и их дети ставят свои подписи под грозным предостережением народов поджигателям войны.

Ла-Паллис — город честных и мужественных докеров, город борцов за мир!

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Миллионы трудящихся немцев — за мир и дружбу с советским народом

Общество германо-советской дружбы, как и все другие массовые демократические организации Германии, принимает активное участие в движении немецкого народа за мир. Редакция журнала «Огонек» связалась по телефону с генеральным секретарем общества Г. Марком.

— Как проходит сбор подписей под воззванием Постоянного комитета в Берлине и других городах Германской демократической республики?

— Немецкий народ, — сказал Г. Марк, — выражает в эти дни свою волю бороться против западных империалистов, поджигателей войны, за мир, за нерушимую дружбу с Советским Союзом.

Более шестнадцати миллионов граждан Германской демократической республики уже подписали воззвание Постоянного комитета. Активистов демократических организаций, которые проводят сбор подписей, повсюду население встречает радушно.

В западных секторах Берлина трудящиеся также с большим желанием подписывают воззвание. Надо отметить, что здесь сборщики подписей подвергаются самым жестоким и разнузданным преследованиям со стороны реакционных элементов, поддерживаемых англо-американскими оккупационными властями. Из числа активистов демократических организаций, обходивших квартиры в западных секторах Берлина, 280 человек арестованы полицией. Но количество желающих подписать воззвание Стокгольмской сессии в западном Берлине очень велико. В связи с этим Немецкий комитет борцов за мир организовал на границах восточного и западных секторов Берлина пункты, где каждый житель может поставить свою подпись под бюллетенем.

О размахе движения сторонников мира можно судить по тому факту, что на митингах, организованных Обществом германо-советской дружбы, приняли участие два с половиной миллиона граждан нашей республики.

Решение советского правительства о сокращении репарационных платежей Германии встречено всей страной с огромным воодушевлением и расценивается как акт великодушия со стороны дружественного Советского Союза.

У всех на устах слова из послания товарища Сталина Отто Гротеволю о том, что Советский Союз руководствуется «желанием облегчить усилия германского народа по восстановлению и развитию народного хозяйства Германии...»

Без сомнения, это решение советского правительства — новый стимул к усилению борьбы немецкого народа за мир, за строительство единой, миролюбивой, демократической Германии. Митинги, которые проходят по всей стране, показывают единодушие немецкого народа, все яснее понимающего, что будущее Германии, ее свобода и независимость могут быть обеспечены лишь в дружбе с великим оплотом мира — Советским Союзом.

В МОСКВЕ, НА ПЛОЩАДИ КОММУНЫ

Надолго запомнится москвичам этот ясный майский день. Сама природа, казалось, празднично расцветила его сиянием солнца, голубизной безоблачного неба, зеленью деревьев. Торжественно настроены были советские люди, собравшиеся на одной из красивейших площадей столицы, чтобы почтить память своего великого предка — гениального русского полководца Александра Васильевича Суворова.

На площади Коммуны, у величественного подъезда монументального здания театра Красной Армии, выстроились с боевыми знаменами воины страны социализма. С винтовками на плечах застыли пехотинцы. Золотое шитье на кителях моряков, черный бархат парадной формы танкистов. Мелькают голубые петлицы летчиков, зеленые фуражки пограничников. Воины всех родов оружия, всех званий, от рядового до митета: представители Вооруженных Сил, трудящиеся столицы, деятели науки и искусства.

После открытия митинга маршал Советского Союза В. Д. Соколовский и председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся М. А. Яснов сходят с трибуны и приближаются к месту, где возвышается задрапированный покрывалом массивный камень. Покрывало снято. На окруженной цветами глыбе гранита золотом начертано:

«Здесь будет сооружен памятник великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову. Заложен 18 мая 1950 года».

Залпы артиллерийского салюта сотрясают воздух. Оркестр исполняет Государственный гимн Советского Союза. На трибуне сменяются ораторы. Взволнованные речи произносят секретарь Московского городского ко-

Фото Г. Санько

генерала и маршала, пришли сюда в этот день. Сверкают на мундирах боевые ордена и медали: за оборону Сталинграда и Москвы, за взятие Берлина и Будапешта, за победу над Германией и Японией — вехи славного пути советских чудо-богатырей, свидетельство доблести и мастерства бесстрашных солдат Сталина.

На трибуне в центре площади члены Суворовского ко- митета ВКП(б) И. И. Румянцев, академик Б. Д. Греков, юный суворовец, будущий офицер Всеволод Маковский.

Митинг окончен. Снова гремят оркестры, исполняя старинные марши суворовских полков: Суздальского, Ладожского, Измаильского. Чеканно отбивая шаг, проходят по площади войска. Участники митинга в молчаливом благоговении окружают место закладки памятника.

В ознаменование 150-летия со дня смерти А. В. Суворова Никитский бульвар в Москве переименован в Суворовский.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

В Центральном доме литераторов состоялся вечер французской литературы, в котором приняли участие гостившие в Москве прогрессивные деятели Франции. На вечере выступили главный редактор журнала «Франция — СССР» Маттео Полетти, публицист Рено де Жувенель, секретарь национального профсоюза журналистов Жан-Морис Эрман, писатель и критик Андре Вюрмсер, поэт Поль Элюар. Советские поэты прочли переводы произведений французских друзей.

На снимке: в Доме литераторов; выступает Жан-Морис Эрман.

«АВРОРЕ» — 50 ЛЕТ

Аврора — утренняя заря...

Под этим поэтическим именем в списках русского военно-морского флота значились два корабля: парусный фрегат, отбивший в 1854 году нападение англо-французской эскадры на порт Петропавловск-Камчатский, и паровой трехвинтовый крейсер, спущенный на воду со стапелей петербургской верфи в конце мая 1900 года.

Биография крейсера — ровесника XX века — полна героических событий.

«Аврора» участвовала в Цусимском сражении, а в первую мировую войну находилась на передовых позициях в Балтийском море: проводила корабли сквозь шхеры, несла сторожевой дозор. В 1916 году крейсер вошел в устье Невы и встал на длительный ремонт.

На корабле давно уже зрели революционные настроения. Они особенно усилились после того, как моряки сблизились с заводскими рабочими. В канун февральской революции над крейсером взвился красный флаг. Вся власть на «Авроре» перешла к судовому комитету.

Октябрь 1917 года. Временное правительство, зная настроение экипажа корабля, попыталось услать опасный крейсер в море, якобы на ходовые испытания. Но моряки не подчинились этому распоряжению. Они выполнили приказ Военно-Революционного комитета, переданный им Я. М. Свердловым: не покидать Невы!

Приближался решительный час восстания. Крейсер поднялся вверх по реке и встал на якорь вблизи Николаевского моста. Вдоль набережной до самой площади перед Зимним дворцом вытянулась цепочка авроровцев, передававших донесения комиссару крейсера машинисту Александру Белышеву. Он не покидал ходового мостика в ожидании сигнала с Петропавловской крепости: там должны запустить ракету — и тогда крейсер даст предупредительный выстрел по дворцу. У носового орудия стоял наготове комендор Евдоким Огнев...

И когда сигнал был подан, Белышев скомандовал: «Пли!»

«Крейсер «Аврора»,— сказано в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», — громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции».

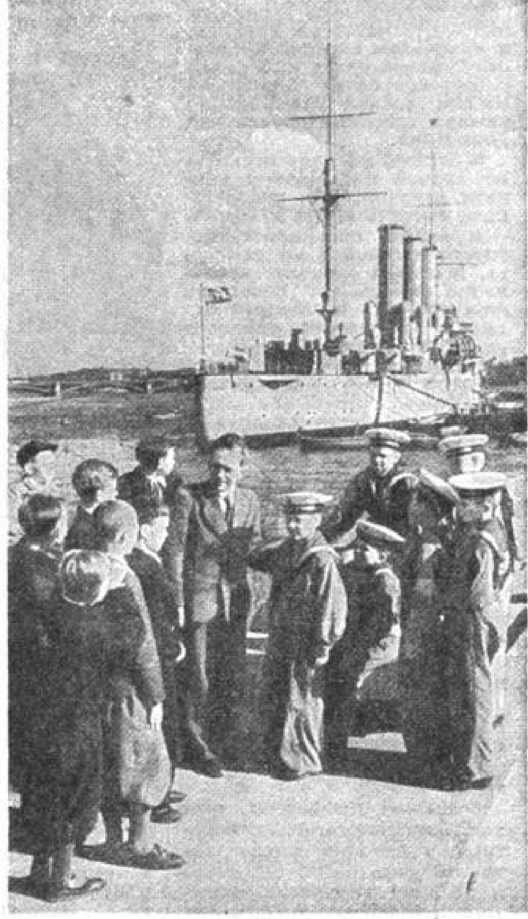
«Аврора» вплоть до Великой Отечественной войны продолжала бороздить моря и океаны: тысячи будущих командиров флота проходили на крейсере морскую практику. Война застала корабль в гавани. Отряд курсантов ушел с палубы защищать город Ленина. Корабельную артиллерию установили на берегу, а историческое носовое орудие находилось на бронепоезде «Балтиец», который громил врага на Ленинградском фронте...

Теперь «Аврора» — у набережной Невы. По решению правительства она поставлена здесь на вечную стоянку. Но это не просто памятник. Корабль продолжает нести службу: он принадлежит Нахимовскому училищу, и в его каютах живут маленькие моряки. На борту легендарного корабля они изучают морское дело.

В конце мая «Авроре» исполняется 50 лет. В эти дни вы часто можете встретить на крейсере невысокого седого человека в окружении нахимовцев, внимательно слушающих его. Это Александр Викторович Белышев, главный механик завода «Ленэнерго». 33 года назад он был председателем судового комитета и комиссаром на восставшем крейсере.

Ленинградцы торжественно отмечают полувековой юбилей исторического корабля.

М. ЛАЗАРЕВ

Первый комиссар крейсера «Аврора» А. В. Белышев среди школьников и нахимовцев.

Фото Д. Трахтенберга.

Юбилей казахского писателя

Сабит Муканов.

Сабит Муканович Муканов принадлежит к старшему поколению казахских писателей, к числу тех, кто закладывал основы новой казахской советской литературы. Трудящиеся Казахстана отметили пятьдесят лет со дня рождения и тридцатилетие литературной деятельности своего писателя.

Примечателен жизненный путь Сабита Муканова. Сын пастуха, он с детских лет должен был охранять байские стада. Еще пастушонком Сабит полюбил чудесные, вольнолюбивые песни своего народа, часами слушал сказителей и акынов. Тогда же у него родилась мечта — самому стать поэтом, и он жадно потянулся к знаниям. Советская власть открыла перед талантливым юношей двери учебных заведений. Сначала — аульная школа и двухгодичные курсы по подготовке сельских учителей, потом — оренбургский рабфак, наконец — Институт красной профессуры.

Годы учебы были связаны с упорной литературной работой. Сабит Муканов выступал против реакционных писателей, служивших националистической буржуазной партии Алаш-орда, против писателей, проповедовавших «романтизм скорби» и отрыв от передовой русской культуры. Его стихи в годы гражданской войны призывали к непримиримой классовой борьбе с врагами революции и к дружбе с великим русским народом. Стихи тех лет: «Восходит солнце», «Свобода», «Октябрь», «Товарищу Ленину» и другие — выражали чаяния народа и были первыми пролетарскими произведениями в казахской советской литературе.

С тридцатых годов Сабит Муканов начинает работать над прозаическими произведениями и становится одним из создателей новой казахской прозы. Им написаны романы «Адасқандар» («Заблудившиеся»), «Темиртас», «Загадочное знамя» (этот роман известен русским читателям под названием «Ботагоз»), повесть «Балуан Шолак». К своему пятидесятилетию писатель закончил большой роман «Сыр-Дарья», посвященный борьбе большевиков за преобразование безводных пустынь в районы передового социалистического сельского хозяйства.

В области поэзии учителем Сабита Муканова был Маяковский, в области прозы его учитель — Алексей Максимович Горький.

Много работает Сабит Муканов над вопросами истории и критики казахской советской литературы. За тридцать лет им опубликовано около шестидесяти книг на казахском и русском языках.

Сабит Муканов — депутат Верховного Совета Казахской ССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель С. М. Муканов за выдающиеся заслуги в развитии казахской художественной литературы в связи с 50-летием со дня рождения и 30-летием литературной деятельности награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Дм. СНЕГИН

Алма-Ата

НА ОГОРОДНЫХ ГРЯДКАХ

Петр Дмитриевич осторожно, боясь повредить пахучую травку, выдергивает зловредный бурьян.

Петр Дмитриевич Колесников — знаменитый в Калуге слесарь. Почти полвека работает он на заводе Министерства путей сообщения. Нет на железнодорожном транспорте машины, которую не мог бы собрать или отремонтировать Петр Дмитриевич,— настоящий мастер своего дела. Но в городе его знают еще и как искусного огородника, садовода.

Двадцать лет назад на усадьбе, возле своего дома, Петр Дмитриевич завел садик-огород. Пример Колесникова увлёк и других. Улица, на которой стоит домик Петра Дмитриевича, весной утопает в яркой зелени.

Мы застали сад Петра Дмитриевича — яблони, груши, вишни — в полном цветении. Больше всего нас поразил великолепный чернослив, напоминающий сочинский. Видели мы здесь малину, клубнику, крыжовник, смородину.

— Все это, — сказал Колесников, — держу ради жены и потомства. Трое сыновей, три дочери, внуки, — словом, есть кого угощать и радовать, когда весь «семейный колхоз» съезжается на лето в гости. А моя настоящая страсть — огород.

И он с воодушевлением истинного любителя говорит о выращиваемых им огурцах, которые, по его мнению, красивей и вкусней даже муромских.

В укромном уголке огорода слесарь показывает какую-то травку. Он срывает нежные стебельки, растирает меж крепких пальцев, привыкших к тискам и напильнику, дает понюхать.

— Аромат на весь мир! Острогон... Только старые огородники держат и ценят острогон...

И, присев на корточки, Петр Дмитриевич осторожно, боясь повредить пахучую травку, выдергивает зловредный бурьян, затесавшийся на заветной грядке.

Растет на огороде у Петра Дмитриевича решительно все, что позволяет калужский климат: от заурядного укропа до прекрасных помидоров Грибовской селекционной станции. Доверительно Колесников сказал нам, что в этом году он надеется раздобыть семена невиданного в Калуге сорта тыквы:

— Понимаете, какая чудесная штука? Сахаристость до двадцати процентов, сохраняется от урожая до урожая. Выращивают эту тыкву в Каменной степи.

* * *

В прошлом году индивидуальным огородничеством в стране занимались восемнадцать миллионов рабочих, инженеров, служащих. Они собрали десятки миллионов тонн картофеля и овощей. Судя по заявкам на земельные участки и оживленной торговле семенами, можно думать, что в этом году число любителей огородного дела не снизилось.

Торговля семенами овощных и бахчевых культур теперь значительно расширена. К услугам огородников 800 различных сортов. 180 из них — новые или улучшенные.

Появились также в продаже семена быстро созревающих сортов фасоли, баклажана, сладкого перца, дынь, арбузов и других теплолюбивых культур, для которых прежде места севернее Курска считались «запретной зоной». Можно теперь достать семена «пионерки Севера» — сахарной кукурузы, успевающей дать зрелые початки даже под Москвой, или арбуза «победитель», вызревающего под Ленинградом.

С. КАНЕВСКИЙ

Судьба Нины Шуляк

Это случилось одиннадцать лет назад на Украине, в маленьком городке Кролевце, Сумской области. В семье работницы Анны Никитичны Шуляк весной неожиданно тяжело заболела двухлетняя дочь Нина.

В первый же день несколько врачей побывало у кровати девочки. Они посоветовали вызвать врача из Киева.

Киевский специалист, которого доставили на самолете, поставил диагноз: воспаление мозговых оболочек, двустороннее воспаление легких и воспаление среднего уха. Врач вручил Анне Никитичне медикаменты и дал ряд советов. Большего он сделать не мог.

Вскоре ребенку стало еще хуже. Девочка потеряла сознание. Пришедшая в отчаяние мать решила обратиться к человеку, чья забота о советских детях безгранична. Она дала телеграмму-молнию в Москву И. В. Сталину:

«Дорогой товарищ Сталин. Умирает моя единственная дочь. Умоляю спасти, выслать профессора».

На рассвете в Кролевце получили ответную телеграмму:

«К вам выслан специалист. Известите выполнение и состояние здоровья ребенка».

Вскоре самолетом прибыл врач.

Опытный профессор сделал Нине операцию. Температура у девочки спала. На третий день после операции к ребенку вернулось сознание, парализованные части тела начали восстанавливаться.

Через три месяца Нина поднялась на ноги.

Трудно сказать, как велика была благодарность Анны Никитичны великому Сталину! Она мечтала о том, как лет через пять—шесть ее Нина пойдет в школу, вырастет честной дочерью своего народа.

Тринадцатилетняя Нина громко читала стихи...

Фото Н. Козловского

* * *

Сейчас 1950 год. Мы не в Кролевце, а в Конотопе, на улице Фурманова, в доме № 45. Здесь живет Анна Никитична Шуляк со своей дочерью. Прошло одиннадцать лет со времени спасения Нины. Что делает теперь девочка, как она живет?

...Конотоп точно озарен бело-розовым светом: цветут яблони, груши, вишни, сливы. Одноэтажные домики скрыты за деревьями.

Из-за забора садика, к которому мы подошли, доносились веселые голоса девочек. Нина и ее подруги, собравшись на маленькой полянке, декламировали: они готовились к школьному вечеру самодеятельности.

Тринадцатилетняя Нина, ученица пятого класса, высокая девочка с голубыми глазами и аккуратно заплетенными косами, в белом переднике, громко читала стихи.

Л. В. Масютина, директор школы, где учится Нина, сказала нам:

— Тяжелая болезнь, перенесенная девочкой, конечно, отразилась на ней. Но ей, как и другим отстающим ученицам, всегда уделялось много внимания со стороны учителей, комсомольской и пионерской организаций, ученического комитета. Постепенно она выравнялась и успешно перешла в пятый класс.

Нина, конечно, ничего не помнит о том, что случилось с ней в Кролевце. Но в доме не раз говорили на эту тему. И она делится с нами своей затаенной мечтой:

— Как вырасту, стану врачом. Хочу помогать заболевшим ребятам. И всегда в жизни буду так заботиться о детях, как позаботился обо мне товарищ Сталин.

Леонид КОРОБОВ

Комната-выставка И. В. Мичурина на вокзале

Поезд подходит к станции Мичуринск.

— Граждане пассажиры! — передает радио. — Не забудьте посетить комнату-выставку Мичурина, организованную на нашем вокзале.

Сотни людей, пользуясь стоянкой поезда, осматривают выставку, посвященную жизни и научной деятельности великого русского ученого. Выставку оборудовал Научно-исследовательский институт плодоводства имени И. В. Мичурина.

Большая светлая комната. В центре ее — красочный портрет ученого.

Специальный стенд отражает важнейшие этапы жизненного пути Мичурина. Здесь помещены фотографии, документы.

Посетители подолгу задерживаются у фотокопии телеграммы товарища Сталина в связи с 80-летием Ивана Владимировича и ответной телеграммы Мичурина. Вот другой снимок: Михаил Иванович Калинин и Иван Владимирович Мичурин дружески беседуют за чашкой чая.

Серия плакатов показывает методы, какими работал ученый. Здесь же, в витринах под стеклом, выставлены образцы плодов различных мичуринских сортов.

Л. КРАСОВ

НОВАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ШАХМАТИСТОВ

Михаил БОТВИННИК

И. Болеславский.

Д. Бронштейн.

В апреле — мае в Будапеште был проведен отборочный матч-турнир десяти гроссмейстеров. Как известно, победитель этого турнира в начале 1951 года будет играть матч с чемпионом мира.

В Будапешт были приглашены четыре участника матч-турнира на первенство мира 1948 года: гроссмейстеры В. Смыслов и П. Керес (СССР), С. Решевский (США) и М. Эйве (Голландия), а также гроссмейстер Р. Файн (США), в свое время отказавшийся от участия в матч-турнире 1948 года. Кроме того приглашены были победители отборочного турнира 1948 года в Стокгольме — гроссмейстеры Д. Бронштейн, И. Болеславский, А. Лилиенталь, А. Котов, И. Бондаревский и С. Флор (СССР), М. Найдорф (Аргентина), Л. Сабо (Венгрия) и Г. Штальберг (Швеция).

Однако всех участников собрать не удалось: И. Бондаревский отказался от игры по состоянию здоровья, Р. Файн (в который раз!) — по неизвестным причинам, М. Эйве — из-за «невозможности» прервать педагогическую работу в женской гимназии...

С. Решевский собирался играть в Будапеште, и венгерский шахматный союз по просьбе руководства ФИДЕ сделал все возможное, чтобы обеспечить его участие. Турнирная программа была составлена с учетом пожеланий американского чемпиона, были удовлетворены и его повышенные требования в отношении гонорара.

Однако в решительный момент на шахматном горизонте появилась доселе неизвестная фигура в лице г-на Ачесона. С. Решевский, несмотря на поддержку ФИДЕ, так и не смог получить паспорт на поездку в Венгрию.

Спортивная борьба в матч-турнире была весьма упорной. В первом круге успешно выступали И. Болеславский, П. Керес, Г. Штальберг, Д. Бронштейн, А. Котов, В. Смыслов. В последнем туре первого круга И. Болеславский нанес поражение представителю Швеции, что внесло полную определенность в отношении окончательной победы советских гроссмейстеров.

П. Керес долгое время шел без поражений, сохраняя тем самым шансы на победу. Проигрыш партии А. Котову лишил его возможности продолжать борьбу за первое место. Однако А. Котов еще раньше проиграл А. Лилиенталю.

Положение оставалось весьма напряженным, так как лидеры турнира И. Болеславский, Д. Бронштейн и В. Смыслов должны были встретиться между собой. В. Смыслов в двух благоприятно складывавшихся для него партиях против лидеров набрал лишь ½ очка — этого было достаточно, чтобы потерять надежду на победу.

Итак, остались два лидера — И. Болеславский и Д. Бронштейн. На финише они встретились. Хотя Д. Бронштейн и отставал от лидера на очко, он не стал рисковать, и партия эта быстро закончилась ничьей. Имея почти обеспеченную победу в турнире, И. Болеславский сделал еще две ничьи, что и позволило блестяще финишировавшему Д. Бронштейну в последний момент нагнать своего соперника.

Успех Д. Бронштейна заслуживает полного признания. За последние два года он добился исключительных результатов (Стокгольм, 1948 год — 1-е место; XVI чемпионат СССР, Москва, 1948 год — 1—2-е места; XVII чемпионат СССР, Москва, 1949 год — 1—2-е места и, наконец, Будапешт 1950 год — 1—2-е места), и от него можно ждать неменьших достижений в будущем. Главная его сила состоит в тонком понимании сложных позиций, устойчивом спортивном характере и весьма высокой трудоспособности.

И. Болеславский провел все соревнование очень уверенно, без единого проигрыша. Как в первом, так и во втором круге он набрал по 6 очков из 9. Этот превосходный результат наверняка обеспечил бы ему победу, если бы не еще более высокий результат Д. Бронштейна во втором круге — 7 очков из 9.

И. Болеславский умеет изобретать весьма тонкие и оригинальные планы при переходе из дебюта партии в миттельшпиль. Защищается он также с большим знанием дела.

В. Смыслов после своих достижений в состязании на первенство мира и последнем чемпионате СССР имеет основания быть недовольным итогами турнира в Будапеште. Что же — это не последний турнир. Если Смыслов отнесется к своей игре достаточно критически и сделает все необходимые выводы, в предстоящих соревнованиях он сможет вернуть прежнюю спортивную форму.

П. Керес вновь разочаровал многих. Первая же неудача в партии с А. Котовым выбила его из колеи. Особенно неприятен должен быть ему проигрыш в последнем туре ответственной партии Д. Бронштейну.

М. Найдорф не без труда выбрался на пятое место, набрав 50% очков. Он оказался единственным из иностранных участников, который добился относительного успеха.

Первая пятерка победителей получила право участия в отборочном матч-турнире 1953 года.

Таким образом, турнир не дал окончательного результата. Однако если ранее на матч на первенство мира претендовало 10 гроссмейстеров, то сейчас их оказалось только 2: И. Болеславский и Д. Бронштейн. Матч между ними, который будет проведен летом этого года, определит окончательно победителя матч-турнира в Будапеште.

Независимо от итогов борьбы за первенство мира в 1951 году, чемпионом мира будет советский шахматист. Таков основной итог славной победы советских гроссмейстеров на турнире в Венгрии.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ

А. В. СУВОРОВА

Этот портрет А. В. Суворова написан в 1786 году знаменитым русским художником Д. Г. Левицким во время пребывания Суворова в Петербурге. Он принадлежит к первой группе из шести портретов известной серии владимирских кавалеров, исполненных Левицким по заказу Екатерины II для учрежденной ею «Думы ордена св. Владимира».

Портрет имеет полную подпись художника и дату. В свое время он пользовался популярностью и послужил прообразом для ряда других изображений великого полководца. В дальнейшем, после закрытия Павлом I «Думы ордена св. Владимира» и опалы Суворова, портрет, видимо, был изъят, а позднее о нем забыли.

Портрет этот хранится в собрании Ф. Е. и Е. А. Вишневских, а в настоящее время экспонируется на юбилейной суворовской **выставке.**

Поэт Севера

Среди мастеров советского изобразительного искусства Василию Васильевичу Крайневу принадлежит особое место. В течение нескольких десятков лет его излюбленная тема — северные пейзажи.

В крайневских пейзажах чувствуется былинная сила, они эпичны. И это понятно. Учился Крайнев у одного из родоначальников эпического пейзажа — Аполлинария Васнецова.

Родился Крайнев в селе Ключищи, бывшей Казанской губернии, в беднацкой семье и с малолетства плавал на пароходах «Шексна» и «Сила» в незавидной должности «мальчика».

Только двадцатидвухлетним юношей удалось Крайневу поступить в Казанскую художественную школу.

Недавно в Москве отмечалось 70-летие со дня рождения Василия Васильевича Крайнева. 35 лет показывает он свои произведения на выставках, свыше 30 лет преподавал рисование в школах, не один десяток талантливых художников воспитан Крайневым.

Несмотря на тяжелую болезнь рук, Крайнев работает и по сегодня, работает упорно, изо дня в день.

Художник В. В. Крайнев.

МАТЧ ЛЕГКОАТЛЕТОВ

Матч между командами легкоатлетов Москвы и Ленинграда, а затем и городов Украины—хорошая спортивная традиция. Первая такая встреча состоялась двадцать три года назад. Из шестнадцати матчей пятнадцать закончились победой москвичей, и только один раз команды Москвы и Ленинграда поделили первое и второе места.

Как же сложился последний матч, закончившийся в прошлое воскресенье на московском стадионе «Динамо»?

С самого начала завязалась напряженная борьба. Попеременно впереди были то москвичи, то ленинградцы. Победу одержал коллектив Москвы, на втором месте — Ленинград, на третьем — Украина.

Самое интересное в этих популярных состязаниях — решительное наступление молодежи. Пусть не всегда молодые бегуны, прыгуны, метатели могли успешно противостоять закаленным в спортивных «боях» чемпионам и ветеранам. Но они придали соревнованиям остроту, задор, как бы подстегнули признанных мастеров.

Еще недавно ленинградка Галина Зыбина выступала среди девушек, а сейчас она заняла второе место в метании копья среди взрослых. Другая юная ленинградка, Валентина Богданова, опередила всех в прыжках в длину. Больших успехов достигла 20-летняя москвичка Лидия Варфоломеева. Ее «специальность» — бег на 400 метров — дистанция, считающаяся одной из труднейших. Тут нужно сочетать высокую скорость с выносливостью. Варфоломеева все время улучшает свои результаты. На последних соревнованиях она пробежала 400 метров за 58,9 секунды.

Молодой спортсмен москвич Леонид Щербаков не знает себе равных в тройном прыжке. И на этот раз он добился отличного результата — 15 метров 23 сантиметра.

Отдавая должное молодежи, надо упомянуть и легкоатлетов старшего поколения. Зыбиной, Богдановой, Варфоломеевой еще не было на свете, когда на старт первого матча легкоатлетов Москвы и Ленинграда вышла Ольга Шахова. Тогда она прыгнула в высоту на 1 метр 45 сантиметров. В отчетном матче архитектор Шахова, защищая спортивную честь Ленинграда, прыгнула на 1 метр 50 сантиметров. Она энтузиаст и поборник легкой атлетики, единственный бессменный участник всех матчей.

Следует отметить блестящее достижение москвички Александры Чудиной, установившей новый рекорд СССР в прыжках в высоту — 1 метр 66 сантиметров. Кроме того она дальше всех метнула копье.

Матч легкоатлетов Москвы, Ленинграда и Украины — только начало многих предстоящих в этом году соревнований.

Е. ЕВГЕНЬЕВ

Дмитрий Рыжков

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

I

Субботний вечер перед отъездом из Москвы Дмитрий Иванович провел в семье профессора Панкина.

Встретили его по московскому обычаю: широкими объятиями, хлебосольством и подробными расспросами об общих знакомых, о памятном и новом.

Профессор хворал, вторую неделю не выходил из дому и потому не смог побывать на лекциях, которые читал Рыжков в столице, находясь здесь проездом из Ленинграда.

— Вы и не надейтесь, батенька, что так отделаетесь от старика, — сказал Панкин, когда они перешли в кабинет. — Вы тут читали пять раз. Так я вас заставлю в шестой прочесть. Да, да, я тоже послушать хочу.

Несколько лет назад, руководя кафедрой в Горьковском индустриальном институте, Александр Васильевич помогал Рыжкову во многих творческих начинаниях. И, приветствуя гостя у порога, профессор воскликнул:

— Смотрите, кто приехал! Узнаете моего ученика?

Теперь, внимательно слушая Рыжкова, он и узнавал и не узнавал его.

Внешне все оставалось, как было. Вились надо лбом шелковистые темные волосы, и среди них попрежнему ни одного седого. Все так же молодила его лицо улыбка, открывавшая очень белые зубы. Когда лицо Рыжкова попадало в тень от абажура, его зеленые глаза казались черными. И раньше, бывало, менялся цвет испытующих глаз этого мятежного человека, обладающего таким множеством идей и догадок, что хватило бы на пятерых. У него были неугомонные мысли и страсть к книгам. На все, что его окружало, смотрел он, думая об одном: «А нельзя ли еще что-нибудь переделать, улучшить?»

Наблюдая за гостем, Александр Васильевич вдруг совершенно отчетливо представил себе одно давнее совещание в Горьковском горкоме партии. Речь шла об экономии. И сормовичи, в частности, сетовали на то, что при покраске судов зря расходуется много краски, стекающей с кистей. Через несколько дней после этого совещания коммунист Рыжков, не имевший никакого отношения к Сормову, притащил в институт странную кисть и сказал:

— Вот. Мечта маляра!

Всех удивила не кисть, а то, что ее придумал металлист. Мало ему было, что не давал он покоя станкам и заставил токарный шлифовать металл, — так еще привязался к малярной кисти и обуздал ее автоматическим приспособлением, которое пропускало краску на волоски лишь в рабочий момент.

Да, глаза у Рыжкова все те же, а вот взгляд стал иным. Больше теперь в нем спокойной уверенности. И манера говорить какая-то новая. Речь, как и прежде, простая и доходчивая, но теперь еще свободная и легкая. Жест скупой. В словах не только смысл, но и чувство, как бывает, когда не просто рассказывают, а доверяют сокровенное и дорогое.

Такая речь захватывает слушателя, заставляет его притихнуть и внимать. Но профессор уже дважды поднимался с кресла и ходил по комнате; потом не выдержал и перебил Рыжкова:

— Ну, дайте же мне его посмотреть! Дайте в руки!

Дмитрий Иванович отправился в прихожую, порылся в своем чемодане и, вернувшись, подал профессору небольшой металлический предмет.

Это было его последнее изобретение. Оно имело официальное название: «Резец для скоростного точения конструкции Д. И. Рыжкова».

— Дмитрий Иванович, — спросил, помолчав, профессор, — вы помните вашу первую книгу?

— Конечно, Александр Васильевич.

— Собственно, по счету-то она была третьей, но по солидности — первой. Я в предисловии писал, как сейчас помню... постойте-ка... да, вот: «В заключение нужно сказать, что вся совокупность работ Д. И. Рыжкова представляет исключительную ценность». Так теперь я вам должен сказать, что я в некотором роде ошибался. Все сделанное вами прежде — ерунда, Дмитрий Иванович. Да-с, ерунда по сравнению с этим вот! — профессор строго постучал пальцем по резцу. — Черт знает, как великолепно и как просто! Вы шагнули в конструировании сразу через ступеньку. Широко шагнули!

Того же мнения были и токари, инженеры и ученые — все, кто видел эти резцы — повышенной прочности, равно годные и для грубой и для чистовой обработки деталей любых диаметров, как из мягких, так и из твердых сталей, завивающие или ломающие стружку различного сечения и даже гасящие в ряде случаев вибрации, которые возникают при скоростном точении.

Но главное и принципиально новое было не в этих качествах, собрать которые в одном инструменте стремились многие конструкторы.

Наиболее выгодные условия резания создаются комбинациями передних и задних углов, получаемых при установке инструмента. До сих пор считалось, что достичь этого можно только специальной заточкой. И токарю, чтобы пользоваться всеми комбинациями по таблице, разработанной учеными, приходилось держать у себя большой набор резцов, каждый из которых был заточен на свой манер.

А теперь не нужно токарю столько резцов! Нужен только резец Рыжкова, тот, который без специальной заточки, путем простого поворота в державке создает не только все известные комбинации углов, но и новые, до каких еще не додумались люди.

— Основываясь на конструкции вашего резца, можно создать замечательные фрезы, развертки, зенкера, — сказал с воодушевлением профессор. — Но вы, батенька мой, не думайте, что мы, старики, только хвораем. Да, да, помолчите. Сейчас я вам продемонстрирую одну штучку. Ну-ка, помогите мне, молодой человек, поднять ее на стол.

Дмитрий Иванович не смог бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как они принялись разбирать и осматривать прибор для определения усилий резания, вибрации и температуры резца, над которым работал доктор технических наук Панкин. Только когда в соседней комнате чьи-то ловкие пальцы пробежали по клавишам, Рыжков встрепенулся: чистые нежные звуки напомнили о дочери, которая играла ему «Времена года» Чайковского, напомнили о том, что от семьи его отделяют версты, что вот-вот помчится скорый поезд, помчится без Рыжкова, если он станет медлить.

Дмитрий Иванович заторопился. Профессор проводил до улицы, сказал:

— Кланяйтесь там всем. Спасибо, что не забываете старика. Будете еще в Москве, милости просим.

II

Прежде чем позвонить, Рыжков ставит коробку с тортом за дверь, в сторонку. После объятий и поцелуев, в которых особенно усердствует дочка, Дмитрий Иванович говорит жене:

— Я не один, Маша: со мной гость из Москвы.

Мария Викторовна вспыхивает:

— Это ж неприлично — оставлять человека на площадке! Чего ж ты, проси войти!

Рыжков высовывается боком за дверь, делает приглашающие жесты, зовет громко и убедительно:

— Да не стесняйтесь, заходите! Жена и дочь очень просят...

Наконец, отчаявшись, он сокрушенно машет рукой:

— Не хочет. Сами просите.

Оправив прическу, Мария Викторовна решительно идет к двери, Лида — за ней... Через секунду квартира наполняется смехом и веселой возней...

Рыжков стоит посреди комнаты и краем уха слышит, как за стеной жена и дочь, продолжая игру, разговаривают с шоколадным москвичом: «Нет, уж вы, пожалуйста, садитесь на стол». «Будьте, как дома. Сейчас завтракать станем». «Вот только папочка придет. Поздоровается со своими книгами и придет».

Дмитрий Иванович в самом деле здоровается с книгами и знакомит старые с новыми.

Книги, давно живущие в Горьком, на Азовской улице, в доме № 9, любезно теснятся, уступая место на полках приезжим из Москвы и Ленинграда. Их много, приезжих. И почти в каждом названии есть слова: «скоростные методы» или «высокие скорости».

Часть книг, минуя полки, сразу попадает на стол. Это «Исследование вибраций при резании металлов» профессора Каширина, «Устранение вибраций, возникающих при резании металлов на токарном станке» Штейнберга и другие на ту же тему, которой сейчас так интересуется Рыжков.

Закончив расселение книг, он звонит на завод. Сегодня воскресенье, цехи закрыты. Но в заводоуправлении есть дежурный. Выспросив у него все заводские новости, Рыжков кладет трубку и громко кричит:

— Желающих получать подарки прошу занимать очередь!

— Ты бы прежде завтракать шел, — откликается Мария Викторовна. Однако вслед за дочерью и она появляется у раскрытого чемодана. — Хотя, может быть, подарок твой скоропортящийся?

— Наоборот, вечный, — и Дмитрий Иванович протягивает ей коробочку с шариковой ручкой.

Дочь получает туфельки. Отец спрашивает:

— Такие, как ты хотела?

— Такие. А пряжки-то у них, гляди, какие хорошенькие!

Лида родилась в Горьком, и у нее волжский, окающий говорок, хотя отец и мать — уроженцы Украины и все еще говорят чуть певуче, по-южному смягчая слова.

За завтраком мать и дочь наперебой выкладывают новости и справляются по бумажке, все ли рассказали, что записано. А записано многое. Звонил заведующий кафедрой Индустриального института Александр Александрович Зыков. Спрашивал, когда вернется Рыжков. Просил прочесть вторую лекцию для студентов его факультета. Заходил секретарь парторганизации Петр Алексеевич Ланехов. Интересовался, нет ли телеграммы: на заводе уже беспокоятся. Три раза мать с дочерью ездили в драму. Смотрели «Дворянское гнездо», «На той стороне», «Бедность не порок». Звонили из облпрофсовета, хотели, чтобы Рыжков прочел лекцию на бумкомбинате. Еще звонил главный технолог завода «Теплоход» Савровский: ему нужны чертежи резцов. Алексей Петрович с «Красного Сормова» прислал в подарок свою книгу.

Рыжков берет ее в руки. Он знает, как рождалась эта книга, написанная молодым инженером на основании многих смелых опытов, уже вошедших в практику. На обложке значится: «Кандидат технических наук А. П. Кузнецов. Фрезы для скоростного фрезерования». А на титульном листе трогательная надпись: «Дорогому другу и замечательному человеку — Дмитрию Ивановичу Рыжкову на добрую память от автора».

Праздничный завтрак длится долго. Лида особенно налегает на московский торт, Дмитрий Иванович — на яичницу с салом, настоящую украинскую.

После завтрака Мария Викторовна берет свое вышивание и садится на кушетку у стола, за которым Рыжков, уже успевший просмотреть свежую газету, читает теперь корреспонденцию, полученную в его отсутствие.

В довольно внушительной пачке сразу выделяется большой конверт: из Москвы прислали авторское свидетельство. Дмитрий Иванович внимательно перечитывает описание своего изобретения — нет ли описки — и потом вкладывает его в папку, где хранятся другие авторские свидетельства, выданные на его имя, грамоты и орденские документы, где до сих пор сберегается потертая книжечка,

выданная в 1930 году Дмитрию Рыжкову в подтверждение того, что он состоит членом колхоза «Новій світ».

В пачке немало фирменных конвертов. Вот это письмо со штампом ленинградского Дома техники машиностроения было послано вдогонку Рыжкову и опередило его. Директор дома Андреев еще раз благодарит за лекцию и пишет, что поступают многочисленные запросы о резцах Рыжкова. Поэтому решено теперь же выпустить их описание. Он просит срочно выслать данные испытаний резцов. Начальник Технического управления Министерства станкостроения тоже просит послать ему таблицы установки резцов и условия стружколомания. Редакция журнала «Станки и инструменты» ждет статью о резцах.

А вот знакомый почерк. Ну, конечно же, это пишет инженер Лавров из Саратова.

Инженер Лавров — один из тех, с кем заочно подружился Дмитрий Иванович. Они никогда не виделись и не обменивались, конечно, фотографиями, но хорошо знают друг друга: они обмениваются мыслями и чертежами. Случается, спорят, чаще информируют друг друга о новом, только что родившемся в гуще заводской жизни Саратова или Горького.

Вот и сейчас из конверта выскальзывает шуршащая, исчерченная тушью калька. А в письме только четыре общепонятные фразы: вначале — «Сообщаю просимое» и в конце — «Интересует ли вас скоростное нарезание резьбы? Один саратовский рабочий внес очень интересное предложение. Могу сообщить». Остальная площадь бумаги усеяна формулами и техническими обозначениями отрицательных углов, режимов резания, марок сталей.

Одни послания Рыжков откладывает: нет под рукой нужных чертежей и документов. На другие отвечает сразу, успевая переговариваться с женой...

Рыжков смотрит в окно, за которым широко раскинулся солнечный и светлый, совсем летний день.

— Маша, смотри, как хорошо! Пойдем, погуляем. Возьмем Лидушку и пойдем.

— Мне, Митя, пора за обед приниматься. Гости придут. Если хочешь, я могу с тобой до универмага дойти. Драп хочу вместе посмотреть.

Из универмага Мария Викторовна возвращается с покупкой домой, а Дмитрий Иванович и Лида идут в парк.

Уже отгремели первые майские грозы, и нынешняя стремительная весна привольно разлилась по земле томящим и сладким запахом цветущей черемухи. Лето опередило календарные сроки: зарозовели кусты шиповника, а в воздухе летят ласковые пушинки с семенами ивы и осины. Хорошо!

С высокого берега, где разбит парк, видна залитая солнцем Ока, по которой весело бежит вниз, к Волге, маленький пароходик. Пароходик совсем близко. Лида начала было считать, сколько людей на палубе, но тут же спохватилась:

— Ой-ой-ой! У меня же сегодня урок! Евгения Петровна в три придет. Я побежала...

Да и как не бежать, если часы показывали без десяти три! Дмитрий Иванович не спеша направился к давнему своему приятелю, токарю Гладкову. И даже сделал крюк, чтоб не миновать книжный магазин Когиза.

Завмаг сидел на передвижной лестнице, под самым потолком, и перебирал книги на верхней полке.

— А!.. Дмитрий Иванович! С приездом! — сказал он, не выпуская из объятий охапку тоненьких брошюрок. — Жена уже сказала вам про Тургенева? Она взяла у меня «Избранное». И вам я оставил пару книжек. Но вы, наверное, их из Москвы привезли!.. Дали торговать московским книжникам? Я знаю. Они на вас на одном месячный план сделали.

...Когда Рыжков возвратился домой, Лида еще играла гаммы. Дверь на кухню была приоткрыта, и оттуда шли вкусные запахи.

Прежде чем начать звонить по телефону, Рыжков снял пиджак и придвинул пепельницу. Он готовился обстоятельно, потому что предстояли не короткие разговоры.

Всем собеседникам приходилось подробно рассказывать о поездке, о встречах и новостях. А однообразные гаммы звучали, словно дождевые капели, разгоняемые ветром по крыше. Но вот Лиде самой надоели наконец упражнения, она заиграла «Песню жаворонка» из «Времен года» Чайковского, и Дмитрий Иванович сразу подумал: «Как это я забыл попросить у профессора чертежи его прибора? Надо будет написать Александру Васильевичу. Он не откажет».

Особенно долго Рыжков разговаривал по телефону с доцентом Клушиным, своим соавтором по новой книжке, молодым и многообещающим научным работником. Даже ухо заболело.

Клушин все дознавался, есть ли новые мысли по борьбе с вибрацией станков. Рыжков ответил:

— Поговорим после того, как я прочитаю книги, которые привез. Приезжайте к нам обедать, вместе и поглядим. Ну, ужинать приезжайте. Почему? Ах вот что! Во Дворце культуры? Очень интересно. Конечно, приеду. Будут, правда, у нас гости, но они люди свои, простят.

Рыжков отправляется на кухню. Он глядит на милое раскрасневшееся лицо жены, на тяжелые светлые косы, обернутые вокруг головы, и, вздохнув, начинает издалека:

— Вкусно пахнет, Маша, так бы и съел все... Ты не сердись...

— За что же?

— В Ленинском дворце культуры лекция вечером будет. Обзор новых конструкций инструментов для скоростного резания. Ты только представь себе, как это интересно!

Мария Викторовна очень ясно представляет себе, как это интересно для ее мужа. Конечно, ей не хочется, чтоб он уходил: столько времени не видались. Но она его хорошо понимает — недаром больше пятнадцати лет живут они вместе. И она говорит, улыбаясь своей доброй, приветливой улыбкой:

— Конечно, иди. Гости не обидятся. Они люди свои.

— Ну вот, видишь, я совершенно то же самое сказал Клушину. Как мы с тобой одинаково думаем!.. А пахнет в самом деле вкусно... Ты не сердись, Маша. Я со всеми пообедаю, посижу, а потом уже...

Первыми явились к обеду родственники: младший брат жены Рыжкова токарь Василий и его молодая супруга Тамара. Оба они представляли полнейшую противоположность друг другу и по внешности и по характерам. Высокий молчаливый и сосредоточенный Василий поздоровался с Рыжковым односложно и тотчас занялся газетой. Тамара, полная блондинка с голубыми глазами, еще на пороге принялась рассказывать интересную историю про то, что есть у них на заводе один слесарь, который влюбился в крановщицу, которая была влюблена в диспетчера, который...

Так как аудитория была разобщена, Тамара быстро курсировала между столовой и кухней, успевая почти одновременно посвящать во все подробности и готовящих обед и ждущих его.

Когда пришел токарь Андрей Гладков, сели за стол. Гладков был при всех орденах. Дмитрий Иванович помнит, как он уходил на войну: ушел комсомольцем, а вернулся к своему станку коммунистом, заслуженным человеком, и принес почетные награды за мужество в испытаниях трудных лет.

Можно было подумать, что обед происходит в доме, стоящем не у берега Оки, а в степных просторах Юга: пахло самым настоящим украинским борщом с чесноком. Женщинам предложили портвейна, а мужчины выпили по стопке водки.

После обеда стали рассматривать открытки с видами Москвы и Ленинграда. Рыжков привез их целую пачку.

— Что открытки! — заявила вдруг Лида. — Самим надо посмотреть. Вот это да!

— Ты, Лидуша, нынешним летом в Крым поедешь, в Артек, — сказал отец. — Меня уверили, что путевка будет.

— Мне хочется в Москву. И в Артек тоже.

— Все сразу хочешь. Не много ли?

Зашел разговор о Москве, стали строить планы поездки...

Рыжков не ошибся, когда сказал, что гости простят ему отлучку. Больше того: Гладков решил ехать с ним. Вася тоже поднялся, конечно, молча, но Дмитрий Иванович его остановил:

— Ты лучше оставайся. Как женатому первый год, тебе прощается. А дальше — гляди! Нашему рабочему человеку без науки нельзя. Застынешь. Новая книга, новая лекция — это ступеньки к науке.

Дмитрий Иванович вернулся не очень поздно, но гости уже разошлись. Лида спала, и ее пшеничные косички лежали поверх одеяла. Мария Викторовна читала, сидя на диване.

— Понимаешь, Маша, надо переделать мои резцы, — начал с места в карьер Рыжков.

Мария Викторовна даже книгу уронила. Только сегодня она любовалась авторским свидетельством, выданным ее мужу, и вдруг...

— Ты вот послушай. У меня пластинки напаяны. А их надо крепить механически. Но очень надежно. Намертво. Лектор прав: будущее твердосплавного инструмента в механическом креплении. По дороге кое-что придумал. Завтра проверю.

III

Он встал чуть позже солнца: около пяти. Жена сказала:

— Ни свет, ни заря. Отдохнул бы с дороги.

— Надо мысли в порядок привести.

Рослая, во всю ширь расцветшая береза выше второго этажа поднимает свои ветви, и с них, словно на ниточках, свисают гроздья листьев. Прямо против окна, у которого стоит письменный стол, Дмитрий Иванович приспособил к суку на исходе зимы фанерный домик с дырочкой вместо дверей. Чтобы посмешить дочку, приколол над входом маленькое объявление: «Сдается в наем».

Рыжков заметил, что въехали жильцы в квартиру 28 марта. А на следующий день записочка исчезла. То ли сдуло ее теплым ветром, будившим землю от зимней спячки, то ли сорвали новоселы, чтоб не вводить в заблуждение сородичей. Дмитрий Иванович несколько раз с удовольствием наблюдал, как свирепо дрался скворец с другими птицами, отстаивая свое право на старую березу и новую скворечню на ней.

Рыжков очень любил природу. В юности казалось, что он останется с ней навсегда, но случилось иначе. Техника, поразившая его своей мощью и разумностью, потеснила в душе и прелесть вечерних зорь, плавящих небо нескончаемой украинской степи, и радость тех дней, когда в садах расцветают яблони и сирень. Но

В семье Рыжкова после обеда (слева направо): токарь Василий Чунихин, токарь Андрей Гладков, Дмитрий Рыжков, его жена — Мария Викторовна и их дочь — Лида.

Фото Н. Капелюша

нынешняя страсть к совершенствованию машин прекрасно уживается в его сердце рядом с любовью к природе.

И прежде чем приступить к незаконченной рукописи, над которой работает он по утрам, Рыжков наблюдает, как розовеют ветви березы и скворец высовывает из домика головку и, склонив ее набок, глядит на Рыжкова своей черной бусинкой. Убедившись, что уже утро, раз сосед за столом, скворец выпархивает на ветку, встряхивается и летит по своим хлопотливым птичьим делам. Весенние шумы и запахи, врывающиеся в раскрытую форточку, расширяют грудь, будоражат мысль, дают ей стройный ход. Перо едва поспевает за ней.

«Это мнение,— пишет Дмитрий Иванович,— распространено не только среди некоторых рабочих и инженеров, но даже среди ученых. Оно, как мы указывали выше, сводится к тому, что резание может называться скоростным только тогда, когда оно производится со скоростью не ниже 100 метров в минуту. Необоснованное это мнение, как будто даже передовое, на самом деле мешает развитию движения скоростников в некоторых отраслях промышленности. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В самом деле, откуда получаются эти сто метров? Скорость резания, как известно, прямо пропорциональна диаметру изделия и числу оборотов шпинделя станка. Значит, токарю, который обрабатывает изделие диаметром в 320 миллиметров, для достижения скорости резания 100 метров в минуту достаточно пустить станок на 100 оборотов в минуту. А если обтачивается деталь диаметром в 10 миллиметров, то для достижения той же скорости нужно число оборотов довести уже до... 3200 в минуту, что практически редко возможно.

Поэтому скоростником должен считаться всякий рабочий, который большинство операций выполняет твердосплавным режущим инструментом и при этом использует максимальное количество оборотов, имеющееся у его станка.

Утверждать же, что скоростное резание обязательно связано с достижением 100 метров в минуту,— значит ставить своеобразный предел распространению скоростных методов работы в машиностроении».

В комнату неслышно входит Мария Викторовна. С минуту она смотрит через плечо мужа на быстрый бег пера:

«В свете вышесказанного,— продолжает Рыжков,— на рекомендуемые скорости, которые мы получаем из эмпирических формул типа $V=\frac{C}{S^x+t^y}$, нельзя смотреть, как на нечто совершенно обязательное и незыблемое, так как...»

— Митя! — говорит жена. — Митя, ровно семь. Пора тебе!

— Что? Иду. Понимаешь, Маша, это я встречал почти на всех заводах, где бывал. Нельзя же допускать, чтоб под прикрытием благих намерений тысячи рабочих отстранялись от передовых методов...

— Конечно, нельзя... Я тебе чай уже налила. Остынет.

...Через несколько часов Рыжков звонит с завода Клушину:

— Знаете, получилось. Без всяких болтов и накладок. Очень просто: вставляю пластинку в паз и обжимаю на прессе. У меня же державка круглая. Стоить будет копейки. Вы вечером в институте? Так я привезу показать. Конечно, не терпится!

* * *

Не так давно Дмитрий Иванович читал лекцию для главных инженеров предприятий города Горького. Когда он сделал паузу, чтобы развернуть новые таблицы, главный инженер завода фрезерных станков Муравин наклонился к своему соседу, главному инженеру завода «Двигатель революции» Трусову, и сказал:

— Удивляюсь я, Иван Иванович! Честное слово, если бы я столько лет не знал мастера Рыжкова, я был бы уверен, что на кафедре доцент.

— А вот я, Борис Николаевич, не удивляюсь. Чего же вы хотите: Рыжков 10 лет токарем работал. На курсах мастеров соцтруда учился. Вечерний техникум окончил. Кучу книг прочитал, сколько лет с учеными людьми дружит. У самого голова министерская. Нет, я не удивляюсь!

г. Горький. Май.

Иван Константинович Айвазовский

(1817—1900)

И. К. Айвазовский.

Айвазовский — явление в истории мировой живописи редкое, замечательное и едва ли повторимое.

Уроженец Феодосии, он с детства любил наблюдать величественную, прихотливо-изменчивую жизнь моря. Обладая ярким романтическим темпераментом, он и в природе находил те явления, которые особенно близки были его буйно-восторженной натуре. «Буря у скал», «Девятый вал», «Буря на Черном море», «Всемирный потоп», «Лунная ночь» — все бесчисленные картины взметенных вихрем водных просторов во всей их мощи и красоте — вот что по преимуществу любил изображать художник. И делал он это с таким мастерством и реалистической убедительностью, что среди прославленных маринистов Запада трудно найти ему соперников.

Глаз Айвазовского обладал изумительным свойством подмечать все сокровеннейшие оттенки капризной водной стихии. Море, перенесенное его рукою на холст, как бы не прекращает своей буйной, динамической жизни. Оно то бушует, беспощадно разбивая о камни корабль, то элегически дремлет, набегая на мокрый песок, то вкрадчиво плещет о берег, лукаво раздаривая прибрежным камням на недолгую память тающие кружевные платочки.

Реже писал Айвазовский тихое море, когда, еле дыша под лаской ветра, покоится оно в голубом, залитом солнцем просторе или, убегая к далекому горизонту, тонет в золотистом мареве заката.

Ближе его натуре были такие моменты, когда море, бешено вздымая валы, раскрывает свои зеленые недра и «девятый вал» на темном хребте несет моряков, потерпевших кораблекрушение. Закатное солнце проливает на бушующую поверхность океана свой бронзовый свет, и зеленые злые валы щедро раскидывают вокруг золотые, светящиеся брызги.

Любит Айвазовский лунные ночи. Свет луны он передает так, что забываешь, что перед тобой картина, а смотришь будто бы на подлинную, реальную жизнь и слышишь тихие шорохи ночи, любуешься золотым столбом лунного отражения на волнах. Свет дробится на камнях, на плоских кровлях, оставляя глубокие прозрачные тени. Даже самая мгла как-то чудесно сияет — в ней чудится жизнь, воздух обволакивает ущелья и словно медленно плавится в лунных лучах. С поразительной убедительностью передает художник ночное небо, его бездонную глубину и простор.

Надо сказать, что почти недоступные другим мастерам эффекты кисть Айвазовского постигает и передает с виртуозной легкостью. Радуга звонкой мелодией вплетается в грозную симфонию, созданную из взбаламученных брызг и рваных, низко несущихся, зловещих туч. Все разнообразие атмосферных явлений, все, что связано с жизнью капризнейших из стихий — моря и неба, — доступно мастеру.

Я смело берусь утверждать, что ряд произведений Айвазовского может по праву претендовать на одно из почетнейших мест среди работ величайших маринистов всех времен. Пусть поздние его работы стали шаблонным повторением пройденного, почти олеографическим размножением самого себя, но у него есть вещи, не превзойденные ни у нас, ни за рубежом. Однако щедрая на презрение к реализму декадентская критика неизменно отмечала только слабые его произведения, и выданный когда-то мастеру патент на шаблонность в силу инерции продержался очень долго. Наша обязанность — эту несправедливость исправить, указав на те положительные качества Айвазовского, которые и делают его подлинно великим национальным художником.

Так рисовать кружево волн, стремящихся на мокрый берег, фактуру блестящих от воды мшистых камней, прихотливый бег лодки, прочертившей зеленый след на бронзовой глади уснувшей воды, изумрудную прозелень волн, бег разметанных ветром облаков, такелажное оснащение парусных бригов, фрегатов и корветов, прозрачную глубину морской воды со всем богатством свойственных ей оттенков — умели немногие.

Светосила и блеск красок Айвазовского поразительны. Широкий, уверенный, артистичный мазок послушно передает все замыслы художника. Краска и холст перестают быть лишь техническим материалом, образуя единое целое. Они в совершенстве воспроизводят прозрачность, воздушность, глубину, блеск и сияние. Все эти разрозненные элементы подчинены у Айвазовского законам стройной композиции, в его работах нет и признака расслабленного импрессионизма, который в погоне за передачей тех же состояний природы нарушает верность реализму и никогда не добивается подобной силы и убедительности.

Все элементы картин Айвазовского объединены в стройную систему продуманного, строгого рисунка. А рисовать таких непослушных и непоседливых натурщиков, как вечно бегущие волны, как взметенные ветром облака, то освещенные сиянием луны, то вскипающие в ослепительном блеске заката,— для всего этого нужны и особенный глаз, и призвание, и виртуозное владение техникой, и специфическая художественная память. Всеми этими качествами Айвазовский обладал в полной мере.

Художник-патриот, Айвазовский немало сделал и в области батальной живописи. Ряд исторических побед русского флота получил в его лице своего вдохновенного трубадура. И эти морские баталии исполнены художником с редким, присущим ему мастерством.

Все творчество Айвазовского несет в себе черты трепетной жизненной правды, важнее которой нет ничего в искусстве.

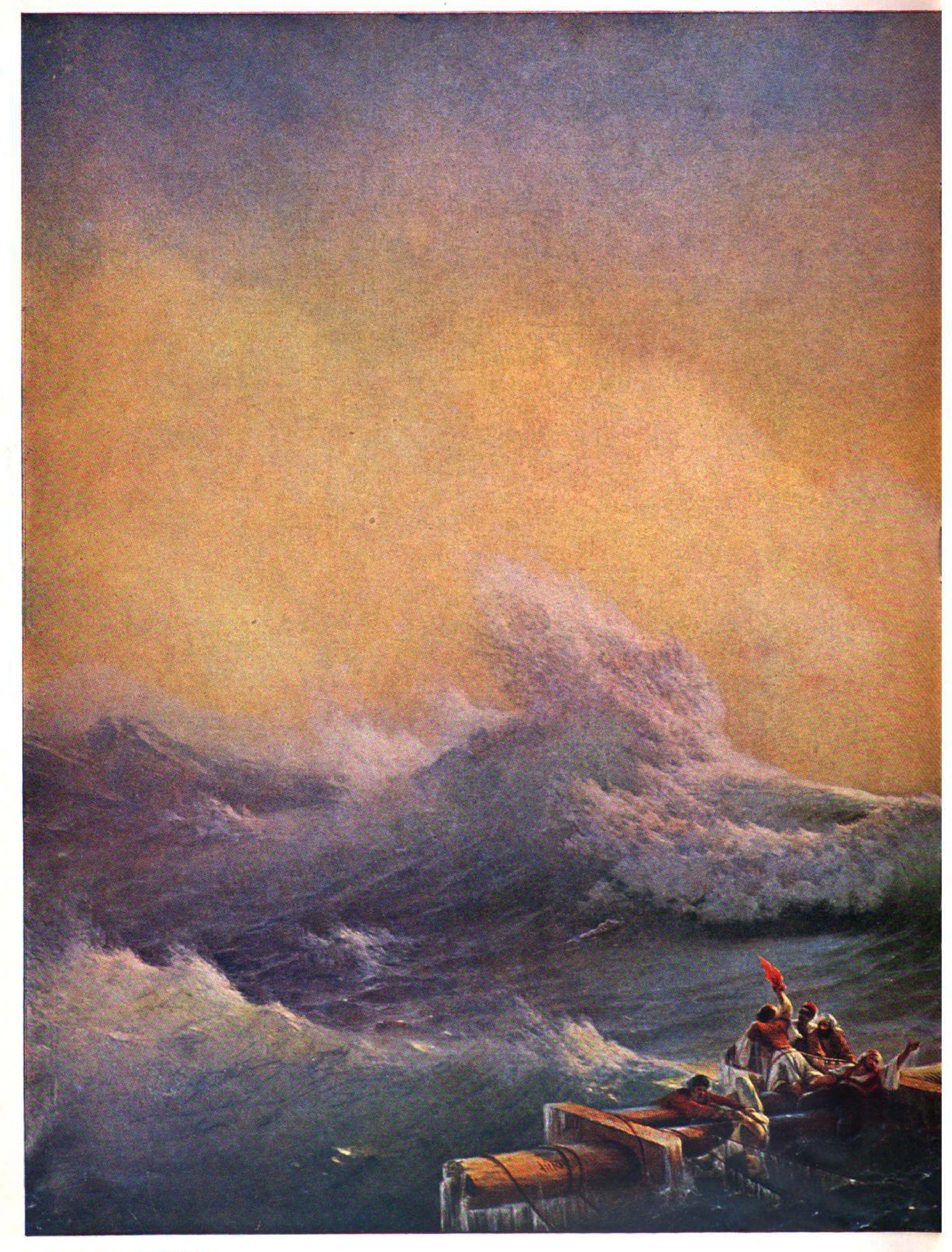
Эти черты оптимистического, жизнеутверждающего таланта Айвазовского делают его дорогим нам и близким.

Василий ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

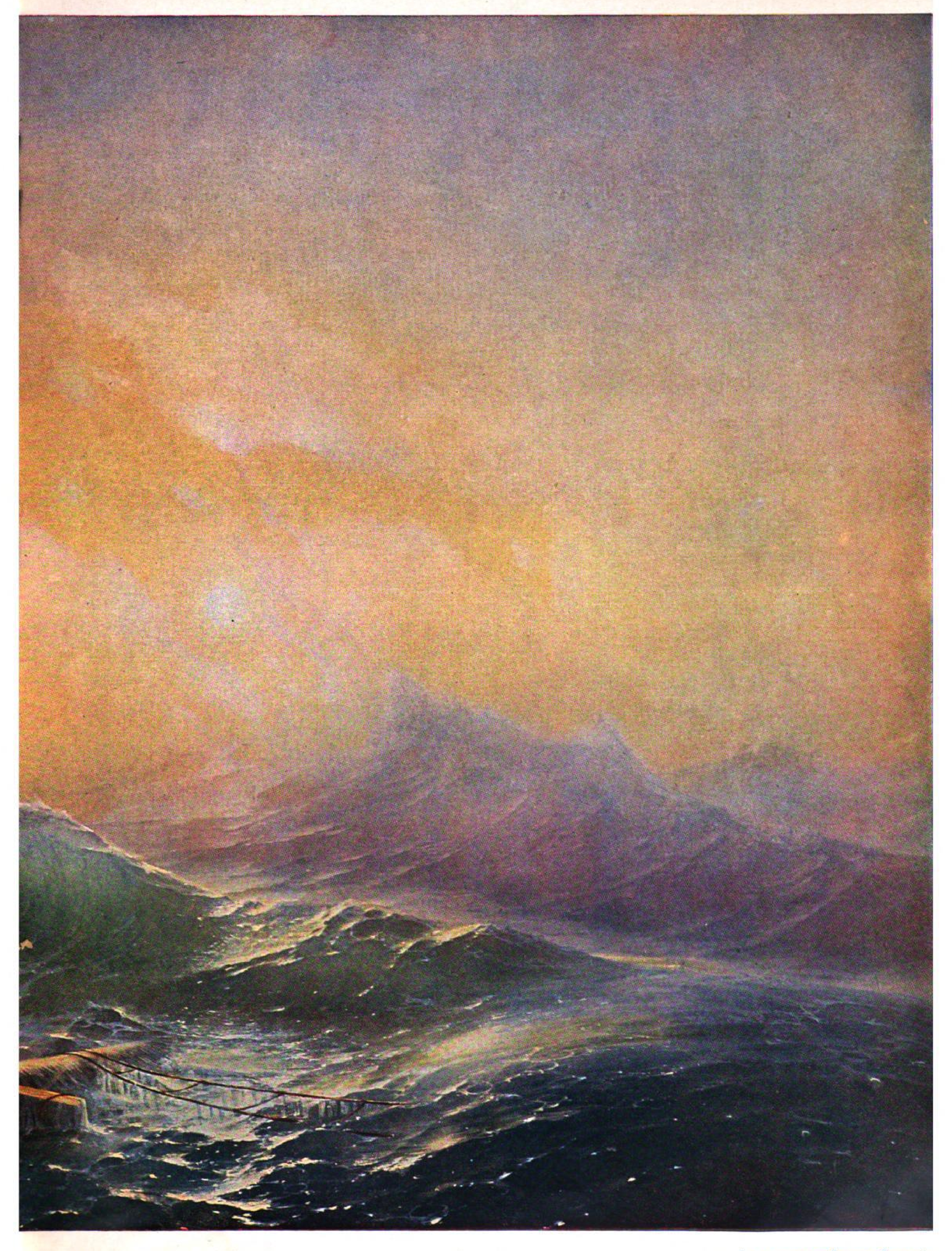
«Прощай, свободная стихия!..». Картина И. Айвазовского и И. Репина.

→

И. **Айвазовский**. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ.

Государственный русский музей.

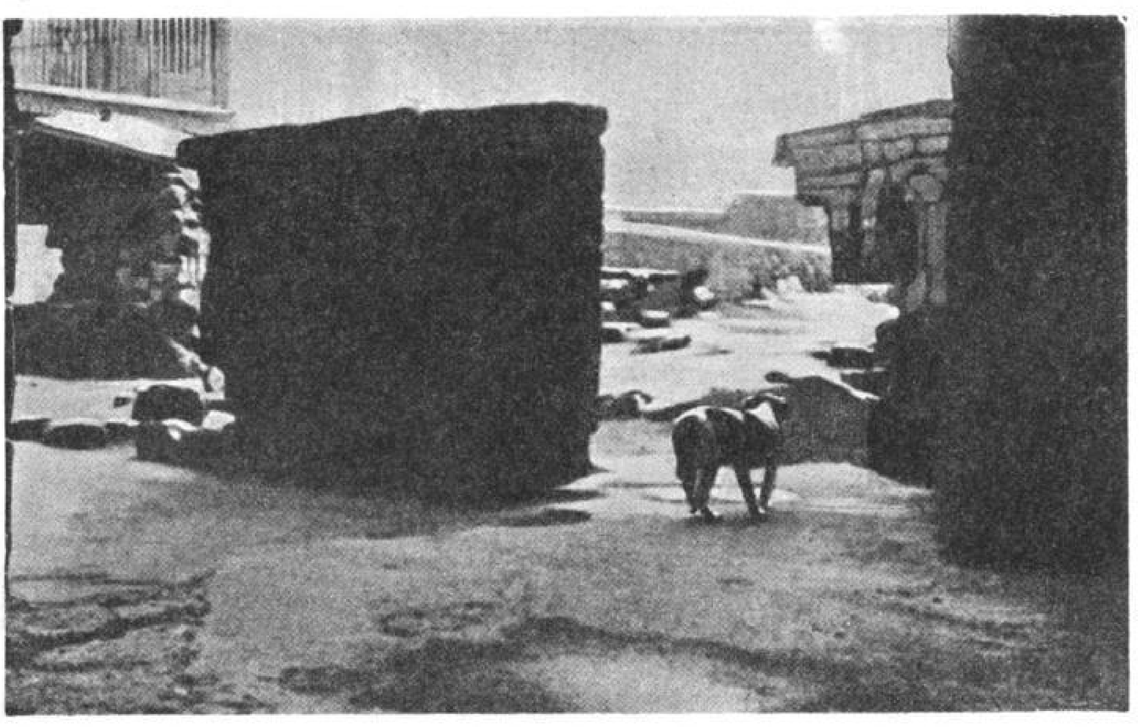

И. К. Айвазовский. БУРЯ У МЫСА АЙА.

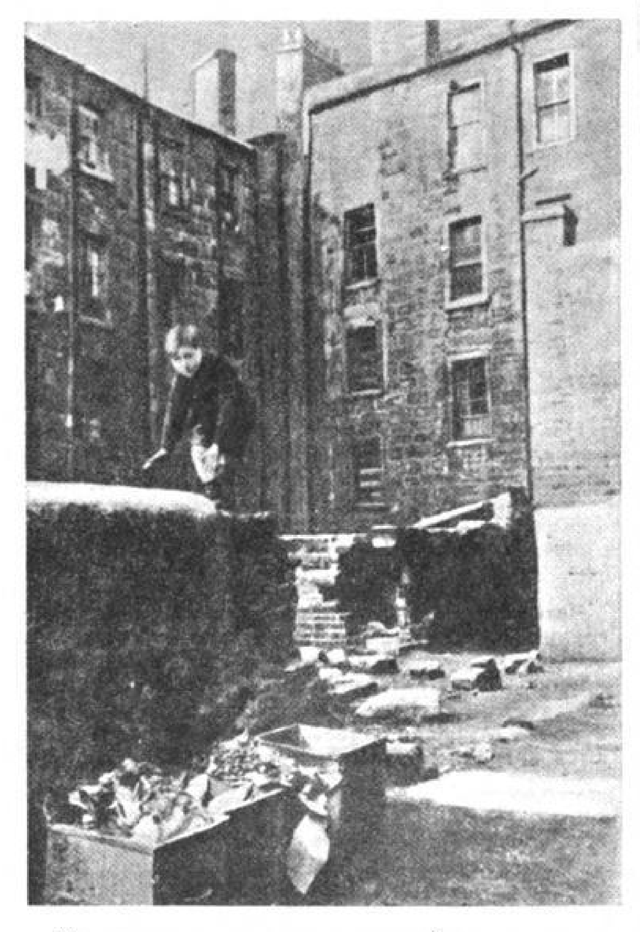
Государственный русский музей.

В ТРУЩОБАХ ГЛАЗГО

Фотоочерк Джорджа Гамильтона

Двор позади жилого дома... Эти развалины не от бомбежек. Это плоды упадка в жилищном хозяйстве. Здесь собаки роются в помойках, здесь дети играют после школы...

Мальчик идет по двору кратчайшим путем — через дыру в стене, мимо мусорных ящиков, издающих зловоние, мимо помоев, заливающих весь двор.

Четыре часа пополудни. Дети возвращаются из школы толпой прямо по середине улицы. Никто не заботится о безопасности ребят.

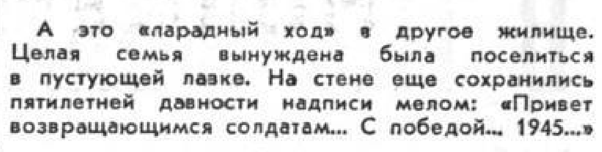

Начинаются игры во дворе, где все вокруг кишит крысами. Дети играют в «папу-маму». Мальчики изображают «отцов», девочки «готовят чай», купают тряпичных «ребят». «Дом» сооружается из обломков кирпичей на кучах мусора.

Здесь живут эти «цветы окраины». У самого входа — мусорные ящики, в них дети часто роются в поисках «ценных находок». Через дверь видны опоры лестничной клетки «парадного хода». Единственное окно квартиры в железных решетках...

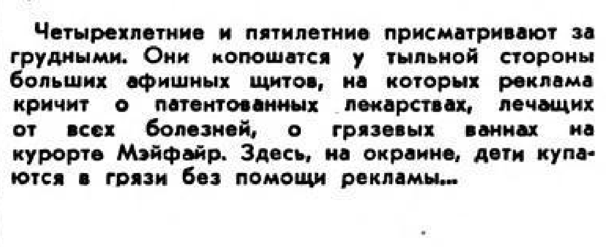

← А это «парадный ход» в другое жилище. Целая семья вынуждена была поселиться в пустующей лавке. На стене еще сохранились пятилетней давности надписи мелом: «Привет возвращающимся солдатам... С победой... 1945...»

Но вот наконец немного зеленой травы. Деревья, солнечный свет. Никто не мешает детям играть здесь... на старом, заброшенном кладбище.

← Четырехлетние и пятилетние присматривают за грудными. Они копошатся у тыльной стороны больших афишных щитов, на которых реклама кричит о патентованных лекарствах, лечащих от всех болезней, о грязевых ваннах на курорте Мэйфайр. Здесь, на окраине, дети купаются в грязи без помощи рекламы...

Дети уселись на брусчатке двора — они рады, что их фотографируют. Фотограф с аппаратом находится под сводом ворот, ведущих еще в один очаг «оздоровления» детей лондонских трущоб. Это въезд в химическую фабрику «Акме кэмикл продактс», ничем не отделенную от густо населенного двора...

← Вот они — «цветы» трущоб Глазго!

Перевод с английского

НОВОЕ В НАУКЕ О ЖИЗНИ

Профессор А. Н. СТУДИТСКИЙ,
доктор биологических наук

«...В обыкновенной бактериологии осталось мало что сделать, так как будущее принадлежит бактериологии невидимых микробов».

Это сказал незадолго до своей смерти великий русский ученый Илья Ильич Мечников. Около сорока лет назад он с гениальной прозорливостью определил как важнейшую задачу науки о микроорганизмах — микробиологии или бактериологии — изучение «невидимых микробов».

Шли годы первой мировой войны.

В военных госпиталях врачи извлекали из ран пули и осколки снарядов, сшивали мышцы, нервы и кожу, скрепляли обломки раздробленных костей.

Впервые за всю историю военной медицины хирург работал, не зная страха перед вечным врагом своего искусства — заражением ран. Грозный противник, обитатель ран — микроб, на протяжении многих лет скрывавшийся от человека благодаря своей малой величине, был обнаружен и укрощен. Крошечным стафилококкам, стрептококкам, пневмококкам, синегнойным и кишечным палочкам — всему миру возбудителей нагноения преградили доступ в рану спирт и сулема, которыми мыл руки перед операцией хирург, автоклавы, в которых обрабатывалась марля для перевязок, и простыни, закрывающие тело больного во время операции. Военная хирургия прочно держала в руках трофеи почти полувековой битвы с микробами.

Среди этих трофеев весьма скромное место занимали средства борьбы с микробами нагноения. Военная хирургия торжествовала победу над столбнячной палочкой — существом ничтожной величины, но колоссальной ядовитости, вызывавшим смерть у 70 из 100 человек, в раны которых внедрился этот микроб. Под напором науки отступили смертельные враги человека: холерный вибрион, чумная и дизентерийная палочки, малярийный плазмодий, возбудители десятков других заболеваний. Казалось, что совсем близка та власть, о которой мечтал основатель науки о микробах Пастер,— смести с лица земли все заразные болезни. А величайший микробиолог мира, создавший учение о защитных силах человеческого организма против болезнетворных микробов, Илья Ильич Мечников оценивал всю эту область знания, как вчерашний день науки.

«Бактериология невидимых микробов» — так определил он новую главу в науке о микроорганизмах, которой открывалось будущее борьбы человечества с заразными болезнями.

«Невидимые микробы» носили название фильтрующихся вирусов. Со времен Пастера латинское наименование «вирус», что значит «яд», было присвоено любым болезнетворным началам — микроскопическим возбудителям заразных болезней. Это был мир микроскопических паразитов человека и животных, открытый с помощью микроскопа. К этому миру относили возбудителей чумы, проказы, холеры, туберкулеза, дифтерии, возвратного тифа, сапа, сибирской язвы...

Каждый год приносил открытия новых и новых возбудителей. Но были болезни, упорно хранившие тайну своего распространения. Самые тщательные исследования не обнаружили микробов, возбудителей оспы, сыпного тифа, бешенства, кори, скарлатины. И только в 1892 году удалось, наконец, понять, что дальнейшие поиски микробов, вызывающих эти болезни, бесполезны: их болезнетворные начала — вирусы — настолько малы, что неуловимы даже при наибольших увеличениях под микроскопом. Они проходят через плотные фильтры, задерживающие самые мелкие микроорганизмы. Это мельчайшие из мелких, «невидимые», фильтрующиеся вирусы.

Именно за этими «невидимыми», фильтрующимися возбудителями заразных болезней сохранилось название вирусов.

Честь открытия нового мира микроорганизмов принадлежит выдающемуся русскому ученому Д. И. Ивановскому (1864—1920). Это открытие было сделано на растительном объекте — табаке. Обследованию подверглась табачная мозаика — загадочная болезнь, вызывающая пожелтение, скручивание и высыхание листьев. Заразный характер болезни не вызывал сомнений: сок, взятый от больного растения и перенесенный на здоровое, вызывал характерные изменения листьев. Микроскоп не обнаружил никаких признаков возбудителей. И вот тогда был произведен, впервые в мире, опыт: через фильтр, изготовленный из плотной пористой глины, был пропущен сок больного растения. Профильтрованный сок сохранил свои заразные свойства.

Так было открыто самое характерное и самое удивительное свойство новых возбудителей заразных болезней — их ничтожно малая величина. За немногими исключениями фильтрующиеся вирусы неразличимы при самых сильных увеличениях обычными оптическими микроскопами. Это в самом деле «невидимые» микробы. И именно это свойство выделяет их среди всех остальных живых организмов.

На протяжении многих лет со времени открытия и изучения микроскопического строения растительных и животных организмов в науке сложилось прочное убеждение в том, что основу строения и развития всех живых тел составляет клетка.

Комочек белкового вещества — протоплазмы,— способный к обмену веществ с окружающей средой, размножающийся путем деления на двое, — такой рисуют клетку все учебники микроскопической анатомии человека, животных и растительных организмов.

Тело человека, собаки, червя, яблони или кустика табака состоит из множества клеток. Микроб — это всего-навсего одна клетка. Но она в полной мере наделена способностью к обмену веществ и размножению — свойствами, характеризующими все живое. Вот почему, несмотря на ничтожно малые размеры, препятствующие изучению внутреннего устройства, ни один из открытых до настоящего времени микробов не вызывал сомнений в том, что он является клеткой.

Но в отношении фильтрующихся вирусов это сомнение сопровождало каждое исследование.

Еще в прошлом столетии, повторяя опыты Ивановского с табачной мозаикой, один голландский исследователь высказал мысль, что возбудитель этой болезни представляет собой живое, но жидкое начало. Живое, но жидкое! Значит, не организованное в форме отдельных частиц, какими являются клетки? Очевидно, так. Следовательно, новая, до сих пор неизвестная форма жизни?

Никто не решался прямо ответить на этот вопрос. В науке о жизни прочно и незыблемо царило убеждение, что все живое состоит из клеток и что вне клеток нет жизни. Что же можно было сказать о жизни, находящейся «в растворе», «в жидком состоянии»?

И только, когда были найдены способы изучать физическое состояние вирусов, оказалось, что эти «жидкие заразные начала» состоят из частиц белкового вещества. Эти частицы по своим размерам в некоторых случаях приближаются к наиболее крупным молекулам белков, входящих в состав животных и растительных организмов. Молекула гемоглобина — красящего вещества крови — достигает в длину 3 миллимикрон (миллионных долей миллиметра). Частица вируса ящура (болезнь рогатого скота) не превышает десяти миллимикрон в диаметре. В молекуле гемоглобина 68 тысяч атомов. В вирусной частице ящура их примерно 400 тысяч. Но оставалось неясным, что же это: живая белковая молекула? Не проще ли вообще отвергнуть мысль, что вирусы принадлежат к живым существам?

Научная мысль капиталистических стран чуждается познания явлений в их движении, в их развитии. Буржуазная наука бессильна объяснить природу вирусов. По настоящий день на страницах научных журналов, издаваемых в Западной Европе и Америке, идут бесплодные, схоластические споры: живые ли вирусы или неживые? Огромное большинство отказывается относить вирусы к миру живых существ, раз они не имеют клеточного строения.

Белок, способный к самовоспроизведению,— так характеризуют природу вируса одни ученые. Другие допускают, что когда-то, в далеком прошлом, предки вируса были живыми, были «настоящими» микробами—живыми клетками, паразитирующими в животных и растительных организмах. Но паразитический образ жизни привел их будто бы к постепенной утрате всех признаков живых существ. Вирусам не нужно дышать: за них дышит окружающая их протоплазма клеток хозяйских организмов. Им не нужны никакие приспособления — ни к движению, ни к реакциям на воздействия внешней среды,— за них приспосабливаются те же окружающие их клетки. И только одно свойство сохраняют вирусы от своих далеких предков — способность к неограниченному самовоспроизведению. Что же, можно ли на основании такой характеристики считать вирусы живыми организмами? Конечно, нет.

Только в нашей стране, под благотворным влиянием учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, людям науки становится доступным **познание подлинных отношений** живого и неживого в их непрестанном развитии, изменении, движении.

Недавно вышедшая книга советского биолога Г. М. Бошьяна «О природе вирусов и микробов» открывает перед наукой новые безграничные перспективы.

Эта книга — итог длительных экспериментальных исследований автора и коллектива его сотрудников. На протяжении ряда лет Г. М. Бошьян упорно и настойчиво искал выхода из того тупика, в который завели зарубежные исследователи науку о микроорганизмах. Результат этих поисков не оставляет камня на камне от ходовых, привычных представлений о вирусах и микробах. Это подлинно новая глава в микробиологии, новая глава в науке о жизни.

Начало исследованию положило выяснение природы тяжелого заболевания лошадей — инфекционной анемии. Болезнь выражается в тяжелом нарушении состава и работы крови. Количество красных кровяных клеток у больной лошади уменьшается, содержание гемоглобина падает, животное слабеет, худеет и в конце концов погибает.

Возбудителем болезни в течение многих лет считали вирус. Это было и верно и неверно. Действительно, из крови больной лошади путем осаждения удается получать вещество, действующее на жеребят как сильнейший яд. Вещество можно очищать: ядовитость от этого не падает, а, наоборот, повышается. Это, несомненно, вирус — особый белок, в котором ограниченная мысль отказывалась признавать какие-либо жизненные свойства.

Выращивание вируса анемии в питательных средах вне организма убедило Г. М. Бошьяна в ложности этого представления.

Опыты дались нелегко. Попыток культивирования вирусов описано в литературе немало. Все они неизменно завершались неудачей. Вот почему у микробиологов сложилось убеждение в том, что вирусы могут размножаться только в живых организмах. Лишь один голос был высказан против этого убеждения, голос основателя вирусологии — Д. И. Ивановского.

«...Контагий (возбудитель) мозаичной болезни, — писал он, — может жить и размножаться в искусственных питательных средах».

Свободного вируса в зараженном организме нет: он связан с белками крови, клеток и органов и поэтому находится в недеятельном состоянии. Таким образом, чтобы заставить вирус расти и размножаться в искусственной питательной среде, надо нарушить

его связи с белками тканей организма. Разработанные Г. М. Бошьяном методы нарушения этих связей привели к успешному разрешению поставленной задачи: впервые после работ Д. И. Ивановского удалось заставить вирус расти вне организма.

Рост вируса в искусственной питательной среде — это не простое воспроизведение вирусного белка. Это — развитие, последовательный ряд преобразований живого вещества. В культуре вне организма возбудитель анемии из вирусного состояния превращается в микроорганизм. Шаг за шагом, в серии микрофотограмм Г. М. Бошьян демонстрирует этот удивительный процесс, начиная с первых следов превращения невидимого в видимое — появления в культуре тончайшей микроскопической зернистости — и кончая образованием крупных шариков, палочек или нитей.

Условия развития — такова сила, направляющая формообразование микроба в ту или иную сторону. «Во время перехода вирусных частиц из зернистого состояния в стадию бактерийную, — пишет автор, — можно по желанию экспериментатора получить любую форму бактерий».

Итак, превращение вируса в микробную форму стало научно обоснованным фактом. Что же это за процесс: развитие живого из неживого или переход живого от одной формы существования к другой? Г. М. Бошьян не оставляет никаких сомнений по этому поводу. Развитие микроба из вирусной частицы — это превращение живого вещества из неклеточного в клеточное состояние.

Этот вывод имеет важное значение.

На протяжении столетия в науке о жизни прочно утвердилось представление, что клетки могут возникать только из клеток. Так учил немецкий ученый Вирхов, реакционер в политике и противник дарвинизма в науке. Поддерживая и развивая этот тезис Вирхова, ученые не понимали, что закрывают себе дорогу к научному, материалистическому познанию подлинных отношений между клетками и организмом.

Организм развивается из клетки — в этом находит отражение историческое прошлое животных и растений, ведущих свое происхождение от простейших одноклеточных существ. Какие основания для того, чтобы не признавать отражения в развитии животных и растений доклеточного состояния живой природы? Почему в развитии животных, растений и микробов не может на определенных стадиях возникать процесс, подобный образованию клеток из неклеточного состояния в прошлом органического мира?

Этот процесс, как показывает Г. М. Бошьян, может происходить и действительно происходит при определенных условиях развития живого вещества.

После того, как была выделена микробная форма в культуре вируса анемии лошадей, последовало превращение в микробную форму вируса псевдочумы птиц, затем — вирусов чумы свиней, ящура, энцефаломиэлита лошадей, бешенства, сыпного тифа... Невидимое для ряда поколений микробиологов становилось видимым, доступным микроскопическому исследованию в опытах Г. М. Бошьяна и его сотрудников.

Таковы подлинные отношения вирусов и микробов, составляющих до сих пор в науке о микроорганизмах два мира, разделенных непроходимой пропастью.

Не два, а один мир — мир простейших форм жизни, меняющих свое состояние в зависимости от условий развития, — так решается вопрос о природе вирусов и микробов.

Как вирус может превращаться в микроорганизм, так и микроорганизму может превращаться в вирусную форму под влиянием определенных условий. Каково же биологическое значение этих превращений живой материи?

Приспособление к меняющимся условиям жизни — такова единственная причина возникновения и развития этого свойства.

Вирусная частица значительно более устойчива против воздействия внешней среды, чем микробная клетка. Устойчивость вирусов против высоких и низких температур, высушивания, ядовитых веществ — могучее средство сохранения вида.

Сухую массу микробов инфекционной анемии лошадей, полученную на питательных средах, три раза растворяют в ацетоне и высушивают. Затем для такой же обработки применяют спирт, потом эфир. Абсолютно сухое вещество растирают в ступке. И полученный порошок в течение ряда лет сохраняет способность вызывать заболевание, а в соответствующих питательных средах из него вновь получается культура микробов.

Кипячение в течение двух часов, обработка слабыми растворами солей, щелочей и кислот, облучение солнечным светом, «губительным» для микроорганизмов, — все это не умерщвляет возбудителей многих болезней. В соответствующих условиях из такой «мертвой» культуры можно вновь вырастить и размножить возбудителя. Культура, которую любой микробиолог назвал бы «убитой», вновь возвращается к жизни!

Каковы же причины этой удивительной способности живого вещества переносить «губительные» воздействия внешней среды?

Переход в кристаллическую форму — так объясняет Г. М. Бошьян сохранение микроорганизмов при неблагоприятных условиях.

Способность некоторых вирусов к превращению в кристаллическую форму была обнаружена еще пятнадцать лет назад. Но никому из микробиологов не приходило в голову, что эта способность — чрезвычайно важное приспособление микроорганизмов к условиям существования.

Рост и размножение самого фильтрующегося вируса в организме животных и растений происходит путем кристаллизации, говорит Г. М. Бошьян.

Кристаллизация лежит в основе развития вирусов из белков и формирования микробов из вирусов. А при определенных условиях форма вируса или микроба сменяется кристаллической формой, видимой в микроскоп и даже невооруженным глазом.

Г. М. Бошьян перечисляет полученные в его лаборатории кристаллические формы — инфекционные анемии лошадей, чумы кур и свиней, бруцеллеза, паратифозных бактерий, рожи свиней, туберкулеза, дизентерии. Более 40 видов микробов и вирусов превращены в кристаллы самого разнообразного строения.

В виде кристаллов возбудитель приобретает огромную устойчивость против внешних воздействий — температуры, влажности, химических факторов... При этом он сохраняет способность к обратному превращению — в микробную или вирусную форму.

Трудно переоценить громадное теоретическое значение открытия Г. М. Бошьяном изменчивости форм существования микробов и вирусов.

Оно утверждает научный, материалистический взгляд на единство живого и неживого.

Оно вплотную приближает к решению великой тайны природы, волнующей десятки поколений естествоиспытателей — тайны возникновения жизни на земле.

Оно опровергает широко распространенное представление о хрупкости и неустойчивости первых форм жизни, появившихся на заре истории органического мира и будто бы не оставивших никаких следов. Данные Г. М. Бошьяна и его сотрудников свидетельствуют о том, что жизнь постоянно возникает и развивается и в настоящее время.

Огромны перспективы, открываемые работами Г. М. Бошьяна перед практической микробиологией.

Невосприимчивость к заразным болезням — иммунитет — находится в центре внимания микробиологов. Управление удивительным свойством нашего организма — оказывать сопротивление возбудителю заразной болезни — это цель всех исследований в данной области. На протяжении многих лет эти исследования велись под сильнейшим влиянием идей Пастера, Коха, Эрлиха — выдающихся ученых XIX столетия.

Во всех учебниках микробиологии говорится об антигенах — чужеродных белках, внедряющихся в организм в виде возбудителей заразных болезней, и об антителах — особых защитных белках, вырабатываемых организмом и противодействующих антигенам. Но сколько неясностей, сколько противоречий возникает при объяснении с помощью этих понятий самых банальных явлений иммунитета!

Почему в одних случаях иммунитет стоек — длится чуть ли не в течение всей жизни после перенесенного заболевания, например, скарлатины или кори? Почему в других случаях человек, перенесший болезнь, не гарантирован от возможности вторичного заболевания, как, например, при гриппе?

Новые представления о микробах и вирусах перевооружают практику применения предохранительных и лечебных вакцин и сывороток.

Со времен Пастера основой для создания иммунитета к заразной болезни считаются так называемые ослабленные или убитые культуры возбудителя. Перенесенная от прививки в очень слабой форме болезнь приводит к развитию в переболевшем организме антител, противодействующих сильной форме возбудителя. И вот это представление, на котором воспиталось не одно поколение микробиологов, оказывается полностью несостоятельным в свете фактов, установленных Г. М. Бошьяном и его сотрудниками.

В лаборатории Г. М. Бошьяна был обследован целый ряд так называемых убитых вакцин, употребляемых для предохранительных и лечебных прививок. С помощью специальных методов из них удалось выделить живые культуры возбудителей — сыпного тифа, рожи свиней, бруцеллеза и других болезней.

Как же действуют такие вакцины на организм, создавая в нем невосприимчивость к инфекции?

Эти вакцины содержат возбудителей в форме вирусных частиц, легко связываемых белками организма. В связанном состоянии вирус недеятелен и не вызывает заболевания. Иммунитет к любому заболеванию основан на этом явлении — нейтрализации вирусных частиц путем связывания их белками тела. Пока в организме сохраняются такие связанные возбудители, существует невосприимчивость к заболеванию. Как только они иссякают, происходит утрата приобретенного иммунитета.

Направляя развитие возбудителей заразных болезней изменением условий их жизни, можно получать формы различной ядовитости для организма. Отдельные переходные стадии превращения вирусов в микробы могут вызывать сильное заболевание, другие совершенно безвредны. В этом направлении открывается новый путь для создания предохранительных и лечебных прививок.

Сталинская эпоха — период великого подъема науки. Под могучим влиянием идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина советские ученые освобождают естествознание от пут, наложенных на него ограниченным буржуазным мышлением.

На протяжении полувека развитие науки о жизни сковывалось реакционным идеалистическим направлением — вейсманизмом-морганизмом, объявившим все живое комбинациями вечных и неизменных зачатков. Победа мичуринского учения открыла дорогу к полной победе над органической природой.

Учение о функциях животных организмов в течение около ста лет испытывало давление реакционного учения Вирхова, сводившего все, что происходит в организме, к свойствам составляющих его клеток.

На наших глазах растет и ширится неодолимое движение советской физиологии — исследования животного организма как целого на основе материалистического учения Павлова.

Товарищ Сталин в речи на приеме в Кремле работников Высшей школы 17 мая 1938 года говорил о науке, «люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки».

Книга Г. М. Бошьяна — образец новаторского, смелого, решительного пересмотра устаревших традиционных установок в науке о микроорганизмах.

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Рассказ

Александр РОЗЕН

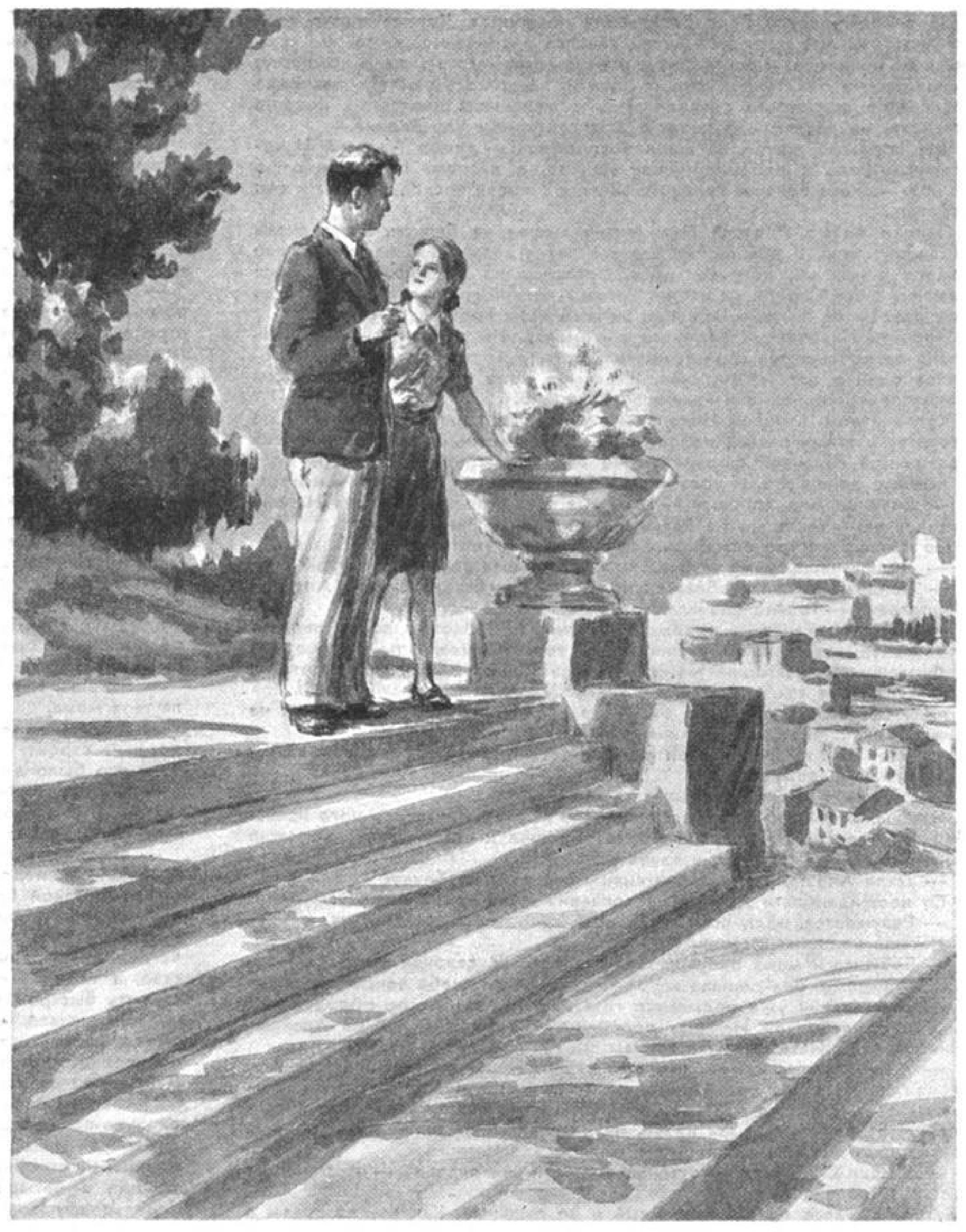

Рисунок В. Высоцкого

Алексей Николаевич Корнев, главный инженер рудников, расположенных в пятнадцати километрах от Энска, приехал домой, в город, поздно и только успел помыться и переодеться в домашнее, как зазвонил телефон. В соседней комнате суетилась тетя Анечка, накрывая на стол, и, услышав звонок, сердито нахмурилась.

— Ничего, ничего, тетя Анечка! — крикнул в полураскрытую дверь Корнев, чувствуя после нескольких гимнастических упражнений привычную бодрость. — Мы с этим быстро справимся! Одна минута. — Он шагнул к телефону и, сняв трубку, сказал громко: — Да, я.

Но сейчас же его лицо приняло доброе, немного растерянное и, как сказала бы тетя Анечка, «смирное» выражение.

Звонила старинная приятельница Корнева — Вера Васильевна Воронцова, звонила «не просто так», а «с превеликой просьбой».

Алексей Николаевич и Вера Васильевна были знакомы с детства, и в памяти Корнев часто называл ее детским прозвищем «Веревочка», несмотря на то, что Вера Васильевна давно уже вышла замуж, в войну овдовела. Дочери ее, Наташе, уже исполнилось одиннадцать лет. Именно по поводу дочери и звонила сегодня Вера Васильевна.

— Я очень недовольна Наташей,— говорила она, волнуясь. — Не слушает ни меня, ни бабушку. Позавчера нагрубила и была наказана. Я целый день с ней не разговаривала. Представляешь себе, как это приятно? Сейчас лето, занятий нет, ей, как отличнице, дали путевку в Артек, но в августе, а сейчас только июль, и я не знаю, что с ней делать.

— Мне думается, ты преувеличиваешь,— осторожно заметил Алексей Николаевич. — Сама говоришь, «отличница» и все такое.

— Нет, нет! — воскликнула Вера Васильевна. — Ребенок совершенно избаловался. И не удивительно: бабушка ее обожает, Мария Сергеевна... конечно, она прекрасный педагог, но ведь и она не надышится на свою ученицу. Наташа чувствует себя принцессой: «Ах, мама, ты в этом ничего не понимаешь!» — и как-то странно фыркает. Прошу тебя по-дружески: помоги мне.

— Я, разумеется, с удовольствием, — сказал Корнев. — Но в чем, собственно?..

— Поговори с Наташей... Надо внушить девочке, что нельзя так резко разговаривать с матерью... И что это за манера пожимать плечами?..

— Говорят, что переломный возраст...

— Не спорю, не спорю. Но тебя она очень уважает. Дядя Алеша — это для нее много значит.

— Вот как! Это почему же?

— Во-первых, ты не принадлежишь к нашему бабьему царству, во-вторых, ты человек известный, о тебе даже у них в классе рассказывали...

— Хорошо, хорошо, — сказал Алексей Николаевич, — когда же мне зайти?

— Я думаю сделать так. Завтра воскресенье, и я скажу Наташе, что ты хочешь пойти с ней в городской музей. Его только неделю назад вновь открыли... Согласен?

— Согласен...

— Ну, большое спасибо! Ты, Алеша, почему так редко заходишь? — спросила Вера Васильевна уже другим, успокоенным тоном. — Посидели бы, вспомнили былое... Правда, я прихожу домой поздно, но ведь нам и ночь не заказана. Ты почему молчишь?

Алексей Николаевич и сам чувствовал, что неудобно дольше молчать, и сказал несколько обычных фраз о том, что «недосуг», «завертелся», «работы по горло».

Разговор был закончен. Алексей Николаевич повесил трубку и недовольно покачал головой. Надо было сказать, что завтрашний день он приглашен на дачу к директору рудников и что вообще он не подготовлен к роли наставника. Конечно, можно сейчас же позвонить Вере и все объяснить, но Алексей Николаевич отлично понимал, что не в силах ни в чем ей отказать.

Алексей Николаевич вздохнул, вышел в соседнюю комнату и сказал:

— Тетя Анечка, надо будет на завтра чего-нибудь сладкого купить. Да я не о себе хлопочу, — засмеялся он, заметив, что тетя Анечка удивлена. — Завтра к нам гостья придет, дочка Веры Васильевны.

— Наташа? Вот хорошо-то! — тетя Анечка обрадовалась. — Чудесная девочка... Я пирожное спеку... или, может быть, клубники купить? — вслух размышляла она, а Алексей Николаевич думал, что за те несколько раз, что он был у Веры после своего приезда, он даже не разглядел как следует ее дочь.

Они всегда вместе ужинали — Корнев, Вера Васильевна, бабушка и Наташа,— а к концу приходила Мария Сергеевна и влюбленно смотрела и на Веру Васильевну, и на Наташу, и на бабушку, крепкую еще старуху, с большим, покатым лбом.

Алексей Николаевич томился и ждал, пока кончится чаепитие и Вера Васильевна скажет: «Пошли, Алеша, ко мне, посидим, вспомним былые годы». Отказываясь от душистого чая, который специально для него крепко заваривала бабушка, он мечтал о той минуте, когда они с Верой останутся вдвоем в ее маленькой комнате, кажущейся особенно тесной от множества картонных макетов. Вера Васильевна работала в Архитектурном управлении и любила эти миниатюрные дома, вокзалы и клубы, и макетчик, зная об этом, делал для Веры Васильевны «отдельно» лишнюю копию.

Наконец Вера Васильевна брала Корнева за руку и говорила решительно: «Пошли, Алеша». Но вместо того, чтобы вспоминать былое, Вера Васильевна рассказывала Корневу о своих служебных делах, советовалась или расспрашивала о его работе на рудниках и сердилась на Корнева за молчаливость.

— Ты почему молчишь? — спрашивала она, волнуясь.— Тебе что-нибудь не нравится?

— Ну, что ты, Вера, мне все нравится, — отвечал Алексей Николаевич и, чувствуя после этих вопросов еще бóльшую стесненность, молчал и тяготился своим молчанием.

Потом он решил, что ему не следует бывать у Воронцовых, и, уговорив себя, что «так будет лучше», в самом деле больше месяца не бывал у них.

Первое время Корневу казалось, что действительно «так лучше». Он много работал, а по воскресеньям вместе с директором рудников ходил на охоту. Тетя Анечка утверждала, что Алексей Николаевич заметно поправился.

Но сегодня, когда Вера Васильевна позвонила, Корнев вдруг ясно почувствовал, что весь этот месяц тянулся бесконечно долго, что охотился он поневоле; и острее, чем раньше, потянуло в тесную комнатку, заставленную макетами будущих зданий, захотелось увидеть, как Вера Васильевна осторожно сдувает пыль с маленьких картонных колонн, услышать ее рассказы о делах в Архитектурном управлении.

«Не понимаю, какой из меня воспитатель! — думал Алексей Николаевич. — Ведь к ребенку нужен подход, а я этого совершенно не умею», — снова покачав головой, он взял с полки несколько книг и сел работать.

Поздно ночью Алексей Николаевич вышел на балкон. Было очень звездно и тихо. В ночной тишине все звуки казались близкими. Возле самого дома, как летучая мышь, прошуршала машина. Послышался женский смех. Скрипнула дверь. Потом мужской голос сказал: «Да ведь еще совсем не поздно». И вслед за этим часы пробили три раза.

Алексей Николаевич вернулся в комнату. Но перед тем, как лечь спать, он просмотрел свои записки. Повсюду на полях рукописи повторялся один и тот же рисунок. Знакомое лицо смотрело на Алексея Николаевича серьезно и немного удивленно.

Когда утром Алексей Николаевич увидел Наташу, он поразился ее сходству с этими наспех набросанными рисунками. Те же глаза, очень правильной овальной формы, та же едва заметная горбинка на носу и нежные линии рта. И только лоб был отцовский, высокий и крутой.

— Девочка моя хорошая, — говорила тетя Анечка, обнимая Наташу и целуя ее. — Какая же ты большая стала! Выше, чем мама...

Но Наташа быстро освободилась от объятий тети Анечки:

— Дядя Алеша, мама сказала, что вы пойдете со мной в музей.

— Пойдем, Наташа, обязательно пойдем, — бодро сказал Алексей Николаевич, — только сначала позавтракаем.

— Вы завтракайте, я подожду. Можно, я посмотрю ваши книжки?

— Какие там книжки, — вмешалась тетя Анечка, — ты вот на что посмотри, — и она торжественно открыла большое блюдо с клубникой. Солнечный луч так и впился в большие, сочные ягоды.

— Я сладкого никогда не ем, — сказала Наташа, строго взглянув на тетю Анечку, и подошла к книжным полкам.

Алексей Николаевич развел руками, тетя Анечка обиженно поджала губы, но не выдержала:

— Наташа, я купила чудесные вафли...

Наташа, сдвинув брови, рассматривала «Основы интегрального исчисления». Алексей Николаевич молча подошел к столу, молча положил себе на тарелку клубнику и начал есть.

— Дядя Алеша, а разве охотники тоже едят клубнику?

От неожиданности Алексей Николаевич даже уронил ложку:

— Разумеется, едят, почему бы нет?

Наташа подошла к столу.

— Бабушка и мама очень любят сладкое... И девочки в классе — тоже... — видимо, она решала какой-то важный для себя вопрос, но Алексей Николаевич уже подмигнул тете Анечке, та быстро пододвинула блюдо с клубникой Наташе; попрежнему в упор глядя на Алексея Николаевича, Наташа съела все ягоды.

— Мама говорила мне, что вы, дядя Алеша, охотник... Вы знаете, я мечтаю хоть раз побывать на охоте. У нас в классе никто об этом не мечтает, только я одна! А бабушка и мама боятся выстрелов. Когда в кино стреляют, они так низко, низко наклоняют головы. Мы поедем на машине или пешком пойдем? — спросила Наташа.

— Пешком, пешком, — отвечал Алексей Николаевич, — охотники на машинах не ездят.

День выдался яркий, солнечный и не пыльный. Как всегда летом в воскресный день, народу на улицах было немного. Ровный ветерок дул с реки. Дышалось легко и свободно.

Алексей Николаевич и Наташа вышли на набережную. Здесь было более оживленно. По реке взад и вперед суетились ослепительно белые пароходики. Возле здания яхт-клуба на причале толпились парусники.

— Какое красивое здание! — заметил Алексей Николаевич, любуясь просторным вестибюлем.

— Это яхт-клуб, — шепотом сказала Наташа, с завистью глядя на девушку в белом костюме с эмблемой на груди. — Разве вы не бывали здесь? Его выстроили в прошлом году.

— Да все как-то недосуг, — пробормотал Алексей Николаевич. — Я приехал зимой, а потом... А мама здесь бывает?

— Мама? Вы бы еще о бабушке спросили, — Наташа приподняла плечико и фыркнула. — Мама только на открытии была. Ей вот такой букет цветов подарили. Мама боится воды, — прибавила Наташа убежденно.

«В самый раз начать разговор, — подумал Алексей Николаевич, — нельзя так фыркать, в особенности, когда говоришь о маме или о бабушке».

— Зато я плаваю, как рыба, — быстро сказала Наташа. — Видели нашу купальню? Да нет же, это поплавок, там люди обедают, — и, взяв Алексея Николаевича за руку, она повела его к мосткам, которые заканчивались павильоном из розового камня.

— Да, да, очень красиво, — повторил Алексей Николаевич, досадуя на то, что Наташе приходится объяснять ему, как приезжему.

Ведь раньше он хорошо знал эти места. Мальчишкой удил здесь рыбу, на пари переплывал реку или с разбегу нырял возле старой баржи, которая стояла вот здесь, где сейчас купальня.

А Вера действительно боялась воды. Это была спокойная, рассудительная девочка, и, когда ее спрашивали: «Как тебя зовут?» — она охотно и быстро отвечала: «Вервасилена», — за что ее и прозвали «Веревочка».

— На том берегу строится большой стадион, — рассказывала Наташа, совершенно войдя в роль гида. — Он и для футбола годится, и диск метать, и копье. Вы не видели? У мамы на комоде стоит. В будущем году откроют. Вы хорошо играете в футбол? Я мечтаю быть вратарем, рост у меня подходящий, но мама говорит, что это игра не для девочек. По-моему, ерунда.

— Наташа, — начал Алексей Николаевич серьезно. — Так нельзя...

— Хотите посмотреть нашу школу? Вот по этой дорожке наверх, а потом выйдем на Комсомольскую и прямо в парк, в музей. Догоняйте меня! Дядя Алеша, я вас вижу! — кричала она сверху. — А вы меня видите?

На мгновение мелькнуло наташино платье и сразу же исчезло. Алексей Николаевич, забыв о своей вынужденной солидности, одним духом одолел дорожку, посыпанную мелким гравием.

Когда-то здесь был обрыв, и когда-то Алеша Корнев прыгал с этого обрыва вниз, удивляя и пугая Веру. Все же он уговорил и тихую Веру прыгнуть.

— Здесь песок! — кричал он, стоя внизу. — Не бойся! Я тебя на руки приму!

Тихая Вера прыгнула. Он действительно поддержал ее, но вдруг както растерялся, отпустил — и оба упали на землю.

— И для баскета площадка есть, — рассказывала Наташа, блестя глазами. — Что тут из-за этого баскета было! Будто бы я нарочно разбила стекло. «Не для тебя одной строили новую школу!» — сказала Наташа, подражая Вере Васильевне. — Вы не видели, как мама сердится? Ну, мама этого совершенно не умеет.

Они пересекли площадь с высоким фонтаном и пышными клумбами и вышли на Комсомольскую улицу.

— А здесь, вероятно, помещается ремесленное училище? — спросил Алексей Николаевич, показывая на трехэтажное здание из серого камня.

— Ремесленное здесь? Что вы, дядя Алеша! У них училище на Ленинской, рядом с заводом. Мама до сих пор его у себя на письменном столе на самом видном месте держит. А новый ТЮЗ вы видели?

— Интересно все же, что здесь помещается? — задумчиво сказал Алексей Николаевич, заглядывая в палисадник.

— Какие-то склады... — Наташа небрежно пожала плечами. — Бумтреста. Пойдемте, дядя Алеша.

Конечно, дом был некрасив: три серых каменных коробки, неуклюже поставленные одна на другую. Но Алексей Николаевич попрежнему стоял в глубокой задумчивости и казался чем-то встревоженным.

— Знаешь, Наташа, — сказал Алексей Николаевич, — этот дом строила твоя мама.

— Шутите, дядя Алеша! — Наташа весело засмеялась. — Мама такие дома не строит.

— Это было давно. Твоей маме было 17 лет...

— Шутите, шутите, в 17 лет еще учатся!.. А где же дощечка «Архитектор В. В. Воронцова»? — и Наташа победоносно взглянула на Алексея Николаевича.

— Такой дощечки действительно нет, — согласился Алексей Николаевич. — А следовало бы прибить дощечку: «Бригадир первой ударной комсомольской бригады Вера Воронцова», — и, заметив вопросительный взгляд Наташи, продолжал: — На этом месте двадцать лет назад был заложен первый камень нового дома для фабзавуча. Мы, фабзайчата, каждый день бегали сюда посмотреть, как подвигается строительство, а уходили отсюда разочарованными. Ведь тогда еще не умели строить быстро. И вот на комсомольском собрании твоя мама выступила и сказала: «Товарищи, я предлагаю помочь стройке! Товарищи, будем работать по воскресеньям, а в будни — по вечерам!» И тогда со всех сторон закричали: «Правильно, поможем! Открывай запись! Вера, меня запиши! И меня!».

Последние слова Алексей Николаевич выкрикнул так звонко, что несколько прохожих остановились, с недоумением посмотрев на него.

Алексей Николаевич вспоминал, как в яркий летний день фабзайчата пришли на стройку. Он, Корнев, нес кумачовое знамя с надписью: «Пятилетка в четыре года». Начальник строительства Яков Федорович Стрельцов, пожилой рабочий с орденом Красного Знамени на груди, пожал руку тоненькой девочке с большими серьезными глазами и сказал: «Спасибо комсомолу. Молодец, «Веревочка»! — и, помолчав, добавил: — А работа предстоит трудная. Хочу вас поставить на подноску кирпичей».

— И мама сама таскала кирпичи? — спросила Наташа.

— Конечно! — с жаром воскликнул Алексей Николаевич. — Ты не смотри, что мама такая тоненькая. Она сильная.

И на следующий год, когда они уже окончили фабзавуч и работали на заводе, они все свободное время отдавали стройке. Расходились поздно вечером, усталые и счастливые. Вот по этой улице, которая тогда называлась Большая Подьяческая, Корнев провожал Веру до ее дома, и Вера вслух мечтала о том удивительном и теперь уже близком времени, когда в городе не останется ни пустырей, поросших бурьяном, ни нелепых купеческих домиков с пристройками, флигельками, толстыми наличниками на окнах, а все дома будут каменными, высокими, стройными, радующими глаз и прямая, как стрела, Комсомольская улица пройдет через весь город до самого зеленого холма, на вершину которого, в парк, люди будут подыматься не по старым, уже сгнившим ступеням, а по великолепной мраморной лестнице.

— И все это можем сделать мы, понимаешь, мы сами! — сказала Вера, остановившись у низенькой калитки и прощаясь.

Простившись с Верой, Корнев не ушел, а шагнул в густую тень и оттуда слышал, как Вера вошла в дом, распахнула окно. Возможно, что она догадалась, что Корнев где-то недалеко, и тихонько окликнула: «Алеша!» Но он не решался обнаружить себя и не двигался с места. И лишь когда Вера захлопнула окно, Корнев покинул свое укрытие.

— Пойдем, Наташа, — сказал Корнев.

Несколько минут Алексей Николаевич и Наташа шли быстро и молча, оба взволнованные: Алексей Николаевич — внезапно нахлынувшими воспоминаниями, Наташа — какими-то своими новыми мыслями. В глубине улицы, на вершине широкого некрутого холма, уже замелькали в зелени белые домики.

— Дядя Алеша, а что было дальше? — спросила Наташа.

— Дальше? — Алексей Николаевич не понял вопроса.

— Мама сама стала строить дома? Да?

— Ну, до этого было еще далеко, — засмеялся Алексей Николаевич. — Когда наш завод выполнил пятилетку в три с половиной года, твоей маме, как лучшей ударнице и успешно окончившей техникум, дали путевку в Москву, на учебу.

— Лучшая ударница... Путевка... — вслед за Алексеем Николаевичем Наташа сосредоточенно повторяла эти слова, с такой силой звучавшие двадцать лет назад и юные еще сегодня.

«Что же было дальше?» — слышал Алексей Николаевич наташин вопрос и мысленно отвечал себе: «Дальше? Дальше была жизнь». Вера училась в Москве, Корнев — в Ленинграде, в Горном. Встретились они в Энске в начале третьей пятилетки. Вера уже была замужем.

— Этот дом выстроен твоей мамой десять лет назад по ее дипломному проекту, — рассказывал Алексей Николаевич. — А этот — спустя два года. И дощечка есть: «Построен в 1939—1941 гг. Восстановлен в 1945—1947 гг. Архитектор В. В. Воронцова».

В конце улицы Наташа остановилась и, показав на большое здание, еще закрытое строительными лесами, сказала:

— А вот сюда мама на работу ездит.

Дробно и негромко постукивали тонкими молотками штукатуры, словно боясь нарушить тишину воскресного дня. Широкие солнечные лучи, сбрасывая с карниза на карниз золотую пыль, медленно отсчитывали этажи, обжигая большой кумачовый плакат: «Товарищи фасадчики! Выполним задание досрочно, дадим только отличное качество!»

Но в доме уже жили. Были слышны детские голоса, где-то настойчиво стучала пишущая машинка, звучал рояль и повелительно окающий голос распоряжался: «Прошу доставить возможно скорее, совершенно необходимо».

По широкой мраморной лестнице Алексей Николаевич и Наташа поднялись на вершину зеленого холма. Здесь, в парке, в старом губернаторском доме, помещался музей.

Великолепный вид на весь город открывался отсюда. Наташа даже зажмурилась от удовольствия:

— Смотрите, смотрите, откуда мы шли! Вот яхт-клуб, а вот наша школа, а вот дом, что вы с мамой строили. А наша, Комсомольская... Прямая, как стрела!.. Я часто в парке гуляю, никогда еще так хорошо не было...

— Да, необыкновенно хорошо! — сказал Алексей Николаевич, всматриваясь в очертания города.

— По другую сторону холма тоже будет лестница и тоже улица, как Комсомольская. Это правда, мне мама говорила. И пойдет она до самых дядиалешиных рудников, — и Наташа, снова войдя в роль гида, повела Алексея Николаевича на западный склон холма.

Здесь было еще дико. Густые заросли орешника сплошной массой спускались к подножью.

А внизу шла работа. Паровые катки сравнивали землю, тракторы тащили на цепях большие камни, гладкие и с очень острыми углами. За высокими треножниками виднелись молодые лица геодезистов.

— Для того чтобы строить, надо сначала расчистить площадку, — деловито объясняла Наташа. — А здесь, смотрите, сколько камней понатыкано. Там еще громаднейшая канава была, ее прошлым летом засыпали.

— Да, Вера строила накрепко, — сказал Алексей Николаевич.

— Ой, дядя Алеша, вы меня не поняли... Мама здесь еще не строила. Она ду-ма-ет строить. Ей еще даже макета не приносили.

— Видишь ли, Наташа, осенью сорок первого года... — начал Алексей Николаевич и вдруг оборвал себя, как будто испугавшись чего-то. Ему хотелось рассказать Наташе о строительстве, которое развернулось тогда у подножья холма, но все привычные, простые слова показались вдруг ничтожными, бедными, казалось, что нужно найти какие-то другие, необыкновенные слова.

В те дни он и сам не знал о судьбе Веры. Бои шли на подступах к Энску. Алексей Николаевич командовал артиллерийским дивизионом и седьмые сутки не уходил с наблюдательного пункта. И каждый раз, когда он пробовал вздремнуть, над его головой раздавалось монотонное гудение и кто-нибудь из бойцов говорил тихо: «Юнкерсы»... Город идут бомбить». О Вере Васильевне Корнев узнал случайно.

— Наташа, — сказал Алексей Николаевич, — во время войны с фашистами эти камни назывались надолбами, а большая канава, которую засыпали прошлым летом, — противотанковым рвом. Все это было построено для того, чтобы фашисты не могли завладеть нашим городом. И все это строила твоя мама.

— Мама? — Наташа широко раскрытыми глазами смотрела на Алексея Николаевича. — Но мама никогда не была военной! Когда мы с бабушкой жили в Чусовой, она прислала нам свою фотографию и...

— Да, твоя мама никогда не была военной, — подтвердил Алексей Николаевич. — Но во время войны она пришла сюда и привела еще очень много своих невоенных подруг, с которыми вместе работала на заводе, и с которыми вместе училась, и с которыми вместе строила красивые здания. Они работали днем и ночью. Когда налетали фашистские самолеты, они тоже продолжали работать...

— И мама не боялась выстрелов? — спросила Наташа, и Алексей Николаевич почувствовал, как дрогнула в его руке маленькая и сильная рука Наташи.

— Мама никогда ничего не боялась, — уверенно ответил Алексей Николаевич.

Когда они пришли в музей, было уже часов пять.

— Как вы поздно! — сказал экскурсовод, радуясь, что видит Алексея Николаевича, и досадуя, что не сумеет все показать. — Идемте же скорее. Музей теперь гораздо богаче, чем был раньше. Обычно перед осмотром я рассказываю об историческом прошлом нашего города, но сейчас ограничусь лишь замечанием, что экспозиция музея построена в строго хронологическом порядке. В этом зале собраны образцы древнего оружия, а в соседнем — предметы домашнего обихода, — говорил экскурсовод с профессиональной беглостью. — Обратите внимание на этот кубок, резьба по дереву свидетельствует о высокой культуре мастера. А вот этот княжеский венец сделан из ста двадцати драгоценных камней. В следующем зале собраны образчики письменности... Прошу вас, не стесняясь, задавать мне вопросы, — сказал экскурсовод, заметив, что Алексей Николаевич и его спутница как-то странно молчаливы.

Дорогу юным!

С. МАРШАК

Счастье будущего — дети.
Нужен мир, чтоб им расти.
Помни: ты за них в ответе.
Ты обязан их спасти.

Вся планета — их наследство.
Наша осень — их весна.
Не дадим, чтоб радость детства
Отняла у них война.

Есть враги у мира в мире.
Пусть грозят они огнем,
Но встает грозней и шире
Крепость мира с каждым днем.

Итальянцы и французы
Отказались выгружать
Кораблей пиратских грузы,
Шифром меченую кладь.

В самый первый день июня
Пусть гремит в любой стране
Дружный клич: — «Дорогу юным!
Миру — мир, война — войне!»

Алексей Николаевич был любителем старины, но сегодня он с удивительным равнодушием осматривал тончайшую кольчугу воина и искусно выточенный из кости ларец. Да и Наташа не проявляла обычного любопытства и лишь мельком взглянула на княжеский венец.

В комнатах было сыро. Какая-то бабочка с разлета порхнула в раскрытое окно, пестрыми крылышками коснулась обугленного лица святого на иконе и тотчас же исчезла. И вслед за ней хотелось поскорее на воздух. А сюда вернуться осенью, когда за окном падает лист, а в больших изразцовых печах весело трещат дрова.

— Какие низкие потолки! — басом сказала Наташа.

Экскурсовод неодобрительно покачал головой, и Алексей Николаевич поспешно заметил:

— Работники музея сделали очень большое, полезное дело.

— Вы хотите сказать, половину дела! — польщенно воскликнул экскурсовод. — Сейчас мы готовим экспозицию послеоктябрьского периода... Кстати, вы получили наше письмо с просьбой предоставить музею ваши материалы?..

...Выйдя из музея, Алексей Николаевич заторопился:

— Мама и бабушка, наверное, уже давно беспокоятся, — говорил он. — Ты без обеда... Сейчас я вызову машину.

— Дядя Алеша, не надо, — упрашивала Наташа. — Я могу до ночи без обеда. Ну, еще немножко погуляем.

— Свежо, Наташа.

И в самом деле было уже свежо. На побледневшем небе быстро появились мелкие звезды, и казалось, что где-то высоко, очень высоко осыпался куст сирени. Народу в парке становилось все больше и больше. Зажглись фонари на площадках мраморной лестницы. Заиграла музыка.

Четыре года назад, когда Алексей Николаевич приезжал в Энск, он был здесь вместе с Верой Васильевной. И тоже играла музыка, и багровое солнце, брызгая огнем, плыло по реке и вдруг, решившись, быстро окунулось и пошло ко дну. И вид на город был прекрасен, хотя и чернели то тут, то там обугленные остовы домов, и огней было мало.

— Когда ты снова вернешься, — говорила Вера Васильевна, — здесь все изменится. Все будет, как до войны. А может быть, будет и лучше. Сейчас я восстанавливаю дом на Комсомольской, потом буду строить новое ремесленное училище, а потом... потом яхт-клуб... Приедешь и не узнаешь нашей старой набережной.

И, слушая тогда Веру Васильевну, Алексей Николаевич думал, что вот прошло много лет, на его глазах менялся город, прошла война и снова все изменилось, прошло много лет большой, трудной, интересной жизни, а Вера Васильевна, «Веревочка», оставалась для него таким же, самым близким человеком. И, кто знает, может быть, еще придет время, когда она поймет, почему при встречах он так подолгу молчит...

— Пора, Наташа, пора! — твердо сказал Алексей Николаевич.

Через несколько дней Вера Васильевна позвонила Корневу по телефону.

— Я очень благодарна тебе, — говорила она волнуясь. — Ты оказался волшебником. Наташу не узнать! Она так ласкова со мной, так заботлива...

— Вера, — сказал Алексей Николаевич. — Но ведь я совершенно ничего...

— Нет, нет, позволь мне поблагодарить тебя. И ты должен мне обо всем рассказать. Когда мы увидимся? Я очень, очень жду тебя. Ты почему молчишь, Алеша?

Алексей Николаевич молчал, и Вера Васильевна снова спросила:

— Почему ты молчишь, Алеша?

Повесть о счастье

Степь, равнина, спящие овцы и три силуэта на сером фоне зари — так начинается рассказ А. П. Чехова «Счастье». О чем думают здесь люди? О чем разговаривают они в сонной ночной тиши? И думают и говорят о счастье. «Счастья много, его б на всю округу хватило, да не видит его ни одна душа», — говорит старик-пастух.

Счастье у Чехова грустное. Как огонек в степи, мелькает оно и исчезает неведомо куда. Ночная тишина, пастухи, одетые в мешковину, и сонные овцы, мысли которых тягучи и длинны, как сама ночь, — все в рассказе полно ощущения призрачности, неуловимости человеческого счастья.

Рассказ этот вспоминается, когда читаешь повесть К. Львовой «На лесной полосе». Здесь тоже степь, и герои этой повести — обыкновенные люди: лесоводы, пастухи, колхозники. Но степь здесь другая, иные люди, иное представление о счастье. «На лесной полосе» — повесть о людях, созидающих счастье, о лесе в степи, о том, как, преобразуя природу, человек воспитывает самого себя.

Два героя больше всех запоминаются в повести: худенькая, с остреньким подбородком и светлыми бровями девушка, звеньевая лесопосадочного звена Настя Сизова, и сам лес, молодой, зеленый, выросший в степи лес.

Чувство глубокой симпатии к Насте появляется у читателя с первых страниц. Девушка везет в колхоз слабенькие прутики-сеянцы древесных и кустарниковых пород. Осень, грязь. Машина застревает в пути. Утопая в болоте, Настя перетаскивает в лодку свой драгоценный груз. Ни слова не говорит она о лесе, но в том, как заботится она о саженцах, как защищает их от воды и ветра, видна страстная заинтересованность девушки в судьбе этих прутиков, видно уменье думать о будущем, в «капле дождя видеть сад».

Вот еще страницы. Усталая и продрогшая Настя попадает домой.

« — Не ужинали? — с грубоватой заботливостью спрашивает она у матери. — Беда мне с вами!..

Гремят ухваты, горшки. Мгновенье, и на столе дымится чашка со щами.

— Вот так, — удовлетворенно говорит девушка, усаживая за стол мать. — Всегда б меня слушали, лучше б было».

Два небольших и, как принято говорить, «проходных» эпизода, но в них раскрывается и характер героини и творческая манера писательницы. В повести много действия, движения, мало раздумий, разговоров, рассуждений. В труде, в живых делах и поступках выявляется облик Насти. Вырастить в степи лес — мечта девушки. Тут проявляется ее воля, душевная собранность. Писательница любуется неутомимостью, ловкостью, энергией, с которыми Настя вступает в борьбу за жизнь леса в степи.

Бороться нужно не только с природой. Преодолевать приходится и силу привычки у людей, которым возможность вырастить лес в степи кажется фантазией. Автор показывает, как проходят «школу лесного воспитания» люди различных профессий — от пастуха до директора МТС.

К. Львова взялась за новую, важную в жизни народа тему. О преобразовании природы у нас пишут очерки, стихи. Писательница первой перенесла эту актуальнейшую тему в область художественной прозы. И там, где К. Львова показывает новых людей деревни — преобразователей природы — в их труде, в действии, она обнаруживает сильную сторону своего произведения. Но как только писательница «отлучает» своих героев от сферы труда, перо ее становится вялым, портрет неудачным.

Так не удались К. Львовой отрицательные персонажи повести. Вот один из них — председатель колхоза Кузьма Авдеич. Кузьма Авдеич против лесопосадок. «Безделица она, безделица и есть, — ворчит он. — Я должен зерновую проблему решать».

Что это — проявление консерватизма, несознательности, косности? Ни то, ни другое, ни третье. Читатель не знает, чем занимается Кузьма Авдеич: разрешает ли он в самом деле зерновую проблему или только говорит о ней. Председатель колхоза действует где-то за сценой и лишь время от времени появляется, чтобы произнести очередную реплику против лесопосадок, а затем вновь исчезает. Выходит, что лес в степи начинает расти и звено лесопосадочное работает вопреки желанию и воле председателя. Но, может быть, Кузьма Авдеич только по ворчливости называет лесопосадки «безделицей», а сам помогает колхозным лесоводам? В повести все это плохо описано, поэтому неясен, неубедителен связанный с этим конфликт. Скомкан, сглажен и другой конфликт повести — между Настей Сизовой и старшим агрономом МТС Юрием Ростиславовичем Пестраком.

Образ Пестрака интересно задуман писательницей. Это человек, равнодушный к людям и к делу. К. Львова изобличает в своем произведении этот недостаток как один из наиболее живучих пережитков прошлого в сознании людей.

Пестрак понимает, что равнодушие не может быть оправдано, и потому, когда приезжают представители из Москвы или области, он всячески демонстрирует свой интерес к делу и к лесопосадкам в частности. «Каждый кусточек имя свое должен иметь...» — говорит старший агроном. Но как только представители уезжают, Пестрак мгновенно охладевает.

Получив такое представление о персонаже, читатель ждет развития образа. Но писательница облегчает себе задачу: не дав событиям созреть, она собственными усилиями наказывает Пестрака, сообщая о снятии его с работы.

Есть еще один интересный конфликт в повести — это конфликт леса и степи. К. Львова — мастер пейзажа. «Пейзаж прекрасен тогда, когда оживлен», — писал Н. Г. Чернышевский. Лес в повести чарующ, полон жизни, движения, борьбы. Вы словно дышите ароматом трав и цветов, узнаете повадки деревьев: видите упрямую и хитрую березку, хищный ясень, кроткий клен, который терпеливо печется на солнце, любуетесь дубом, который не терпит, чтобы ему закрывали путь к солнцу. Яркая костяника, маленький гриб — первые свидетели того, что лес возмужал, что лес в степи — это не сказка, а действительность.

Совсем иными красками рисует писательница степь. Степь в повести недобрая, ветровая, несколько чрезмерно пугающая людей. Смерч в степи проносится с таким змеиным шипением, что кажется, «если бросить нож в этот крутящийся вихрь пыли, то нож упадет окровавленный».

Борьба леса и степи в повести дана напряженно. Но слишком прямолинейно переносит писательница «конфликт» в природе в область человеческих отношений. «Люди засушливой степи упорны нравом, туго прощают обиды, самой природой скроены, чтобы ее побеждать. Говорят, что в лесных местах люди мягче, добрей и красивей», — пишет К. Львова.

Герои произведения — люди советской эпохи, люди, которые умеют своим трудом добиваться счастья, и это хорошо показано в повести К. Львовой. «Лес в степи — это счастье», — повторяет писательница слова ученого, и счастьем созидания, поэзией борьбы наполнено ее новое, интересное произведение.

С. БАБЕНЫШЕВА

Ксения Львова. НА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ. Повесть. Альманах «Год XXXII», выпуск третий.

Разоблачение Ватикана

Книги, как их авторы, имеют свою судьбу. Трагично сложилась судьба Степана Тудора, талантливого революционного писателя Западной Украины, мужественного борца против гнета панской Польши и за воссоединение украинского народа. Он погиб в первый день Отечественной войны при налете фашистской авиации на Львов, не успев осуществить обширные творческие замыслы, подсказанные ему новой, советской действительностью.

В руки оккупантов попал подготовленный писателем к печати роман «День отца Сойки». Фашисты уничтожили рукопись, но друзья Тудора сохранили копию. Преданные руки собирали разрозненные листки. И вот теперь книга, свидетельствующая о давней и горячей симпатии писателя к Советской стране, книга, в которой Тудор беспощадно разоблачил гнусные козни Ватикана, стала достоянием широких кругов читателей.

Почти 20 лет прошло с тех пор, как Тудор приступил к работе над этим произведением, но оно не утратило своей актуальности. Именно сейчас, когда Ватикан открыто защищает агрессивную политику американских империалистов в Европе, когда Пий XII активно поддерживает поджигателей третьей мировой войны и призывает к новому «крестовому походу» против коммунизма, гневное слово Тудора звучит с особой силой.

Действие романа развертывается в 30-х годах на Южной Подолии, у бывшей границы панской Польши с Советским Союзом. Здесь Ватикан имел надежного союзника для борьбы с Советской Россией — униатскую церковь, во главе которой стоял махровый реакционер львовский митрополит Андрей Шептицкий; имел верных агентов в лице целой армии униатских священников.

Отец Михайло Сойка — один из таких ревностных слуг Ватикана, глаза и уши католической церкви на Подолии.

Тудор описал день его жизни. События этого дня как бы обрамляют собой все повествование, охватывающее гораздо более долгий период. «Раскроем этот день, как окно, из которого видна вся окружающая нашего героя действительность», — приглашает писатель. И именно этот принцип широкого показа действительности помог ему создать не только запоминающийся портрет отца Сойки — великого стяжателя и эксплуататора, но и обнажить корни сойковщины, вскрыть социальную природу этого отвратительного явления, его типические черты.

Отец Сойка — стяжатель по природе. Старинная усадьба разорившихся помещиков, мельница старого Райсмунда, лужок задыхающегося от долгов бедняка Смаля — все постепенно переходит в собственность приходского священника. Из служения богу Сойка сделал выгодное предприятие, и именем бога он удобно, словно ширмой, прикрывал свои коммерческие дела.

В Риме под наблюдением таких учителей, как монсиньор д'Эсте и глава католической пропаганды прелат Лётти, молодой способный ученик прошел курс шпионажа. И здесь же, в стенах Ватикана, он научился с зоологической ненавистью думать о революции.

Когда в Рим доходят вести о революции в России, Сойка с надеждой выслушивает фантастические речи монсиньора д'Эсте о том, что католическая церковь призвана успокоить «страсти на просторах русского государства». Его восхищают бредовые планы Ватикана «захватить весь огромный восток Европы, простереть руку на Урал, в глубь Азии, до берегов Тихого океана! Охватить попечением святой церкви апостола Петра все азиатские народы!.. Чтобы впредь были одно кормило и одна воля, один пастырь и одно стадо!..»

Картина преступной, зловещей деятельности Ватикана, нарисованная Тудором, по сей день сохраняет свою силу. Только еще циничней, еще грубее и откровеннее стали средства и методы, которыми ныне пользуется это черное воинство в борьбе против лагеря мира и социализма. В памяти народов свежи многие факты: и процесс кардинала Миндсенти в Венгрии, и папский декрет от 13 июля 1949 года, угрожающий анафемой миллионам людей, сочувствующих коммунизму. Совсем недавно в зарубежной и советской печати сообщалось, что в Риме создается школа для подготовки агентов-информаторов. Окончившие ее будут засылаться в страны народной демократии — формально в качестве священников, а фактически как негласные американские шпионы.

В сущности говоря, отец Сойка еще в 1917 году окончил в Ватикане такую же школу. Не случайно прелат Лётти так настойчиво предлагал Сойке выехать в составе секретной миссии Ватикана в Россию. Эта «избранная молодежь», эти «разведчики святого Рима», как их пышно именует Лётти, были лишь одним из многочисленных шпионских отрядов Ватикана.

Но у Сойки созрел иной план: вернуться в родовое гнездо, в Подолию. Кулака Сойку прежде всего тревожит судьба собственных земель, страх, что пламя революции охватит долину Серета. Предлагая прелату Лётти перенести свою шпионско-полицейскую деятельность непосредственно на границы с Россией, Сойка надеется, что сумеет помешать распространению идей коммунизма, что ревностные католики здесь воздвигнут против большевизма «вал католической церкви».

Мы знаем, как бесславно провалились бесчисленные попытки заклятых врагов Советской страны соорудить вокруг нее всевозможные валы. И хотя действие романа заканчивается задолго до памятных сентябрьских дней 1939 года, когда распалось лоскутное, буржуазно-помещичье польское государство, Тудор сумел показать историческую обреченность сойковщины, бессмысленность и тщетность антисоветских планов Ватикана.

Не в соседних приходах, а под боком у отца Сойки, в его собственной резиденции — Новой Климовке, которую он считал защищенной от коммунистического влияния, — началось движение бедноты, и здесь же, где-то в Новой Климовке, скрывались инициаторы революционных, антиправительственных выступлений.

Плохо заканчивается для отца Сойки его день. Собрание крестьян не пошло у него на поводу. Не помогли уговоры и угрозы. Победу одержали делегаты бедноты, коммунисты, молодежь, «И все больше казалось отцу Сойке, что завтрашний день будет принадлежать не ему, а этим упрямым, голосистым, непокорным людям».

Образ отца Сойки наделен в романе Тудора яркими индивидуальными чертами, и в то же время это обобщенный портрет, живое воплощение целого социального явления, которое писатель не раз с презрением и ненавистью именует сойковщиной. В обрисовке этого умного, хитрого, коварного и потому особенно опасного врага Тудор широко пользовался сатирическими красками, в описании ряда эпизодов и сцен проявил себя как талантливый памфлетист. Тайные и явные агенты Ватикана — католические шпионы в рясах, снующие по всему миру, — предстают в этой книге в своем истинном обличье, их грязные дела показаны без прикрас.

Талантливый роман писателя-революционера Степана Тудора и по сей день остается острым оружием. Он помогает разоблачать происки империалистической реакции, активно служит делу борьбы за мир.

Б. ГАЛАНОВ

Степан Тудор. ДЕНЬ ОТЦА СОЙКИ. Роман. Перевод с украинского В. Тарсиса. «Советский писатель». 1949. 241 стр. Цена 8 руб.

Коротко о новых книгах

«ГЛОБУС». ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ. Детгиз. 1949. 431 стр. Цена 31 руб. 85 коп.

Составленный при участии Географического общества Союза ССР, «Глобус» рассказывает юным читателям о географии нашей Родины после Великой Отечественной войны, о странах народной демократии, о наших великих путешественниках. Призывая школьников изучать родной край, «Глобус» учит юных географов, как проводить такие исследования. Ежегодник описывает также некоторые капиталистические страны после войны и рассказывает о национально-освободительной борьбе против империализма.

Теодор Драйзер. ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ. Гослитиздат. 1950. 214 стр. Цена 3 руб. 25 коп.

Книга, составленная из лучших очерков, рассказов и публицистических выступлений великого писателя, дает нам возможность увидеть Америку подлинную, а не в пестро размалеванные рекламы, которые плодят продажные американские литераторы. В этом ценность книги.

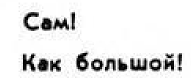

ПЕРВОЕ СЛОВО.

Из серии рисунков Н. Н. Жукова «Наши дети».

С добрым утром!

Сам!
Как большой!

Подружка.

В гости.

Родной дом

Я. МИЛЕЦКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Они сидели в небольшом вишневом саду — дети заложили его 9 мая 1945 года. На молодых деревцах зеленели нежные листки. Было раннее утро. Из раскрытых окон большого здания, напоминающего санаторий, доносились звонкие голоса.

Учительница вынула пакетик с семенами, высыпала их на ладонь и сказала, обращаясь к стоявшему перед ней китайскому мальчику:

— Это семена китайского чая.

— Китайского?

— Да, китайского. Когда вернешься на освобожденную родину, ты увидишь, как он там растет. А пока мы посадим семена на нашем опытном участке и посмотрим, что получится.

— Мне очень хочется, чтобы в Советском Союзе рос китайский чай! — горячо сказал юный натуралист. — Я буду хорошо ухаживать за ним.

— Ну, а пока, милый, пора в школу. Видишь, дети уже пошли,— сказала учительница.

Мальчик схватил сумку с книжками и бросился вдогонку товарищам.

Эту сцену мы наблюдали в интернациональном детском доме, где живут спасенные от террора фашистской реакции мальчики и девочки из многих стран мира. В Советском Союзе они обрели вторую родину, заботливую и любящую. Здесь они воспитываются в духе пролетарского интернационализма. Каждого из них учат на родном языке. Многие из ребят — китайцы, корейцы — в недалеком будущем вернутся домой, где их отцы и старшие братья строят новую, свободную жизнь.

Вот пошли вместе в школу взявшись за руки, негр Джим и китаец Ведя. Они закадычные друзья. Столь же трогательна дружба греческого юноши Афанасия и китайца Синь. У каждого своя мечта: Синь хочет быть летчиком, а Афанасия привлекает профессия моряка.

Волнующа биография юноши-грека. Его отец и старший брат — партизаны — погибли в боях с гитлеровцами. Фашисты расстреляли мать мальчика, и он остался один. Ему тогда минуло 14 лет. Он пробрался к партизанам и участвовал в боях.

Гитлеровцев сменили греческие фашисты. Юноше пришлось скрываться. Понаслышке он знал, что есть на свете страна, в которой дети живут счастливо и учатся в школах. И Афанасий, по совету партизан, отправился в опасный и далекий путь, через горы и долы, в страну социализма. Сперва он попал в Болгарию, а оттуда вместе с частями Советской Армии — в СССР.

Советская страна, как любящая мать, принимает под свой кров детей борцов за мир и демократию, спасая их от фашистских застенков.

Малюткой привезли в детский дом другого греческого мальчика — Константина. Страна социализма позаботилась и о нем. Он стал крепким, веселым, ласковым мальчуганом, любимцем старших воспитанников. Фатима, девочка из Югославии, часто берет Костю на руки, гуляет с ним по саду, рассказывает ему сказки, словно хочет заменить ребенку старшую сестру.

Когда весь мир отмечал 70-летие со дня рождения И. В. Сталина, обитатели детского дома написали сочинения на тему «За что я благодарен товарищу Сталину». Вот выдержка из сочинения Афанасия:

«Лишь здесь, в семье народов СССР, я нашел настоящее счастье. Я, сын кочегара, получил возможность учиться. А ведь в Греции меня никто бы не учил. Раз вы, дорогой отец, проявили обо мне такую заботу, то я должен, обязан упорно учиться и работать, чтобы стать достойным сыном своего народа».

Мы познакомились с отличницей учебы китаянкой Розой Алиевой. Ныне Роза — секретарь местной комсомольской организации. В прошлом году она участвовала в экскурсии на Украину. Роза побывала в Киеве и повидалась со своими подружками — украинскими девочками из Кролевецкого детского дома. В этом доме живут дети погибших партизан из отряда С. А. Ковпака. Они давно переписываются с мальчиками и девочками из Китая, Греции, Югославии. Не раз воспитанники обоих домов ездили в гости друг к другу, вместе путешествовали по украинским и русским городам. Вот и в этом году отличники учебы детского дома отправятся в увлекательную поездку на пароходе по Волге до Сталинграда. Поедет, конечно, и Роза: у нее все пятерки.

— Я хочу последовать примеру Ли, — говорит девушка.

Ли — китаянка, окончившая школу с золотой медалью, ныне студентка одного из московских вузов.

Питомцы детского дома учатся уже в университетах и институтах нашей страны. Но студенты и студентки никогда не забывают своих первых учителей и часто пишут им. На каникулы многие снова собираются здесь.

Тимофей Захарович Макаров, директор детского дома, показывает нам письма, полученные от бывших воспитанников. Большой радостью поделилась с ним Ли.

«Хочу рассказать Вам,— пишет она,— о нашей встрече с вождем китайского народа товарищем Мао Цзе-дуном. Мы собрались в просторном зале. Незаметно вошел Мао Цзе-дун. Раздались бурные аплодисменты.

Мы окружили нашего любимого вождя и попросили на память его автограф. И вот я держу листок бумаги, на котором рукой Мао Цзе-дуна написано по-китайски лишь одно слово: «бороться». Этот листок бумаги я сохраню на всю жизнь, и слово «бороться» будет девизом моей жизни».

Макаров показывает и другие письма. Шлют весточку немецкие девушки, вернувшиеся в Германскую демократическую республику. Кореянка Вива Пак пишет о своих успехах в балетном искусстве: она лауреат Международного фестиваля демократической молодежи в Праге и готовится поступить в Государственный институт театрального искусства.

...Размеренно течет жизнь в интернациональном детском доме. С утра старшие дети уходят в соседнюю городскую среднюю школу, а младшие спускаются со второго этажа на первый, где размещаются классы начальной школы. Малыши отправляются в лес либо переходят в комнату для игр — там много интересных и забавных игрушек. В доме воцаряется тишина — все от мала до велика заняты своим делом.

Но вот наступает час, когда дети возвращаются домой. Из столовой доносится звон посуды. Оживают сад, огород, волейбольные площадки. Потом снова приходит время учебы: дети готовят уроки, работают в кружках, читают.

В послеобеденные часы мы побывали в здешних мастерских. У верстака стоял китайский мальчик — это он так восторгался утром семенами, привезенными с его родины. Мальчик мастерил ящик для посадки китайского чая.

В слесарной мастерской за станком стоял Эрнст — немец. Рядом с ним работали испанец, кореец, негр.

Многолюдно и в комнатах, где занимаются авиамоделисты и искусные вышивальщицы, в физкультурном зале, в библиотеке. Торжественно-тихо сейчас только в большом актовом зале. Над сценой портрет великого вождя и учителя И. В. Сталина. Рядом портреты Георгия Димитрова, Долорес Ибаррури, Мао Цзе-дуна, Чжу Дэ...

День близился к концу. Малышей уложили спать. Группа мальчиков и девочек после ужина вышла погулять на опушку ближнего леса. Здесь в годы первой русской революции собирались на маевку рабочие. На берегу протекающей тут реки пролилась кровь борцов за светлое будущее человечества.

Учителя много рассказывали ребятам о здешних памятных местах, обагренных кровью сынов героического русского рабочего класса. Афанасий из Греции, Фатима из Югославии, Ведя из Китая знают: дом, в котором они живут,— символ международной солидарности советских людей. Он построен на средства, собранные трудящимися, и передан обществу Красного Креста. Прекрасный дом этот стал родным для детей различных стран. Они воспитываются здесь поборниками нерушимой сталинской дружбы народов.

Фатима, девочка из Югославии, часто берет на руки греческого мальчика Костю, гуляет с ним по саду. Рядом с ними идет греческий юноша Афанасий.

Фото Н. Тихомирова.

Время торопя

Ник. УШАКОВ

Предупреждаем

От имени мильонов всепобедных
мы говорим,
предупреждая вас:
чтобы в слезах любовниц ваших бледных
не захлебнуться вам
в недобрый час,
не угрожайте нам
разливом крови:
на страже мы,
настороже всегда.
Земля в порядке,
воздух наготове,
огонь не дремлет,
и не спит вода!

Надеждою и верою согреты,
куем мы счастье
правильной рукой,—
а вот секреты ваши —
не секреты,
и это довод,
да еще какой!

За мир стоим,
но мы готовы к бою.
Что ж,
разрывайте бомбой свой атолл,
что ж,
поджигайте землю под собою,
под собственных детей
кладите тол.

Одна война
смела царя с арены,
вторая —
тоже изменила свет...
Что ж,
в очередь спешите,
джентльмены,
вы третьи будете,—
четвертых нет.

Подумайте,
пока еще не поздно:
растем и крепнем мы
из года в год,
а вот земля горит под вами грозно,
земля горит
и вам подошвы жжет.

Хозяюшка

Темнеет,
хоть еще не поздно.
Декабрьский вечер тут как тут —
в румяной кузнице колхозной,
где держит речь
счастливый труд.

На мельнице
многоголосый,
веселый разговор труда.
Река
на бодрые колеса
бежит спокойно из-под льда.

На въезде там стучат копыта,
и над постройками кругом,
над верхним омутом в ракитах
ликует
деревянный гром.

Всей грудью
дышит кузни пламя...

И ты —
в свои пять с лишним лет —
глядишь влюбленными глазами
на темный снег,
на красный цвет.

Вся пред тобой
страна родная,
все для тебя
в большой стране,
своих богатств еще не зная,
ты в них уверена
вполне.

В подшитых валеных сапожках,
в платке от головы до ног,
стоишь ты в сорока одежках,
капустный
крепкий
кочанок.

Волшебница

Грохочет музыка парадная.
Тобой все заняты одной —
танцуешь легкая,
нарядная
на вечеринке выпускной.

Года шагами исполинскими
спешат вперед,
всегда вперед.
Ты где-то за лесами Брынскими
живешь уже двадцатый год.

В простой избе,
сама все делая,
и прихорашиваться лень.
Навыпуск носишь кофту белую
по моде русских деревень.

Уже совсем иным богатая,
ты ищешь радостей иных —
не ласточка
щеголеватая,—
голубка
мельниц водяных.

Твои птенцы толпой согласною
сбегаются в волшебный дом,
где ты перед доскою классною
их кормишь
золотом-зерном.

По карте водишь ты указкою,
и Родина
встает вдали
еще неслыханною
сказкою
еще невиданной
земли.

От взмаха палочки магической
изба любая,
каждый лес
встают порой коммунистической
где ты —
хозяйка
всех чудес.

Ты разрумянилась, довольная.

Отчизна,
время торопя,
глядит с улыбкой в окна школьные,
не наглядится
на тебя.

В полевом стане

I сниться їй: той син Іван
I уродливий, і багатий,
Уже засватаний, жонатий,
На вольній, бачиться, — бо й
сам
Уже не панський, а на волі;
I на своїм веселім полі
У двох собі пшеницю жнуть...

Шевченко

Комбайны спят.
Пшеница спит.
Луна алмазом настоящим
по нивам золотым скользит,
по людям
и комбайнам спящим.

Заснуло поле тихим сном.
Лишь,
сына в отпуск поджидая,
не спит,
все думает о нем
колхозница немолодая.

Ей кажется:
уже он тут —
ученый
и с женой ученой,
и всем селом они идут
вдоль нивы,
счастьем золоченой.

Читателю этих строк

И этот прутик-хворостинка
на вечереющем лугу,
и эта зябкая скотинка,
глядящая
в туман-реку.

Стоит и смотрит:
что такое!
что там светлеет!
Ничего.

Землечерпалка на покое,
как дремлющее существо.
Заснула...
Спит без сновидений.
А весь Ирпень,
как темный флот,
в неизмеримости осенней
к Большой Медведице
плывет.

И лишь каштанов силуэты,
и лишь вдали освещено,
как на другом конце планеты,
одно раскрытое окно.

Быть может,
на Курилах дальних
огонь горит в твоем окне
и до лучей первоначальных
ты вспоминаешь
обо мне.

Мои припоминаешь строки,
и мы опять
с тобой вдвоем,
хотя на крайнем ты востоке,
а я на западе своем.

Хотя твой край,
ах, как далек он
для равнодушного письма,
но перекличка наших окон —
беседа сердца и ума.

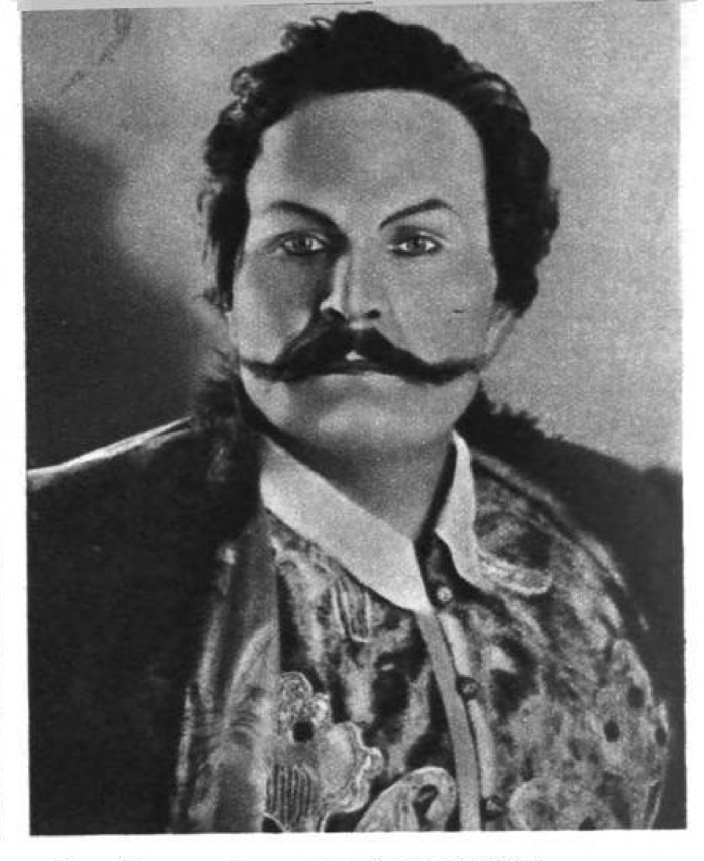
И жар взаимности глубокой
сто тысяч кедрачей прожег,
и все стучит мне издалека
электростанции
движок.

Русский посол Апухтин — В. Стеценко.

Полтавский полковник Мартын Пушкарь — народный артист СССР И. Марьяненко.

Иван Выговский — народный артист УССР А. Сердюк.

С Москвой — НАВСЕГДА

Фото В. Савченко

«Руина» — так назвал украинский народ смутные годы своей истории после смерти Богдана Хмельницкого.

Казалось, рушится все дело великого гетмана. Воспрянули духом много раз тяжко битые казаками враги Украины и в первую очередь шляхетская Польша. Она возобновила свои попытки оторвать Украину от Москвы, находя союзников в украинской шляхте и казацкой старшине.

Одним из самых опасных политических авантюристов того времени был генеральный писарь Хмельницкого и его шурин Иван Выговский. Вместе с ним выступал и другой сторонник «западной ориентации», украинский шляхтич Юрий Немирич.

Но в решающий час народ взял свою судьбу в собственные руки. В грозных боях с иноземцами украинский народ скрепил навеки союз, заключенный Богданом с великим русским народом.

Этот полный глубокого смысла исторический эпизод украинский поэт Любомир Дмитерко сделал темой своей новой пьесы «Навики разом» («Навсегда вместе»), а народный артист СССР Мариан Крушельницкий, руководитель Харьковского театра имени Шевченко, создал на этой основе весьма интересный спектакль.

Ярко и оригинально раскрывает Крушельницкий в спектакле политическую мудрость и благородство своего народа. Угнетаемый и своими и чужими поработителями, украинский народ не дает все же сбить себя никакими обольщениями и принимает единственно правильное, хотя и очень трудное для него решение,— поддержать договор Хмельницкого с царем Алексеем Михайловичем, хотя по этому договору только знатные казаки «будут вольность казацкую иметь», а рядовое казачество «должность обыклую его царскому величеству отдавать», т. е. останется крепостным. Но не с царем же заключал навеки свой союз украинский народ!

...Еще жив великий гетман, но дни его сочтены, и в гетманском дворце, в Чигирине, идет политическая борьба. Выговский послал своих разведчиков и квартирьеров в лагерь сподвижника Богдана и верного друга Москвы, полтавского полковника Мартына Пушкаря. Есаулы Выговского Смик и Бугай внушают казакам инстинктивное недоверие. Между ними и казаками возникают первые стычки. В этих стычках участвуют и запорожец Хрин, и русский крестьянин Соха со своим другом Одноволом, и даже красавица-шинкарка Мотря.

Слепой кобзарь (артист А. Романенко) поет «думу» о том, что случилось в жестоких сражениях на Случи и на Роси. Смысл его песни очень точен: с русскими, и только с ними, вызволены будут украинцы из беды.

Так начинается спектакль «Навсегда вместе».

...Умер Богдан, настал «день Выговского». У дворца в Чигирине волнуется народ. Но вот открываются ворота: казацкая старшина предлагает народу преподнести хлеб-соль новому гетману. Выборные направляются к вдове Богдана, Ганне Золотаренко, и ее малолетнему сыну Юрасю. Ганна благодарит их, но тут же отсылает с хлебом-солью к Выговскому. Не спуская глаз с Ганны и молча присягая ей, и только ей, представители народа вполоборота подносят хлеб-соль Выговскому.

Через несколько дней Выговский принимает уже послов в гетманском дворце.

Польский комиссар Казимир Беньовский (артист Я. Геляс) развивает перед Выговским планы новой «грандиозной» политической комбинации. Смысл ее в том, что Польша присоединит к себе Украину, но называться это будет «федерацией» обеих стран и Литвы, уже ранее проглоченной шляхетской Польшей. Выговский склоняется на уговоры. Через монаха-иезуита Данилу папа Александр VII дает благословение новому союзу. Но Выговский знает заранее, что народ не пойдет за ним. Трезвый политик (таким его изображает артист А. Сердюк), Выговский требует не благословения, а военной помощи.

Но Беньовский и это предусмотрел. Появляется военная помощь в лице перекопского мурзы Кара-бея. Это татарин-степняк, с плеткой и арканом в руках, стяжатель и сластолюбец а главное, человек необыкновенно уверенный в правильности своего подлого «образа жизни». Блестяще играет Кара-бея артист Н. Покотило.

Итак, Выговский получил уже не только «западное руководство» от папы и Беньовского и не только «идеологию» от Немирича, но и реальную военную поддержку от Крыма. При удаче — и на это есть расчет — начнут активно помогать и Турция и Швеция. Но появляется посол Москвы, стольник Апухтин (артист В. Стеценко). Осмелевший Выговский бросает его в тюрьму.

— Есть правда, есть Москва! — спокойно и строго напоминает Апухтин.

За правду и Москву поднялся народ.

Проникновенно и глубоко играет Мартына Пушкаря, одного из героев народной войны, несокрушимого патриота и рыцаря, народный артист СССР И. Марьяненко.

Есть в личной истории Пушкаря замечательный эпизод. Пушкарь заподозрил своего любимого сына Кирика (артист И. Костюченко) в измене. Достаточно было бы одного слова Кирика, чтобы разъяснить это недоразумение, но по ходу событий он не смеет сказать этого слова. Мартын готов уже зарубить Кирика на месте, но узнает, что тот не изменил своему долгу. В этой сцене Марьяненко передает чувство гордости патриота-отца, готового отдать за свой народ и свою жизнь и жизнь любимого сына.

...Погиб в неравной борьбе Мартын. Но история выдвинула новых героев. В союзе с Москвой народ освободил свою страну. Кончилась «руина», и началась новая глава в многовековой общей борьбе русского и украинского народов за свое счастье и свободу.

Не все удалось Л. Дмитерко в его пьесе и М. Крушельницкому — в постановке спектакля. Не показаны в должной мере духовная сила и влияние Москвы того времени. Слабо очерчена роль Ганны Золотаренко — жены Богдана Хмельницкого. И все же в спектакле, монументальном и ярком, явственно проступают контуры большой народной трагедии. Следование лучшим традициям русского и украинского искусства делает новую работу талантливых актеров и режиссуры театра имени Шевченко, посвященную подлинным историческим событиям в истории украинского народа, значительным явлением.

Л. БОРОВОЙ

Кобзарь — А. Романенко.

ТЕАТР И ЕГО ДРУЗЬЯ

А. БРЯНЦЕВ
Народный артист РСФСР

В нашем театре дети чувствуют себя полноправными хозяевами. И не только потому, что актеры, режиссеры и педагоги Ленинградского театра юного зрителя с любовью отдают им свое творчество. В нашем театре постоянно действует полномочное делегатское собрание, члены которого ежегодно избираются в городских школах.

«Сын полка» В. Катаева в Ленинградском театре юного зрителя. Ваня Солнцев — артистка Н. Казаринова, капитан Енакиев — артист В. Яковлев.

Добиться чести стать представителем школы в театре не так просто: чтобы быть делегатом, требуется отличная успеваемость. Если делегат, перестает учиться отлично, он теряет право участвовать в собрании и отзывается школой как не оправдавший доверия избирателей.

Делегаты заняты большой работой. Они проводят собрания и диспуты на темы, раскрываемые в наших постановках; слушают лекции по истории театра; участвуют в кружках критиков, где обсуждают просмотренные спектакли; в кружке драматургов они выдвигают темы, которые хотели бы увидеть воплощенными в пьесах, и сами сочиняют сценарии. Кстати, такие сценарии могли бы оказать существенную помощь драматургам, пишущим для детей. Делегаты несут также дежурство по зрительному залу и фойе, следят за порядком в театре.

Не только для делегатов, но и для всех ленинградских школьников театр юного зрителя — свой, близкий и необходимый. Интересно, что на многочисленных школьных конференциях, посвященных спектаклям «Воробьевы горы» и «Аттестат зрелости», учащиеся обсуждали, главным образом, не игру актеров, а свои насущные школьные дела, горячо критиковали своих товарищей, отмечали лучших.

Плодотворность работы Ленинградского театра юного зрителя становится особенно очевидной, когда мы встречаемся с нашими прежними зрителями, уже повзрослевшими, возмужавшими, превратившимися в талантливых строителей коммунистического общества.

Я вспоминаю такой случай.

В начале тридцатых годов на Моховой улице, где помещается ЛенТЮЗ, шедших в театр маленьких зрителей неизменно задевала группа подростков. Надо было как-то оградить от нее посетителей. Нам советовали обратиться в милицию. Но ведь театр для детей — учреждение педагогическое!

Мы пригласили подростков и предложили заключить договор: будем их пускать на генеральные репетиции, а они должны поддерживать порядок на улице у входа в театр. Наше предложение заинтересовало «злостных нарушителей».

Они оказались способными, деятельными ребятами, ставшими вскоре преданнейшими друзьями ТЮЗ. Несколько лет были они в нашем активе, с энтузиазмом работали в кружках.

Не теряем мы их из виду и поныне. Среди них имеются Герой Советского Союза, педагог, выдающийся стахановец, актер академического театра...

Со многими нашими бывшими завсегдатаями мы поддерживаем связь. Они, советские воины, тепло встречали наши выездные бригады на фронтах Великой Отечественной войны. Они, трудящиеся города Ленина, нередко приветствуют наших работников на улицах.

Все это наполняет радостью сердца и старых артистов, убеленных сединой, и молодых, начинающих тюзовцев. Мы горды тем, что и наш и другие театры юного зрителя давно уже стали необходимостью в общей системе коммунистического воспитания советских детей.

Большой путь пройден. Вспоминаю начало двадцатых годов, ко-

А. А. Брянцев, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии.

гда во многих городах молодой Советской республики, так же как и у нас в Ленинграде, впервые возникли профессиональные театры для детей.

Впервые! Это значило, что у нас не было ни современной детской драматургии, ни своих актеров, ни опыта.

Все это благодаря помощи партии есть у нас теперь. Советские драматурги создали хорошие пьесы, ставшие основой репертуара театров юного зрителя. Широкое признание получили пьесы «Сын полка» В. Катаева, «Красный галстук» и «Я хочу домой» С. Михалкова, «Воробьевы горы» А. Симукова, «Драгоценное зерно» А. Мусатова и другие. Почти все эти пьесы выполняют почетнейшую задачу по воспитанию самого молодого поколения наших соотечественников, которому предстоит жить при коммунизме.

Главный недостаток наших детских пьес состоит в том, что их мало.

Чрезвычайно широк круг детских интересов. Можно смело сказать, что нет такой стороны советской действительности, нет такой отрасли знания, которые не волновали бы юных патриотов. Следовательно, тем для детских пьес — великое множество. А написано на эти темы еще очень мало.

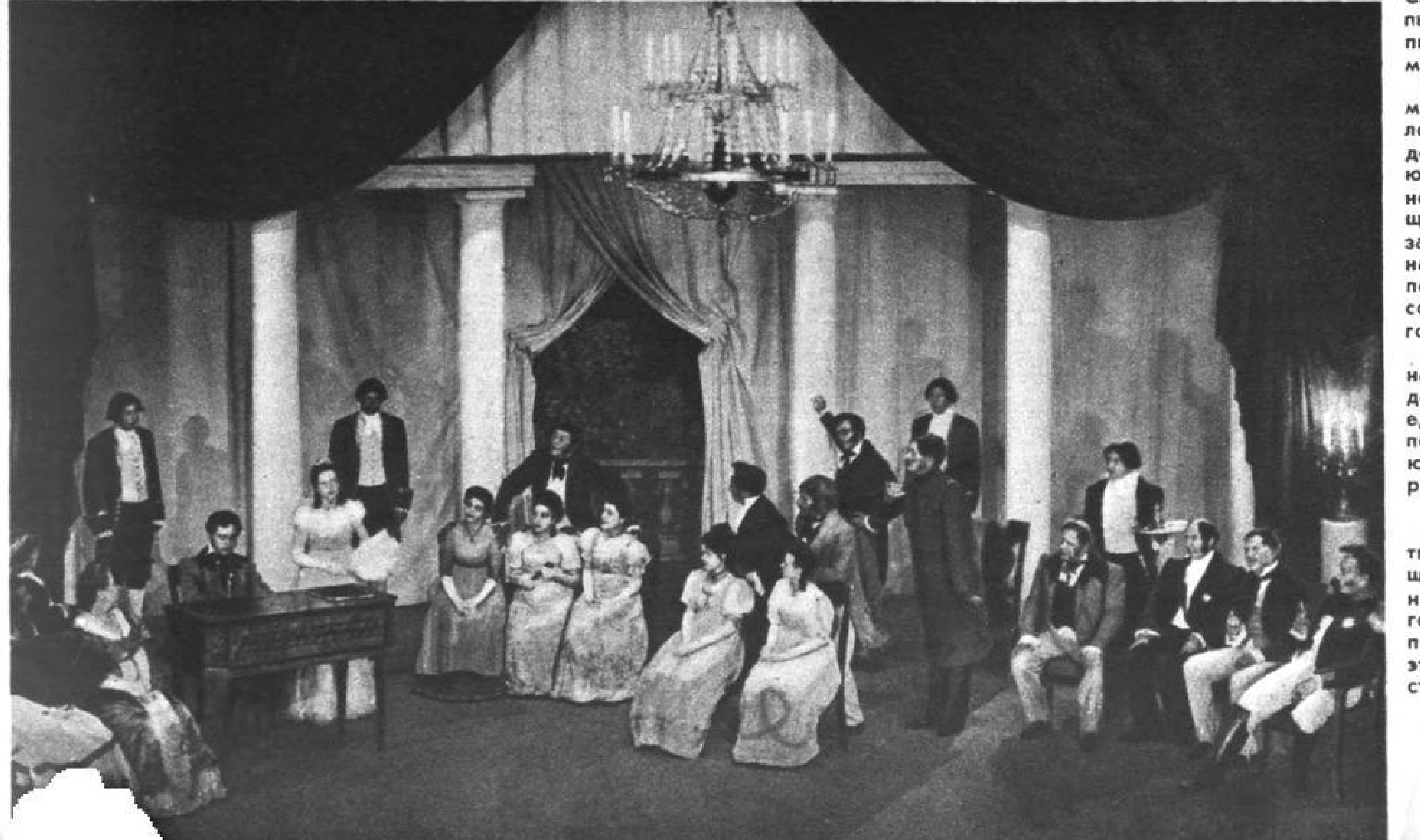
Хотелось бы посоветовать драматургам, пишущим для «взрослого» театра, почаще посещать детские спектакли. Я не сомневаюсь, что горячая реакция зрительного зала на события, происходящие на сцене, шумный успех пьес, затрагивающих и верно решающих наиболее близкие детям темы, побудил бы наших драматургов к созданию произведений для самого благодарного зрителя.

Еще сравнительно недавно мы называли советские театры для детей не только первыми, но и единственными в мире. Ныне по подобию и образцу наших создаются детские театры в странах народной демократии.

В этом есть глубокий смысл.

Народы, строящие социализм, творят свое счастье, свое будущее. Это светлое будущее принадлежит поколению, которое сегодня лишь начинает жизненный путь, и формирование сознания этого поколения — задача первостепенной важности.

Сцена из спектакля «Дубровский» в постановке Ленинградского театра юного зрителя.

Мастер тройного прыжка

А. СЕМЕНОВ

Тройной прыжок Л. Щербакова

В этом большом магазине игрушек давно уже привыкли к взыскательным покупателям. Но требовательность и придирчивость этого покупателя в солдатской шинели удивили даже бывалых продавцов.

Почти битый час он изучал коллекцию мячей, которую продавцы по его требованию разложили на прилавке.

Солдат подкидывал мячи на ладони, подносил их к глазам, щелкал по ним пальцем и вдумчиво слушал, как они звенят. Закончив этот необычный и, к слову сказать, утомивший продавца осмотр, покупатель наконец выговорил:

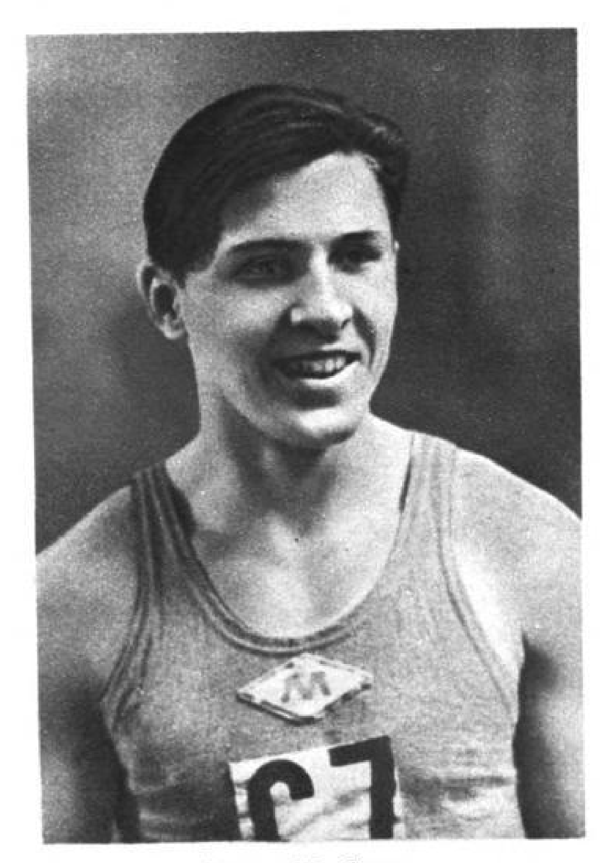
— Заверните, пожалуйста.

— Который?

— Все,— спокойно ответил солдат.

— Зачем, — рассуждали продавцы, — понадобилось солдату это великое множество мячей?

...Немало были удивлены и однополчане Леонида Щербакова, когда увидели, чем занимается их друг в свободное от службы время. Щербаков по-разному бросал мячи один за другим на землю: то он подымался на табурет и кидал оттуда мяч с силой, то садился на корточки и легко, легко выпускал его из рук. С силой и щелканием ударялись о землю литые мячи, с тихим звоном касался ее огромный баллон, опоясанный цветной радугой. В те короткие секунды, когда мяч, отталкиваясь от земли, подпрыгивал, Щербаков успевал что-то отмечать в своем блокноте.

Леонид Щербаков.

К странному увлечению Щербакова товарищи отнеслись с интересом и любопытством.

Леонид Щербаков однажды сказал друзьям:

— Вы, ребята, не думайте, что я пустяками занялся... Это мой учитель, Иван Петрович, посоветовал, а зачем, сейчас узнаете.

Но прежде расскажем о том, как солдат Щербаков встретился с заслуженным мастером спорта Иваном Петровичем Сергеевым, как один из них стал учеником, а другой учителем. Однажды в осенний день 1946 года на московском стадионе «Сталинец» Иван Сергеев тренировал спортивную молодежь. Близко от него, на той же скамейке, сидел молодой солдат. Он то поглядывал на Сергеева, то смотрел вниз, на гаревую дорожку. Когда Сергеев поднялся, солдат тоже встал и решительно подошел к нему:

— Разрешите обратиться?

— Пожалуйста, — сказал тренер, — я вас слушаю.

— Мне кажется... — и солдат замялся,— мне кажется, что я смогу стать спортсменом.

— Очень возможно,— улыбнулся Сергеев и внимательно оглядел своего собеседника. Под аккуратно заправленной солдатской гимнастеркой опытный взгляд тренера видел сильные, крепкие мышцы. Во всем облике молодого солдата чувствовалась внутренняя собранность и твердая воля. — Какой же вид спорта вас наиболее привлекает?

— Я люблю бегать, прыгать, метать гранату...

— А сейчас можете показать, как вы бегаете?

— Здесь? Сейчас?.. Могу попробовать.

И вот вместе с бегуном стартовала стрелка секундомера. Стометровка пройдена — 12,3 секунды! Это был хороший результат. В особенности для человека, бежавшего... в солдатских брюках и босиком.

— Отдохните — попробуем другую дистанцию.

Прошло 5—6 минут, и Щербаков побежал на тысячу метров. Внимательно приглядываясь к нему, Иван Петрович видел, что молодой человек не владеет даже элементарной техникой бега. Но тренер заметил и другое: собранную волю юноши, который щедро отдавал бегу всю крепкую силу своего ладно сбитого тела. У юноши не было техники, но по правильному положению тела видно было, как много сил и времени затратил он на самостоятельную тренировку.

И вот позади остался целый километр беговой дорожки. Стрелка отсчитала 2 минуты 54 секунды!

— Оденьтесь,— сказал Сергеев,— нам нужно поговорить.

Это был большой и честный разговор. Давно уже опустели трибуны и дорожки стадиона, а эти двое все продолжали свою беседу. Правда, говорил только один — учитель, но когда он останавливался, то в молчании своего собеседника чувствовал прямодушный и твердый ответ: «Да, согласен!», «Да, все выполню!»

— Я верю, что из вас может выйти большой толк,— сказал старый тренер.— Данные у вас есть. Но помните, что одних данных недостаточно. Чтобы стать настоящим спортсменом, нужно работать. И еще скажу вам: каким бы видом спорта вы ни решили заняться — начните со спринтерского бега. А кроме того — побольше баскетбола. В этой игре вы приобретете ловкость — качество, еще более необходимое спортсмену, чем быстрота, выносливость и сила.

Молодой спортсмен отчетливо сознавал, как трудна дорога, ведущая к вершинам спортивного мастерства.

Он тщательно пересмотрел свое до предела уплотненное расписание и выкроил достаточно времени для теоретических занятий. В его шкафчике появились книжки о воспитании спортсмена, учебники спортивной гигиены, статьи мастеров спорта. Наиболее важное из прочитанного он конспектировал в своем дневнике тренировок.

На первой странице этой карманной «энциклопедии» по физкультуре Щербаков сделал примечательную надпись: сперва он крупно и четко вывел — «настойчивость», а затем, помедлив, добавил: «помноженная на труд». Одна за другой стали покрываться записями страницы дневника. Здесь часто встречаются рисунки, характеризующие правильное положение бегуна, сведения из биографии выдающихся спортсменов.

Даже своему тренеру Леонид не признавался, как неутомимо и точно следует он правилу: работать, работать и еще раз работать. Сколько бы раз на баскетбольной площадке ни менялись тренирующиеся команды, в них обязательно участвовал Щербаков. Когда же нельзя было составить команды, Леонид играл... один. От края площадки он стремительно бежал вперед, чтобы точно бросить

мяч в корзинку. А затем начинал игру снова и снова.

Он уделял много времени тренировке в беге, все время улучшая свой результат. Вот он уже стал тратить на стометровку лишь 11,8 секунды. И тогда в спортивном обществе «Динамо» решили, что из Щербакова выйдет превосходный спринтер. Работать с ним поручили Виктору Булыгину, одному из лучших спринтеров того времени. Однако до Леонида дошло, что его новый тренер в нем разочарован. Булыгин утверждает, что спринтера из Щербакова не выйдет, так как ему не дается в совершенстве искусство махового шага, необходимого классному бегуну.

— Ничего, — сказал самому себе Щербаков, — не следует огорчаться. Это — неизбежное в начале пути затруднение.

Такого же точно мнения держался и Сергеев. Однако до поры до времени он не считал нужным высказывать его вслух. Конечно, думал он, из Щербакова спринтера не выйдет, но особенность его бега такова, что она ему даст возможность проявить себя в тройном прыжке. Не будем спешить! Пусть Щербаков станет прекрасно тренированным, разносторонне подготовленным спортсменом — и он, несомненно, добьется многого именно в тройном прыжке.

Лето 1947 года. Щербаков стал уже таким разносторонне тренированным спортсменом, каким хотел его видеть тренер. Леонида включают в состав команды «Динамо», участвовавшей в московском соревновании по многоборью. И в этом ответственном состязании столичных физкультурников новичок одерживает блестящую победу.

Поздравляя своего ученика, Сергеев сказал ему:

— Ну, а теперь ты можешь, по-моему, начать готовиться к тройному прыжку.

— И я так думаю,— ответил Щербаков.

Этого ответа давно уже ждал тренер. Опытный педагог, он знал, как важно добиться, чтобы ученик как будто самостоятельно пришел к тому же мнению, что и учитель. Разнообразными спортивными упражнениями Сергеев исподволь подводил своего ученика к тройному прыжку.

Теперь он счел нужным объяснить ему все тонкости и трудности тренировки к тройному прыжку.

— Помни, Леонид, — объяснял он, — что успех зависит от второго прыжка. На нем должна быть сконцентрирована вся твоя сила и воля, вся твоя ловкость и настойчивость.

В самом деле, когда мы смотрим с трибуны стадиона на тройной прыжок, мы не замечаем того «пресса», который при втором прыжке как бы давит на прыгуна, прижимая его к земле. Между тем этот незримый «пресс» — инерция,— по подсчетам специалистов, наваливается на спортсмена с большой силой.

— Тренируй мышцы ног, Леонид,— говорил тренер. — Для совершенного второго прыжка они должны стать у тебя поистине стальными. Работа со штангой очень хорошо укрепляет ноги, займись ею.

Те, кто бывал в то время в спортивном зале «Динамо», видели, как выполнял Леонид Щербаков указания учителя. Тренируясь со штангой, Щербаков достиг прекрасных для легкоатлета результатов.

Дружескую поддержку оказал Леониду слитный, спаянный коллектив «Динамо». Товарищи помогали молодому физкультурнику не только наращивать спортивное мастерство, они заботились и о его идейно-политическом воспитании. Леонид стал вдумчиво изучать историю партии, гениальные творения Ленина, Сталина. И в один памятный, счастливый день произошло важнейшее в его жизни событие: он был принят кандидатом в члены ВКП(б).

...Длительная тренировка закончена, он прыгает — двенадцать с небольшим метров! Еще две недели — и длина его прыжка перевалила за 13 метров!

— Послушайте Иван Петрович, — сказал кто-то из зрителей, наблюдавших прыжок Щербакова,— ваш ученик прыгает, как барс, сильно и грациозно.

— Если вам по душе сравнения,— улыбаясь, заметил Сергеев,— я предложу вам другое, но более точное и подходящее к случаю: это прыжок кенгуру! Ведь естествоиспытатели утверждают, что никто не отталкивается от земли так легко и сильно, так свободно и точно, как кенгуру — «прирожденный прыгун».

...Пора уже возвратиться к рассказу, который вел Щербаков в кругу солдат, своих товарищей. Он поведал им о совете учителя: наблюдать за тем, как подпрыгивает мяч, брошенный о землю.

— Так,— говорил тренер,— как мяч, упавший на землю, отскакивает от нее, так и «сильная» нога твоя должна отскочить от земли при втором прыжке.

...Последние дни лета 1948 года. Харьковский стадион. Соревнования по тройному прыжку. Все ждут выступления Щербакова. Теперь уже не только Сергеев, но и многие другие верят в способности молодого спортсмена.

Щербаков прыгает и... проигрывает!

1949 год. Щербаковым заинтересовался тренер Николай Озолин. Он работал с ним долго и упорно. Наконец появились реальные результаты: Щербаков устанавливает новый всесоюзный рекорд: прыгает на 15,43 метра! Это одновременно и лучший мировой результат прошлого года. Молодому спортсмену присваивают звание мастера спорта.

Весна 1950 года. На кавказском побережье ласково дышит море. Ранним утром залитого солнцем дня в окрестностях Сочи по горной дорожке бежит молодой спортсмен. Щербаков начинает свою ежедневную тренировку; он готовится к новым рекордным тройным прыжкам. Он тренируется с характерной для него настойчивостью.

СПОРТИВНЫЕ ТАНЦЫ

В течение нескольких дней физкультурники Харькова были свидетелями интересного зрелища: здесь происходили соревнования на первенство Центрального совета добровольного спортивного общества «Медик» по художественной и спортивной гимнастике и акробатике. В них принимали участие 150 физкультурников.

...Звучит музыка. В цветистых костюмах девушки исполняют танцы с шарфами, мячами, обручами, лентами. Девушек сменяют мужские команды акробатов. Зрители тепло приветствуют спортсменов, их смелые и слаженные упражнения.

В числе участников соревнований — врачи, медицинские сестры, санитарки, молодые научные работники многих городов Союза. По художественной гимнастике первенство завоевала женская команда Москвы, а личное первенство — москвичка Людмила Зотова, слушательница медицинской школы.

В соревнованиях по спортивной гимнастике успешно выступила команда Грузии, завоевавшая первое место, а среди акробатов лидерами соревнования оказались москвичи и краснодарцы. Общего комплексного места добилась команда Ленинграда.

Высокое мастерство спортивной гимнастики продемонстрировали заслуженный мастер спорта Николай Серый (Москва), Ядвига Гринкевич (Львов) и Этери Гагошидзе (Грузия).

Слева: танец с шарфами; выступление комсомолок московской команды. Слева направо: студентка 2-го Московского медицинского института Вита Чертулова, студентки Московской медицинской школы Надежда Чайшвили и Людмила Зотова.

Справа: танец с лентами; выступление комсомолки Людмилы Зотовой.

Фото П. Омельяненко

Джек ФАЛЬСТАФ

Рисунки Владимира Гальба

Сатирический рассказ американского журналиста Джека Фальстафа о том, как девочка Алиса побывала в царстве американской «демократии», пародирует известную книгу для детей английского писателя прошлого века Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Кэрролл повествует о необычайных приключениях маленькой девочки в фантастической стране, где не признают логики, где царят нелепость и произвол. После многих происшествий девочка попадает в суд, в котором вершит свою волю сумасшедшая «королева червей», приказывающая сперва рубить подсудимым головы, а потом уже выносить приговор.

В сказочном лесу Алиса встречается с Белым Рыцарем, являющимся воплощением самоуверенной тупости.

* * *

— Кто все эти несчастные за решеткой? — спросила Алиса, и в глазах ее блеснули слезы сочувствия.

— Это люди, повинные в том, что требовали права слова,— ответил Белый Рыцарь.

— Не смейтесь надо мной, пожалуйста,— умоляюще сказала Алиса,— за это судить людей нельзя.

— А кто сказал тебе, что их судят за это? — Белый Рыцарь снисходительно улыбнулся.— Судят их за другое. Но вина их заключается в том, что они требовали права слова.

— Значит, за это их судят?

— Нет. Судят их за бродяжничество.

— А разве они бродяги?

— Нет, конечно. Но не посмеют же они отрицать, что действительно требовали права слова.

— Я думала, за бродяжничество судят лишь бродяг.

— У тебя отсталые понятия. Кто же станет обвинять бродяг в бродяжничестве?

— А в чем?

— В грабеже.

— Но они ведь не обязательно грабители?

— Может быть, и нет. Но они бездомные, и в этом их вина. А если бездомного человека умело припереть к стенке, то он признает себя виновным в чем угодно. Эх ты, голова!

— Хорошо,— тряхнула кудрями Алиса,— значит, в Америке поступают так: если вы виновны в одном, то вас непременно предадут суду за другое.

— Пардон,— Белый Рыцарь смерил Алису надменным взглядом,— я никогда не оказываюсь ни в чем виновным.

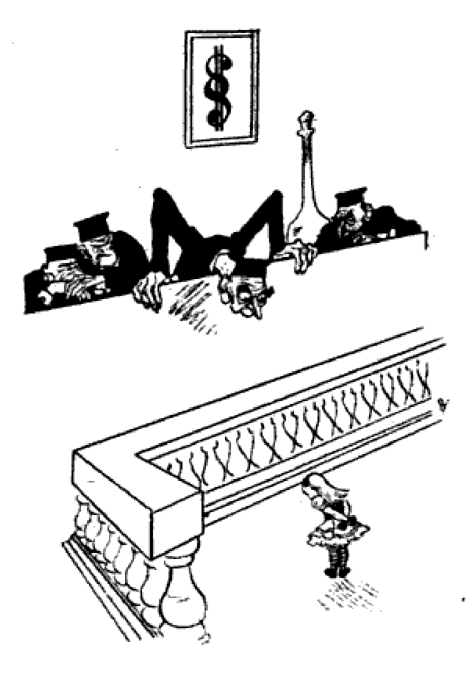
— Вы не поняли, я не имела в виду вас. Я употребила местоимение «вы» вообще...

— Нечего ссылаться на «вообще»! — закричал Белый Рыцарь.— Отвечай «да» или «нет»!

— «Да» или «нет»? Что «да» или «нет»?

— Признаешь ты себя виновной или нет?

— Но мне же не предъявили никаких обвинений?!

— Пока не предъявили. Но предъявят.

— За что?

— За то, что у тебя отзывчивая душа.

— Иметь отзывчивую душу — не преступление.

— Даже если так, то все равно американские власти этого не потерпят!

* * *

— Надеюсь, вам не очень надоело со мной разговаривать,— сказала Алиса.— Меня так заинтересовала система американской демократии, что я желала бы узнать о ней побольше.

— Девочка, осторожнее выбирай выражения. Уж не шпионка ли ты? Стоит мне высказать это подозрение вслух, как тебя сейчас же арестуют за сопротивление аресту.

— Но я же не сопротивлялась никакому аресту?

— А если бы полисмен захотел тебя арестовать за сопротивление аресту, разве ты бы не сопротивлялась?

— Пожалуй, да.

— Ну вот, видишь, твоя вина налицо.

* * *

— Ах,— вздохнула Алиса, отчаявшись что-нибудь понять,— переменим-ка лучше тему беседы. Кто этот человек в камере одиночного заключения?

— Это,— зашептал Белый Рыцарь таинственно,— опасный преступник.

— Ого, наверно, убийца?

— Что ты! — замахал руками Белый Рыцарь.— Он опаснее, чем убийца! Он осмелился мыслить!

— Вот так преступление!

— Ничего ты не понимаешь. Ты еще, чего доброго, скажешь, что можно безнаказанно мешать уличному движению?

— Каким образом этот человек мог ему мешать? При чем здесь уличное движение?

— Совершенно не при чем. В этом-то и заключается удобство нашей демократической системы, что можно обвинить человека, в чем он не виноват.

— Довольно глупая система,— сказала Алиса.

— Ничуть не глупая,— обиделся Белый Рыцарь.— Напротив, весьма рациональная. Если ты возненавидел своего ближнего с тем же пылом, с каким возлюбил самого себя, то не надо обвинять его в том, что он тебе ненавистен. Просто позвони в полицию и заяви, что автомобиль твоего ближнего стоял ночью на улице без красного хвостового фонаря. Вот тебе образчик гибкости нашей системы. Впрочем, наша система за последнее время настолько усовершенствована, что сегодня даже не требуется обязательное отсутствие хвостового фонаря, чтобы предъявить ближнему подобное обвинение. Достаточно заявить, что фонарь мог бы испортиться, перегореть, так сказать, отсутствовал потенциально. При помощи нашей системы мы можем доказать, как дважды два — четыре, что если бы люди собрались на улице обсудить взгляды человека, который осмелился мыслить, то это могло бы помешать уличному движению.

— Ага, теперь я начинаю коечто понимать,— растерянно пробормотала Алиса.

— Итак, суммирую,— важно продолжал Белый Рыцарь.— Мы считаем, что легче обвинить человека в чем-нибудь таком, чего он вовсе не делал, нежели доказать, что неугодные властям его поступки являются преступлением. Если рабочий раздает на улице листовки, то мы арестовываем его по обвинению в бродяжничестве. Если появляется книга, в которой выражены взгляды, направленные против наших экономических порядков, то мы объявляем эту книгу «непристойной» и привлекаем автора к суду. Когда одно обвинение оказывается неподходящим, мы предъявляем подсудимому второе, третье, четвертое... Если он апеллирует в высшие инстанции, то у нас есть в запасе новые обвинения. В этом и заключается вся прелесть нашей системы. Ведь, обвиняя подсудимого только в одном преступлении, мы, естественно, ограничены узкими рамками. Когда же имеется возможность обвинить его в чем угодно, то к услугам судей весь свод законов США. Выбирай, что угодно! Кое-кому из подсудимых удается опровергнуть четыре, а то и пять различных обвинений. Но у нас это все предусмотрено. Мы упекаем подобных людей в сумасшедший дом.

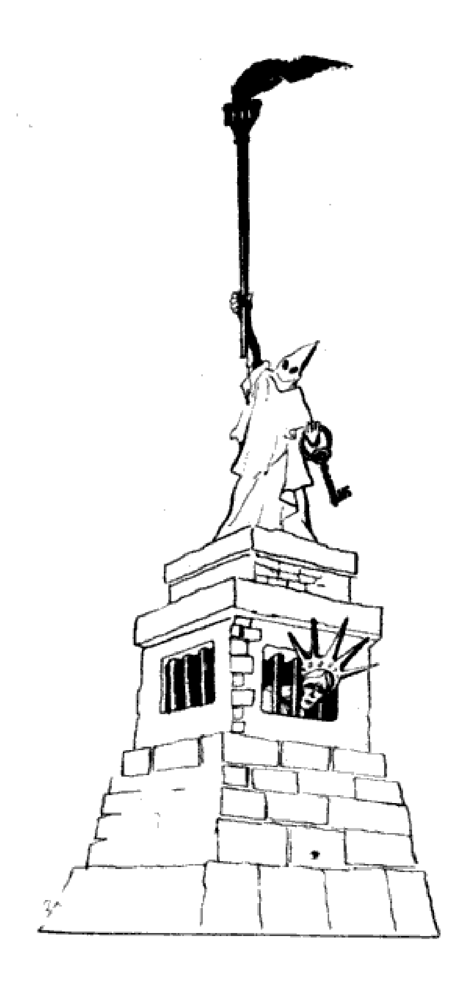
— Но разве никогда, никогда не бывает таких людей, которые добиваются оправдания? — спросила Алиса.

— Редко, но бывают. Впрочем, наша система позаботилась и об этом. Под конец, как правило, подсудимый успевает истратить все свои сбереженья на кассационные жалобы, причем фактически он проводит в тюрьме столько же лет, сколько ему пришлось бы просидеть, если бы он не совался с разными кассациями, а спокойно отбывал свой срок.

— Позвольте, — взволнованно перебила Алиса,— тогда, выходит, большинство заключенных в американских тюрьмах — неповинные люди?

— Ну и что же,— с трудом сдерживая раздражение, пробурчал Белый Рыцарь,— каждый человек на свете в чем-нибудь да неповинен.

Перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

В июне бурный ход весны замедляется, и незаметно, считая с начала отцветания сирени, весна переходит в лето. Все птицы уже прилетели, весь лес оделся и зеленеет свежо и пышно, цветут луга, колосится и зацветает рожь, зеленеют огороды, созревает одна из самых прекрасных наших ягод — румяная и ароматная земляника, зацветает один из самых благоуханных наших цветов — жасмин.

Букеты сирени и ландышей, столь обычные в каждом доме весной, теперь сменяются букетами белой ромашки (поповника), скромной родственницы пышной хризантемы, и букетами ночной фиалки (любки) — одной из наших северных орхидей.

Стоят самые длинные дни: три четверти суток солнце не уходит с неба, поднимаясь около четырех часов утра и заходя в десятом часу вечера. Оно неглубоко опускается под горизонт, и еще после его захода долго светло, а светает задолго до восхода. Это белые ночи, когда вечерняя заря встречается с утренней. Южная граница этих ночей проходит на широте Полтавы, где белая ночь бывает в году только однажды — 22 июня, — зато чем севернее, тем период их продолжительнее, промежуток между встречей зорь короче, а ночи светлее; в полярных областях светит полуночное солнце, круглые сутки не уходя с неба.

Погода в первой половине июня бывает еще неустойчивой, с осадками, вторая половина — нередко с грозами, тем не менее это один из трех самых тихих и теплых месяцев в году: средняя его температура превышает 15°.

На земле и в воздухе ползают, порхают и летают тысячи насекомых. Наступает лучшее время уженья на эту крылатую приманку. Улучшается клев леща и голавля, начинают брать сом и судак.

На полях и на огородах средней полосы России пропалывают посевы, окучивают капусту и картофель; начинается сенокос, а на юге приступают к уборке хлебов.

С 25 июня день убавляется на одну минуту, убыль его пока еще не заметна; к 29 июня набегает только четыре минуты, но народный календарь в этот день отмечает, что «солнце идет тише, и птицы затихают». У пернатых — страдная пора выведения потомства. Уже летают молодые скворчата и грачата, другие птицы заняты высиживанием, третьи — выкармливанием птенцов.

Птенцы растут необыкновенно быстро: у мелких птиц весь цикл развития — от вылупления из яйца до вылета из гнезда — занимает всего недели две. Чтобы так быстро расти, птенцы должны очень много есть, и они поглощают пищи больше, чем весят сами, прибавляясь за день в весе от 20 до 50 процентов.

Для того, чтобы накормить таких прожорливых малышей, дятел, которого наблюдали под Москвой, начинал свой «рабочий день» в 4 часа утра, а заканчивал его в половине десятого вечера, прилетев с кормом к гнезду 350 раз.

Б. М.

РУССКИЕ САМОРОДКИ

САМОУЧКА-АРХЕОЛОГ

Примером бескорыстной любви к науке, к родной старине является жизнь археолога, этнографа и популяризатора русского народного искусства Ивана Александровича Голышева.

Родился он 14 июня 1838 года в семье крестьянина-крепостного графа Панина, в деревне Голышевке, у слободы Мстера, бывшей Владимирской губернии. Отец его, как и все в роду Голышевых, занимался иконописью и стремился дать сыну хотя бы небольшое образование.

Проучившись немного в школе, молодой Голышев заинтересовался новым тогда литографским делом. Будучи с детства искусным рисовальщиком, он приобретает на свой скудный заработок литографский камень и делает на нем первый рисунок. Вскоре с помощью родных Голышев создает у себя на родине в 1858 году кустарную литографию и с увлечением начинает печатать лубочные картинки из народной жизни. Знакомство с известным археологом К. Н. Тихонравовым наводит Голышева на мысль посвятить свою жизнь археологии, изучению старины, обычаев родного края.

Вскоре он делает попытку описать свои наблюдения. Записи Голышева помещают во владимирской газете, и это окончательно определяет дальнейшую деятельность ученого-самоучки. С 1861 года он опубликовывает свыше 600 статей по археологии, этнографии и истории горячо им любимой родины.

Его имя становится известным в России. Многие научные общества избирают Голышева почетным членом. За свои исследования он награждается многими серебряными и золотыми медалями.

Умер Иван Александрович Голышев в 1897 году. Созданные им иллюстрации к народным сказкам, прекрасное описание памятников старинной русской резьбы по дереву, многочисленных его археологических находок, старинных обычаев и обрядов русского народа оставили на долгие годы память об этом талантливом русском патриоте, самородке-ученом.

В. Рыбасов

НЕХИТРЫЕ ЗАДАЧИ

О ТЕПЛОЕМКОСТИ

Во время одного физического опыта нагревали воду и воздух, заключенные в одинаковые и равные по объему баллоны. Энергия и время, затрачиваемые на нагрев, были также одинаковыми.

Что нагреется больше: вода или воздух?

МАК И ВАСИЛЕК

Двое, посетившие в разное время ботанический сад, заспорили. Один уверял, что красный мак кажется более светлым, чем василек. Другой утверждал, что василек выглядит явно светлее красного мака.

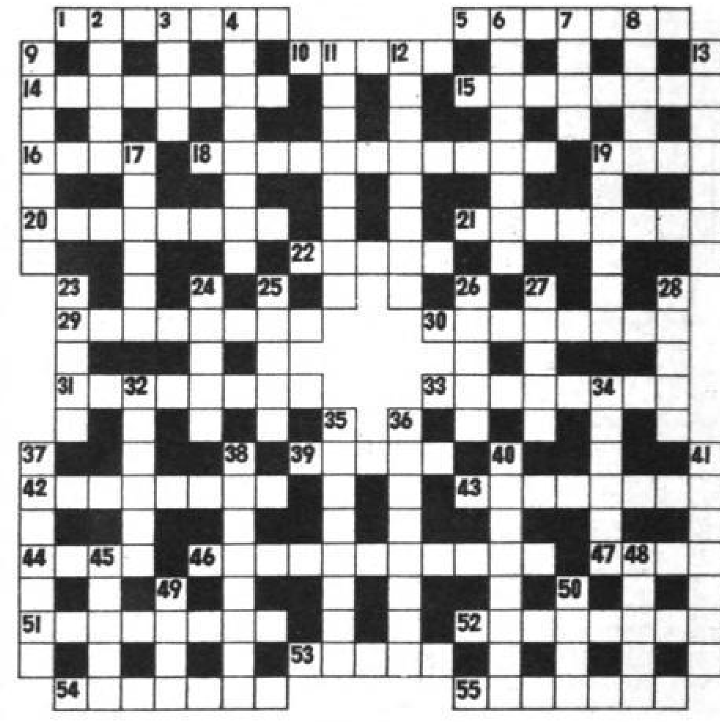
Кто же был прав?

ГЛУБОКОВОДНЫЕ РЫБЫ

Некий рыболов рассказывал, что он поймал однажды в море на удочку несколько любопытных глубоководных рыб. Его товарищ назвал это типичным «охотничьим рассказом». «Как обычные рыбы, — сказал он, — не могут жить на больших глубинах, так и глубоководные рыбы не могут подняться на поверхность, доступную для удильщика».

Верно ли это утверждение?

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Советская республика. 5. Тонкая книжка. 10. Военные действия. 14. Деятельный член организации. 15. Выборы. 16. Род карикатуры. 18. Советский писатель. 19. Постоянный состав сотрудников. 20. Русский композитор. 21. Порода обезьян. 22. Часть Китая. 29. Музыкальное произведение. 30. Советская республика. 31. Беседа для печати. 33. Украинский поэт. 39. Музыкальный инструмент. 42. Литературный сборник. 43. Народная республика. 44. Зверь. 46. Заявка на должность. 47. Повозка. 51. Музыкальный инструмент. 52. Состав исполнителей пьесы. 53. Трава, выросшая на месте скошенной. 54. Город в Польше. 55. Выписка о дате рождения.

По вертикали:

2. Моторная лодка. 3. Плод. 4. Русский художник. 6. Эволюция. 7. Вертикальная горная выработка. 8. Сорт яблок. 9. Столица народной республики. 11. Музыкальное произведение. 12. Одногорбый верблюд. 13. Мера веса. 17. Орган. 19. Подставка для приборов. 23. Советский футболист. 24. Музыкальный инструмент. 25. Металлургический процесс. 26. Польский композитор. 27. Успех. 28. Русский композитор. 32. Полуостров в СССР. 34. Рыба. 35. Объединение промышленных предприятий. 36. Порт на Сахалине. 37. Искусство ведения боя. 38. Советская артистка. 40. Публичное обсуждение. 41. Рукоделие. 45. Композитор. 48. Профессия. 49. Солдат. 50. Субтропическое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 21

По горизонтали:

9. Консервы. 10. Аналогия. 11. Вьюн. 12. Стеарин. 13. Ость. 14. «Казаки». 17. Сборка. 21. Родос. 24. Патрон. 25. Размер. 26. Созидание. 27. Юнга. 28. Мусс. 29. Флора. 30. Опоек. 31. Краб. 34. День. 35. Социалист. 36. Очерет. 37. Натура. 38. Ягода. 41. Ефимов. 45. Шкулев. 48. Стан. 49. Событие. 50. Ильм. 51. Комсомол. 52. Лекторий.

По вертикали:

1. Борьба. 2. Осанка. 3. Бруски. 4. Лысенко. 5. Забрало. 6. Каунас. 7. Болото. 8. Чистик. 14. Красноречие. 15. Зурна. 16. Консульство. 18. Буревестник. 19. Разум. 20. Александров. 21. Резорбция. 22. Дрда. 23. Синоптика. 32. Бурки. 33. Лазо. 34. Дятел. 39. Горбыль. 40. Деятель. 42. Футбол. 43. Мениск. 44. Восемь. 45. Шленка. 46. Унисон. 47. Ельник.

В СВОБОДНЫЕ МИНУТЫ

Ответы на задачи в № 21

МОРЕ БЕЗ БЕРЕГОВ

Такое море есть в северной половине Атлантического океана. Границами этого безбрежного моря служат морские течения, охватывающие овальным кольцом огромное пространство воды, лишенное сколько-нибудь заметных течений.

Его название — Саргассово море. «Саргассо» — значит мелкий виноград. Так называли португальские мореплаватели средневековья морские бурые водоросли, усеянные шаровидными поплавками. Таких водорослей очень много на поверхности этой части океана.

РАЗНЫЕ ТЕМПЕРАТУРЫ

Известно, что белая, гладкая поверхность сильно отражает световые лучи, а черная — почти все лучи света поглощает, и, следовательно, черные предметы нагреваются на солнце сильнее, чем белые.

На солнцепеке термометр, шарик которого зачернен, покажет температуру большую, чем обычный ртутный.

ШАШКИ

Решение позиции из партии Левинсон — Шацкий, помещенной в № 21.

1. h2—g3 c7—b6; 2. g1—h2! b6 : d4; 3. g3 — f4! g5 : g1 (при 3. . . . e5 : g3; 4. h2 : h6 выигрыш белых не представляет никакой трудности); 4. e1 — f2 g1 : e3; 5. d2 : f8 и выигрывают.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

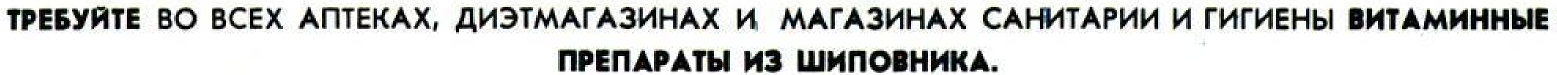
А — 04323. Подписано к печати 23/V—50 г. Изд. № 357. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 1266. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ГЛАВВИТАМИНПРОМ

ВИТАМИН С

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ, ДИЭТМАГАЗИНАХ И МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ **ВИТАМИННЫЕ ПРЕПАРАТЫ ИЗ ШИПОВНИКА.**

Препараты из шиповника предупреждают и излечивают заболевания цынгой, способствуют лучшему обмену веществ и являются лечебным средством против гипертонии (повышенного кровяного давления), способствуют устойчивости организма против инфекционных заболеваний. Витаминные препараты из шиповника выпускаются в виде таблеток, поливитаминного драже и витаминизированного сиропа. Для сохранения здоровья **регулярно пользуйтесь витаминами** и поливитаминами.

Норма потребления витаминов указана на этикетках.

Цена 3 руб.

